

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ»
ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

А. Е. Епифанов

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИБЕРАЛИЗМА
(вторая половина XIX – начало XX вв.)**

Учебное пособие

Волгоград 2018

УДК 329.12(470)"18/19"(075.8)

ББК 66.1(2)53-18я73

Е 67

Рецензенты:

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор **П. В. Анисимов**;

доктор юридических наук, профессор **С. Н. Братановский**

Епифанов, А. Е.

Е 67 Политико-правовая доктрина Российского либерализма (вторая половина XIX – начало XX веков): учебное пособие / А. Е. Епифанов; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM PC с процессором 486; ОЗУ 64 Мб; CD-ROM дисковод; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана.

В учебном пособии с позиций истории отечественного государства и права рассматриваются вопросы, связанные с формированием политико-правовой доктрины Российского либерализма во второй половине XIX – начале XX веков.

С использованием обширного источникового материала, в пособии подвергнуто комплексному, системному анализу не только содержание отечественной либерально-правовой доктрины, но и особенности ее формирования, эволюции, показана связь правовой теории либералов с политической практикой.

Издание предназначено для студентов и магистрантов юридических вузов и факультетов, научной общественности, практических работников правоохранительных органов, а также всех интересующихся отечественной историей учений о праве и государстве. В частности, настоящее учебное пособие призвано обеспечить освоение учебной дисциплины «Политико-правовая доктрина российского либерализма XIX–XX вв.»

ISBN 978-5-7786-0748-4

© Епифанов А. Е., 2018

© Волгоградский институт управления –
филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС РФ, 2018

Оглавление

Введение	4
Глава 1. РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	16
§ 1. Понятие и методологическая сущность российского либерализма	16
§ 2. Основные этапы формирования либерально-правовой доктрины во второй половине XIX века.....	37
§ 3. Политико-правовое содержание доктрины российского либерализма во второй половине XIX века.....	55
Глава 2. РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ	85
§ 1. Эволюция либерально-правовой доктрины в начале XX века.....	85
§ 2. Содержание российской либерально-правовой мысли в начале XX века	102
§ 3. Политическая практика российских либералов (конец XIX – начало XX веков).....	124
Заключение	146
Библиографический список	154

Введение

Актуальность предлагаемого пособия определяется необходимостью изучения исторического опыта, учета уроков прошлого, в ходе осуществляемого в начале XXI столетия преобразования новой России на основе базовых ценностей мировой либеральной цивилизации. Эволюционные процессы, зародившиеся в стране в последнее десятилетие, требуют преодоления исторически-временного разрыва в развитии отечественной правовой мысли и истории российской государственности, образовавшегося после 1917 г. Они резко повысили социальную значимость исследований, посвященных проблемам теории и истории российского либерализма. Огромное значение приобрел ответ на вопрос о причинах срыва попытки модернизации России по либеральному образцу в конце XIX – начале XX вв. В контексте этой проблематики значительный исследовательский интерес представляет научный анализ политико-правовой доктрины российского либерализма во второй половине XIX – начале XX веков, содержащей программу изменения системы организации российской государственной власти. Государственность олицетворяла незыблемость старой России. Темп и характер изменения государственной власти во многом определяли и отражали судьбу либерального обновления страны.

Усвоение уроков, вытекающих из истории зарождения концепции государственного реформирования России в либеральной мысли второй половины XIX в., имеет большое значение для выработки исторического сознания, наращивания интеллектуально-нравственного потенциала народа. Жизнь убедительно доказала, что формирование критического типа мышления, адекватного потребностям открытого общества, возможно лишь на базе полного знания, многомерного восприятия социальной действительности, решительного разрыва с мифологическими формами общественного сознания. Это требует переосмысления многих сюжетов многовекового исторического пути России, в том числе связанных с генезисом российского либерализма. На современном этапе

данное явление обоснованно выделяется в историографии как проблема, требующая комплексного, всестороннего изучения. Это предполагает определение временных границ, этапов, вычленение ключевых проблем в процессе становления и развития либерализма. Актуальность поставленной проблеме придает необходимость всестороннего, объективного исследования либеральной программы изменения системы организации государственной власти в России во второй половине XIX века. Государственная власть и самодержавие олицетворяли устои и незыблемость старой России. Поэтому преобразования государственной власти во многом определяли судьбу либеральных преобразований в стране. Интеллектуальные искания идеологов русского либерализма представляют различные варианты разрешения этой проблемы, теоретическую и практическую значимость которых нам ещё предстоит определить.

Создание в современной России правового демократического государства, гражданского общества, как показывает практика, в том числе, не только правовая, но и политическая, сопряжено с политическими, теоретическими и правовыми трудностями. В их числе центральное место занимает отсутствие четкой, осмысленной и обоснованной концепции, ясного осознания целей и задач государственного строительства, понимания и учета соотношения интересов личности и государства. Сохраняется отношение к человеку как объекту для проведения непрерывных реформ и преобразований.

В этих условиях весьма актуально вспомнить о недавней истории нашей страны, о либеральных идеологах, их политико-правовых воззрениях совершенно незаслуженно забытых, вычеркнутых из многообразного правового, научного и интеллектуального наследия России.

Подобное отношение к истории отечественной правовой мысли, ее достижениям и ценностям, нежелание извлекать уроки из недавнего прошлого, ведет к его повторению, тиражированию, в том числе и к реставрации тех негативных явлений, о которых хотелось бы избежать.

Попытки «либерализации» страны в конце XX века, проведенные не вовремя и неудачно, сформировали в стране достаточно негативное отношение к

либеральным идеям, программам и партиям. В связи с этим возникла проблема, связанная с выяснением причин того насколько либеральная доктрина жизнеспособна в России, возможно ли ее дальнейшее развитие и адаптация, способны ли современные либералы к ее применению в нашей стране. Или же либеральная доктрина, как и прежде, представляет собой огромное достижение мировой и российской философско-правовой мысли, а никуда не годны ее интерпретаторы.

Либеральная доктрина, как известно, включала в себя такие базовые принципы, как приоритет человеческой личности, свободы личности как абсолютной универсальной ценности; следование политическому и идейному плюрализму, политической борьбе в цивилизованных правовых формах; парламентская демократия как наиболее приемлемая форма государственного устройства; разделение властей и т.д. Их не только изучение, но даже простое упоминание имеет для современной России существенное практическое политическое значение. В частности, поможет объяснить, или хотя бы предпринять такую попытку, причины такого явления как отторжение либеральных ценностей в современной России.

Актуальность пособия определяется и тем, что существующее российское государство, современные политики и правоведы до сих пор не выработали собственного и обоснованного отношения к такой важной проблеме как степень, формы, методы, а самое главное цели государственного вмешательства в сферу экономики. Хотя известно, что еще в позапрошлом веке российские либералы глубоко и всесторонне теоретически осмыслили ее, проанализировали и определили правовые принципы государственной политики в отношении собственности. С той точки зрения политико-правовое наследие российского либерализма, отраженное в его политико-правовой доктрине имеет не только научное, но и практическое значение.

Наконец, значимость пособия определяется необходимостью изучить взгляды российских либералов на такую концептуальную и всегда современную для России проблему, как взаимоотношение государства и личности, про-

блему правовой защиты, создания системы законодательных, государственных правовых гарантий соблюдения ее прав.

Таким образом, актуальность исследования политико-правовой доктрины российского либерализма (конца XIX – начала XX веков), определяется не только ее научной, теоретической и исторической значимостью, но и имеет прямое, непосредственное значение для современной отечественной юридической практики.

Анализ специальной отечественной и зарубежной исторической и юридической литературы свидетельствует о том, что проблема формирования политико-правовой доктрины российского либерализма во второй половине XIX – начале XX веков не нашла в ней должного отражения. Обобщающих монографических или учебно-методических работ, специально посвященных ее исследованию, нет.

Вместе с тем имеется значительное количество научных работ историков, философов, социологов, политологов и экономистов, в которых рассматриваются отдельные аспекты, иногда достаточно важные и значимые поставленной в данном исследовании проблемы. В числе этих исследований условно выделить несколько групп.

К первой группе следует отнести исторические исследования, в которых изучаются деятельность российских либеральных партий, их политические программы, законодательная деятельность, большинство из которых вышли в советское время. Многим таким историческим исследованиям присуща политическая заданность, однобокость и излишняя категоричность оценок деятельности российских либералов. Основная масса исторических исследований была опубликована в 90-е годы XX века, во время всплеска общественного интереса к либеральному наследию. В настоящее время крупные, объективные исторические исследования, посвященные изучению проблем российского либерализма – большая редкость.

Вторую группу составляют работы российских и зарубежных философов, социологов и политологов, и политологов, посвященные различным аспектам

либерализма в России. В них проанализированы отдельные стороны мировоззрения таких либералов, как Б. Н. Чичерин, П. Н. Миллюков, Б. А. Кистяковский, С. А. Муромцев и др.

В работах подобного рода поставлены такие значимые, общие проблемы, как влияние либеральных традиций на культурно-исторический опыт России, сущность и содержание российского неолиберализма, его идейных истоки. Признавая существенный вклад отечественных философов и социологов в разработку фундаментальных проблем либерализма, необходимо отметить, что вне их поля зрения осталась правовая и политическая составляющая либеральной доктрины.

Третью группу исследований, не по значимости, а по количеству составляют юридические историко-правовые исследования. Необходимо отметить, что многие историко-правовые работы, в которых анализировалась деятельность российских либералов, осуществлялись и публиковались как в советское время, так и в период современной истории России. Им в полной мере свойственны те же недостатки, что присущи общеисторическим работам: тенденциозность, отсутствие взвешенного, объективного подхода к теоретическому наследию российских либералов. Однако нельзя винить в этом авторов подобных работ, необходимо учитывать и время, когда они были опубликованы.

Большое значение для более глубокого и всестороннего изучения российского либерализма имели публикации программных документов либеральных партий, воспоминаний их политических лидеров и репринтные издания трудов выдающихся либеральных юристов XIX – начала XX веков.

В настоящее время появились современные исследования либерального политико-правового наследия, посвященные изучению как отдельных, хотя и весьма важных его аспектов, так и теоретической деятельности таких видных представителей российской либеральной мысли, как Б. Н. Чичерин, К. А. Неволин, П. Н. Миллюков, П. И. Новгородцев и др.

Тем не менее, следует признать, что появившиеся в последнее время исследования, посвященные творчеству российских либералов, носят фрагмен-

тарный характер и не дают целостной и объективной картины в изучаемой сфере.

На основе современных достижений историко-правовой науки, а также истории, философии права, политологии, культурологии и социологии автором был осуществлен комплексный анализ политико-правовой доктрины российского либерализма, оформившейся в политическое и правовое явление во второй половине XIX века. Изучена возможность ее использования для разработки практических рекомендаций по совершенствованию современного российского государства, его демократических институтов.

Проведенное исследование имело перед собой следующие задачи: изучить понятие и методологическую сущность российского либерализма; исследовать особенности формирования либерально-правовой доктрины во второй половине XIX века; проанализировать политико-правовое содержание российского либерализма во второй половине XIX века; исследовать эволюцию либерально-правовой доктрины в начале XX века; проанализировать основные направления российской либерально-правовой мысли в начале XX века; изучить политическую практику российских либералов (конец XIX – начало XX веков).

В основном исследование было направлено на изучение трудов российских либералов, в которых излагаются идеи, концепции, политико-правовые воззрения на государство и право, права человека, отношения собственности, их эволюции в связи с политическими и социально-экономическими процессами в России во второй половине XIX – начале XX веков.

Теоретическую основу исследования составили отечественные и зарубежные политико-правовые концепции, философские и этические учения. Использовались работы философов, историков права и государства, политических деятелей: И. Канта, Г. Гегеля, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, В. Д. Зорькина, В. С. Нерсесянца, Н. М. Азаркина, Л. С. Мамута, Е. А. Скрипилева, Н. И. Матузова, А. В. Малько и др.

Кроме того, в качестве источников избранная тема исследования обеспечивалась нормативно-правовыми актами, материалами государственных и партийных органов дореволюционной России, а также разного рода перепиской и мемуарами отечественных либералов.

Как представляется, проведенное автором исследование отличается существенной новизной. Она определяется самой постановкой научной задачи и заключается в том, что в рамках пособия с историко-правовых позиций впервые комплексно исследуются проблемы формирования политико-правовой доктрины российского либерализма во второй половине XIX – начале XX веков с целью извлечения уроков, необходимых для реформирования правовой политики современного российского государства и его взаимоотношений с личностью.

Автором предпринята одна из первых попыток комплексного, системного анализа не только содержания либерально-правовой доктрины российских либералов, но и особенностей ее формирования, эволюции, изучена связь правовой теории либералов с политической практикой. Это в свою очередь позволит с большой достоверностью рассмотреть затрагиваемые проблемы в целом.

Новизна исследования определяется также теоретико-методологическим подходом к разрешению научной проблемы в результате систематизации, научного осмысления уже известных материалов, сведений и фактов и их переосмысления с учетом современных достижений историко-правовой науки и новейших политико-правовых исследований. В работе впервые проанализированы основные этапы формирования либерально-правовой доктрины, их правовое содержание и особенности, сформулирована авторская концепция этапов ее создания.

Впервые предпринята попытка комплексного, системного анализа не только содержания либерально-правовой доктрины российских либералов, но и ее эволюции. Всесторонне, на основе анализа различных точек зрения, сложившихся в отечественной философии, политологии и праве, с учетом теоретической полемики по проблемам российского либерализма, изучена связь правовой теории либералов с политической практикой и осуществлено ее теоретиче-

ское обобщение. Произведено авторское переосмысление, с учетом существующих точек зрения, причин неудач реализации либеральной доктрины в определенных исследовани ем хронологических рамках, главная из которых заключалась в том, что либеральные реформы пытались осуществить в предреволюционное или революционное время, а для их успешного проведения необходима социальная стабильность. Впервые дается авторская интерпретация причин и содержания эволюции российского либерализма в начале XX века. Сформулирован вывод о частичном идейно-политическом слиянии либерально-правовой доктрины с радикальными, социалистическими движениями, что послужило основанием для ее отождествления в общественном сознании с социалистическими учениями, способствовало сужению социальной базы либералов, препятствовало ее закреплению в общественном сознании, выводило за рамки сложившегося традиционного менталитета российского общества с его правовым нигилизмом и монархическими представлениями.

Учитывая многогранность проблемы, автор не стремился к рассмотрению всех без исключения аспектов избранной темы. Учебное пособие посвящено исследованию наиболее актуальных базовых историко-правовых вопросов.

Основные положения и выводы, которые были выработаны автором в ходе исследования суть следующие:

1. Во второй половине XIX века в России была создана либерально-правовая доктрина, основу которой составила научная, философская теория, определившая ключевые принципы взаимоотношений государства и общества, государства и личности, отношение к частной собственности. Созданная в Европе, она была воспринята и переработана в России, стала теоретическим обоснованием общественного идеала.

2. Вклад К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина в создание и развитие либерально-правовой доктрины, ее формирование, развитие и распространение до сих пор не оценен должным образом. Проблема состоит не столько в отсутствии должного научного и правового признания их достижений, сколько в отсутствии понимания того, что именно они положили в основу своей политико-

правовой доктрины отказ от конфронтации с государством, революции как метода социального переустройства, постепенность всех социально-экономических преобразований, бережное отношение к человеку и истории страны.

3. Либерально-правовая доктрина в России создавалась в принципиально иных условиях, чем на Западе. В стране во второй половине XIX века только начиналось формирование социально-экономических, политических и интеллектуальных предпосылок для распространения либеральных идей. Абсолютизм и неразвитая экономика являлись объективным препятствием для распространения и освоения либерализма, но не для его осмысления и развития. В этих условиях была создана российская либеральная доктрина внешне столь непохожая на ее европейские разновидности, что возникали сомнения в ее либеральной принадлежности.

4. Доктрина российских либералов по своему содержанию принципиально отличалась от взглядов европейских либералов практически по всем основным программным пунктам: по отношению к самодержавию (сохранить и использовать для преобразований, а не уничтожать), по отношению к частной собственности, свободному предпринимательству, буржуазии, как движущей силе общественного прогресса. При этом главной особенностью либеральной доктрины в России являлось то обстоятельство, что ее основу составляла эволюция, а не революция.

5. Основу содержания политико-правовой доктрины российских либералов составляла концепция защиты прав человека, его правовых, политических и экономических интересов. При этом ее главной особенностью стала антропологическая ориентация, идея личности как носителя и творца духовных ценностей, осмысление проблем сущности и существования человека, смысла его жизни. Наиболее отчетливо эта концепция была сформулирована в начале XX века представителями неолиберализма (Н. И. Кареев, П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, С. И. Гессен, М. М. Ковалевский, П. Н. Милюков, Л. А. Петра-

жицкий, С. А. Муромцев), провозгласившими задачу обеспечения каждому гражданину «права на достойное человеческое существование».

6. В начале XX века российский либерализм пережил период подъема как в теоретическом, интеллектуальном плане, так и в организационном. Была предпринята достаточно успешная попытка создания политической организации, пытавшихся на практике реализовать свою политико-правовую доктрину. Вместе с тем, уже в это время выявилась тенденция к радикализации либеральной доктрины, попытки достичь теоретически обоснованных целей революционным путем. Обнаружился и разрыв между содержанием либеральной доктрины и политической практикой, которая не удовлетворяла ни самих либералов, ни их сторонников.

7. В ходе трех российских революций либеральная политическая практика потерпела сокрушительное поражение. Основной причиной которой стало революционное нетерпение политических лидеров русского либерализма, стремившихся в условиях системного кризиса, решить объективно неосуществимую в то время задачу по созданию в России либерального общества.

8. Политико-правовая доктрина российского либерализма, созданная во второй половине XIX века и развитая в начале XX века, никогда не базировалась на единой теоретической или политической концепции, представляла собой множество течений и направлений, часто противоречащих друг другу, соперничающих между собой. Политически это ослабляло позиции российских либералов, а с точки зрения теории свидетельствовало о продолжавшемся процессе ее формирования, давало надежду на ее дальнейшее развитие. Однако история России не позволила стране пойти по пути, который предлагали либералы.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в том, что впервые был проведен комплексный анализ либерально-правовой доктрины на всех этапах ее формирования: от теоретического осмысления до политической практики, что позволило выявить основные тенденции ее развития, определить теоретическую модель создания такого сложного явления как правовая доктрина.

на. На основе исследования опубликованных работ русских либералов, в том числе малоизвестных или игнорируемых отечественной историографией, политических программ партий либеральной ориентации теоретически осмыслены предпринимавшиеся попытки либерализации русского общества в XIX–XX веках, выявлены основные причины их неудачи. Извлечены необходимые теоретические и исторические уроки, позволяющие не только изучать, но и использовать имеющийся опыт в политической и правовой практике современного российского государства, составить основу для дальнейшего научного исследования либерально-правовой доктрины. Как представляется, результаты проведенного исследования позволяют внести определенный вклад в развитие в отечественную историю учений о праве и государстве как науки и учебной дисциплины.

Практическая значимость проведенного исследования на наш взгляд определяется возможностью использования его результатов в подготовке теоретических, правовых, социально-экономических и культурных условий для постепенного формирования предпосылок перехода к либерализации России, созданию государства, построенного на базовых принципах отечественного либерализма. Пособие позволяет определить, что практическое решение такой сложной задачи как создание либерального общества возможно только при наличии социальной и экономической стабильности, отказе политических партий от политического экстремизма и в итоге длительной кропотливой работы по созданию основ общественного либерального сознания. Результаты проведенного научного исследования позволяют определить возможности, основные правовые и организационные мероприятия для создания в современной России правового государства и либеральных общественных отношений, базирующихся на верховенстве закона, равенстве возможностей граждан, неукоснительном соблюдении их личных и политических прав. Положения и выводы, содержащиеся в пособии, могут быть использованы при разработке концепции совершенствования юридического образования, совершенствовании преподавания курса истории отечественных правовых учений, истории государства и права,

совершенствованию вузовского преподавания юридических наук.

Отдельные положения учебного пособия могут быть использованы в работе по подготовке специалистов административно-управленческого аппарата, как на муниципальном, так и на федеральном уровне. Способствовать формированию у них правовой культуры, базирующейся на основополагающих принципах либерализма, в том числе уважении к человеческой личности, собственности и соблюдении законов.

Глава 1

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 1. Понятие и методологическая сущность российского либерализма

Либеральные идеи стали распространяться в России в начале XVIII века. Первоначально они были доступны ограниченному кругу лиц, в основном, служилой бюрократии, высшей аристократии, образованному слою российского дворянства¹.

Либерализм как система взглядов и идей в Западной Европе сложился значительно раньше и в нашей стране имели дело с уже готовым теоретическим и политическим продуктом.

Европейский либерализм, прежде чем оформиться в политико-правовую систему, прошел длительный путь формирования и развития. У его истоков – традиции раннего христианства, идеи Ренессанса и Реформации, эпохи Просвещения. Базовые, основополагающие принципы и постулаты либеральной парадигмы (доктрины), такие как, признание неотчуждаемых прирожденных прав человека на жизнь, свободу и собственность были сформулированы и выстраданы во время зарождения буржуазного общества. У истоков этих идей стоят выдающиеся европейские мыслители, философы и правоведы: Д. Локк,

---

¹ См.: Секиринский, С. С., Шелохаев, В. В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.) [Текст] / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М., 1995. С. 7.

Вольтер, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Б. Сэй, Ж. Ж. Руссо, Б. Франклин, Т. Джефферсон, А. Смит, И. Кант и др. Их работы стали основой так называемого классического или раннего либерализма¹.

Английский философ Бертран Рассел утверждал, что ранний «либерализм был порождением Англии и Голландии», обладал ярко выраженными характерными чертами, среди которых главное место занимали: религиозная терпимость, ориентированность на развитие экономики, предпочтение буржуазии перед монархией и аристократией, уважение к праву собственности, отрицание божественного права на власть только за монархами, а также провозглашение идеи о том, что «каждое сообщество людей имеет право, по крайней мере, первоначально, установить ту форму правления, какую оно пожелает»².

Понятие «либерализм» происходит от латинского *liber* («свобода»), употреблялось еще во времена Римской империи. Марк Аврелий в своих «Рассуждениях» пишет о «государстве, которым правят в духе равенства и равного права на речь, с законом равным для всех, а также о единодержавии, которое всего более почитает свободу подданных»³. В более поздние времена понятие «либерализм» наполнилось новым, более глубоким содержанием и постепенно приобрело современное содержание.

В русском языке слово «либерализм» появилось в XVIII веке из Франции («*liberalisme*»). Первоначально означало «вольнодумство», а затем приобрело негативный оттенок, сохранившийся и поныне: «излишняя терпимость, снисходительность, вредное попустительство»⁴. Такая трактовка этого понятия сохранялась в нашей стране достаточно длительное время, вплоть до начала 90-х годов прошлого века⁵.

---

¹ См.: Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 154; Секиринский, С. С., Шелохаев, В. В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.) [Текст] / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М., 1995. С. 4.

² Рассел, Б. История западной философии [Текст] / Б. Рассел. Ростов н/Д., 1998. С. 676–677.

³ Аврелий, М. Размышления [Текст] / М. Аврелий. Л., 1995. С. 6.

⁴ См., например: Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. М., 1984. С. 277; Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2002. С. 496.

⁵ См., например: Секиринский, С. С., Шелохаев, В. В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.) [Текст] / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М., 1995. С. 3.

Философские основы либерализма были заложены в работах английского философа Д. Локка (1632–1704). Он считал, что в естественном состоянии люди равны, а государство, устанавливаемое по взаимному соглашению людей, обеспечивает условия для сохранения естественного состояния, охраняет права человека, жизнь, индивидуальную свободу и частную собственность. Лучшей формой государства Д. Локк считал парламентский строй, действующий в соответствии с волей большинства граждан страны. Он был категорически настроен против абсолютизма, считая, что при этой форме правления «монарх обладает абсолютной, деспотической, неограниченной и не поддающейся ограничению властью над жизнью, свободой и имуществом своих детей или подданных, так что он может захватить или отобрать у них имущество, продать, кастрировать или вообще использовать их, как ему заблагорассудится, поскольку все они – его рабы, а он – господин и владелец всего и его неограниченная воля – закон для них»¹.

Его идеи оказали существенное влияние на французских просветителей, сформировавших основы идеологии классического либерализма, а Ш. Л. Монтескье в своем труде «О духе законов» создал основы теории буржуазного права, основанной на разделении властей, провозглашении принципов парламентаризма и гражданских свобод.

В частности Монтескье утверждал: «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга. Возможен такой государственный строй, при котором никого не будут понуждать делать то, к чему его не обязывает закон, и не делать того, что закон ему позволяет»². Принцип разделения властей, сформулированный Монтескье, его понимание политической свободы, как права «иметь возможность делать то, что должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть», были положены в основу европейской юриспруденции³.

---

¹ Локк, Дж. Два трактата о правлении [Текст] / Дж. Локк. // Сочинения: В 3-х т. Т. 3. М., 1988. С. 146.

² Монтескье, Ш. Избранные произведения [Текст] / Ш. Монтескье. М., 1955. С. 289.

³ Там же.

По мнению И. Шапиро, профессора Йельского университета (США): «Либерализм – это прежде всего идеология Просвещения. Этот факт находит свое отражение в том, что сторонники либерализма разделяют две обязательные основополагающие установки. Первая из них заключается в признании свободы личности наиболее значимой моральной и политической ценностью. И действительно, другие ценности часто имеют для либералов лишь инструментальное значение как средства достижения, расширения или поддержания свободы.

Другая установка – это непоколебимая вера либералов в способность науки постепенно разрешать социальные проблемы. Такая вера прослеживается всей истории либерализма: ее можно найти и у Ф. Бэкона в XVII в., и у И. Бентама – в XIX в., и у Дж. Дьюи – в XX в. На протяжении этих веков либералы высказывали огромный оптимизм по поводу тех прогрессивных изменений, которые наука привнесет в организацию социальной и политической жизни»¹. Безусловно, что подобные установки, провозглашаемые либералами, способствовали популяризации либерализма, его идей и политических программ.

Успеху распространения либеральных идей в Европе второй половины XIX века, по мнению авторитетного американского социолога И. Валлерстайна, способствовало то, что либерализм «предложил себя в качестве непосредственного решения политических трудностей, как правых, так и левых. Правым он проповедовал уступки, левым – политическую организацию... Либерализм был воплощенным центризмом, и его проповедь обладала притягательностью сирен». Валлерстайн полагал, что либерализм «основывал свои убеждения на одной из ключевых посылок идеи Просвещения: рациональные мысль и действие – путь к спасению»².

Необходимо иметь в виду двойственное значение понятия «либерализм», сложившееся на Западе. В широком, общеупотребительном смысле оно означает доминирующий в Европе тип политической культуры, с присущим ему

---

¹ Шапиро, И. Введение в типологию либерализма [Текст] / И. Шапиро // Полис. 1994. № 3. С. 7–8.

² Валлерстайн, И. После либерализма [Текст] / И. Валлерстайн. М., 2003. С. 237.

стремлением к обеспечению индивидуальной свободы на основе и в рамках законов, понимаемых как обобщение естественных потребностей нормальных цивилизованных людей. В этом значении либерализм составляет основу всех главных идейно-политических и государственных институтов течений современного Запада.

Некоторые исследователи даже полагают, что либерализм «как бы растворен в крови западного человека и потому не имеет нужды проявлять себя всегда как самостоятельно оформленное политическое движение»¹. Скорее всего, перед нами в данном случае авторское преувеличение, нежели объективный анализ политической картины на Западе, поскольку в крови европейцев, как, впрочем, и других народов, всегда были «растворены» и другие идеологические взгляды: от анархизма до крайнего национализма.

В узком смысле либерализм – «это теория и практика максимального ограничения вмешательства государства в сферу экономики и социальных отношений». Политико-правовым идеалом классического либерализма является конституционализм, как система институционально-правовых условий, необходимых для обеспечения в государстве свободы личности².

Своеобразие либерализма состоит не только в отстаиваемой им модели общественного устройства, но и в способах ее воплощения в жизнь. Либерализм призывает к терпимости, уважению к традициям, представляет собой философию синтеза и этику компромисса. В этом смысле либерализм не противоположен консерватизму, а скорее может рассматриваться как его второе лицо, обращенное к будущему, а не к прошлому³.

По мнению известного исследователя либерализма В. В. Леонтовича, «либерализм – система индивидуалистическая, дающая человеческой личности и ее правам превосходство надо всем остальным»⁴.

---

¹ Секиринский, С. С., Шелохаев, В. В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.) [Текст] / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М., 1995. С. 4.

² См. об этом: Секиринский, С. С., Шелохаев, В. В. Указ. соч. С. 4.

³ См. Секиринский, С. С., Шелохаев, В. В. Указ. соч. 4–5.

⁴ Леонтович, В. В. История либерализма в России. 1762–1914 [Текст] / В. В. Леонтович. М., 1995. С. 3.

Понятие «либерализм» в общепринятом смысле означает политическое, идеологическое течение, отстаивающее частную, индивидуальную свободу. «Либерализм, – определяет энциклопедический словарь по политологии, – в широком смысле – это интеллектуальная и нравственная установка на такую организацию общественной жизни, которая построена на признании политических и экономических прав индивида в пределах, ограниченных действием законов, понимаемых как обобщение естественных потребностей нормальных цивилизованных людей»¹.

В.В. Леонтович считал, либерализм – «творение западноевропейской культуры и, в основном, плод уже греко-римского мира средиземноморской области. Корни либерализма уходят в античность и к этой первозданной его основе принадлежат такие вполне четко выработаны понятия, как правовая личность и субъективное право (в первую очередь на право на частную собственность), а также некоторые учреждения, в рамках которых граждане участвовали в управлении государством и, особенно в законодательной деятельности»².

На эту особенность либерализма указывал и П. Б. Струве³. Он утверждал: «Либерализм означает идейно и духовно, психологически и исторически утверждение неотъемлемых прав личности, неотъемлемых в том смысле, что они не подлежат посягательству ни со стороны власти, ни со стороны отдельных лиц ... Либерализм утверждает свободу лица, утверждает ее – в случае необходимости – и против власти, и против других лиц. Каковы могут и должны быть пределы этой свободы, – вопрос, конечно, очень сложный. Но существенно, что *либерализм утверждает свободу лица* против всякой власти, как бы она ни была организована, в том числе и против *народовластия*, или демократии. Это и значит, что либерализм в его «чистом понятии» вовсе не ставит пря-

---

¹ Политология: энциклопедический словарь. М., 1993. С. 154.

² Леонтович, В. В. История либерализма в России. 1762–1914 [Текст] / В. В. Леонтович. М., 1995. С. 2.

³ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – русский политический деятель, публицист, философ, экономист. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1895). В 90-е годы редактировал "Новое слово" и "Начало". Теоретик "легального марксизма", участник Лондонского конгресса II Интернационала (1896), автор манифеста I съезда РСДРП (1898). Позже перешел на либеральные позиции. Редактировал нелегальный журнал "Освобождение" (1902–1905). Член "Союза освобождения", затем член ЦК партии кадетов (1905–1916). Издатель журнала "Полярная звезда" (1905–1906). Депутат II Государственной думы (1907). Редактор журнала "Русская мысль".

мо или непосредственно вопроса об организации власти или о государственном устройстве в тесном и точном смысле»¹.

Струве обратил внимание на принципиальную, имеющую методологическое значение особенность либерализма: отсутствие претензий на определение универсальной формы организации государственной власти. Поэтому, на наш взгляд, являются не вполне корректными и обоснованными попытки обвинить российский либерализм в несоответствии европейским классическим образцам. Либерализм достаточно универсален, чтобы существовать и при конституционной монархии и «чистом» парламентаризме, поскольку главное для него не форма власти, а личная свобода граждан, ее гарантии и пределы.

Следует констатировать, что единого, общепринятого и общепризнанного понятия либерализма не существует. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами.

Во-первых, либерализм представляет собой достаточно сложное, многообразное и противоречивое идеологическое, философское, культурное и правовое явление, которое затруднительно определить, ограничить жесткими рамками научной дефиниции. На это обстоятельство обращал внимание русский философ Н. А. Бердяев. В своей работе «Философия неравенства» он писал: «Либерализм есть настроение и мирозерцание культурных слоев общества. В нем нет бурной стихии, нет огня, воспламеняющего сердца, в нем есть умеренность и слишком большая оформленность. Правда либерализма – формальная правда. Она ничего не говорит ни положительного, ни отрицательного о содержании жизни, она хотела бы гарантировать личности любое содержание жизни»². Признавая наличие онтологического содержания в либерализме, Бердяев, тем не менее, утверждал, что либерализм «нельзя обосновать позитивистически, его можно обосновать лишь метафизически»³. Он также вполне обоснованно утверждал, что либерализм содержит в себе непреодолимое противоречие между свободой и равенством.

---

¹ Струве, П. Б. О мере и границах либерального консерватизма [Текст] / П. Б. Струве // Полис. 1994. № 3. С. 131.

² Бердяев, Н. А. Философия свободы [Текст] / Н. А. Бердяев. М., 2002. С. 597.

³ См.: Там же. С. 599.

«Свобода и равенство несовместимы, – полагал Н. А. Бердяев. – *Свобода есть прежде всего право на неравенство*. Равенство есть прежде всего посягательство на свободу, ограничение свободы. Свобода живого существа, а не математической точки, осуществляется в качественном различии, в возвышении, в праве увеличивать объем и ценность своей жизни. Свобода связана с качественным содержанием жизни. Равенство же направлено против всякого качественного различия и качественного содержания жизни, против всякого права на возвышение»¹.

Во-вторых, на содержание определения либерализма прямое влияние оказывают приоритеты и содержание той науки, в рамках которой оно разрабатывается. Поэтому философское определение отличается от политологического, социологического или экономического². Так, например, с точки зрения политологии основное в либерализме – «это прежде всего представление о самодостаточности личности и ее приверженности свободе, являющейся ценностью самой по себе. Но специфику либерализма составляет не сам по себе «дух свободы», а разработка институционально-правовых условий его обеспечения»³.

В-третьих, в либерализме существует множество направлений, течений, очень часто существенно различающихся и даже конкурирующих между собой, что также затрудняет выработку научного определения либерализма. По мнению американского политолога И. Шапиро, говоря «о либерализме, правильнее описывать его не как единую доктрину или мировоззрение, а как совокупность родственных идеологий, своеобразное идеологическое семейство ... либеральное идеологическое семейство включает в себя целый диапазон философских и политических приверженностей»⁴.

В-четвертых, либерализм как часть общественного сознания, мировоззрения переживает вместе с обществом кризисные явления, всплески и спады общественного интереса. По мнению некоторых современных исследователей ли-

---

¹ Бердяев, Н.А. Философия свободы [Текст] / Н. А. Бердяев. М., 2002. С. 603–604.

² См., например: Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 154–156; Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 311.

³ См.: Там же. С. 154.

⁴ Шапиро, И. Введение в типологию либерализма [Текст] / И. Шапиро // Полис. 1994. № 3. С. 7.

берализма, необходимо говорить не столько о кризисе либеральных идей, развитии неолиберализма, сколько о формировании такого явления как протолиберализм. Оно представляет собою политическую спекуляцию на лозунгах либерализма с целью борьбы с коммунизмом, захвата политической власти и собственности при полном отказе от базовых либеральных ценностей. Классический пример проявления протолиберализма в нашей стране – реформы начала 90-х XX века в России и их идеологическое обоснование Е. Гайдаром и А. Чубайсом.

Тем не менее, необходимо признать, что отсутствие общепризнанной научной дефиниции не означает отказа от попыток ее создания. К тому же наша задача облегчается тем, что следует попытаться дать определение явлению, учитывая строгие исторические рамки, его правовое и политическое содержание, а также культурную и интеллектуальную специфику страны, в которой либерализм стал распространяться и развиваться.

В современное понятие «либерализм» вкладывается весьма сложное, противоречивое и многоаспектное содержание. Оно объединяет в себе определенные, фундаментальные принципы, такие как индивидуальные права (на жизнь, личную свободу и собственность); равные права и всеобщее равенство перед законом; свободную рыночную экономику; власть, избираемую путем всеобщих выборов и контролируруемую населением. Либерализм еще на стадии своего формирования стремился к созданию идеального общества, в котором каждый свободен в своих действиях, имеет право обладать частной собственностью, заниматься частным предпринимательством, власть государства ограничена законом¹. Были поставлены под сомнение, а затем и отвергнуты основополагающие принципы феодального государства: божественное право монарха на верховную власть и притязания церкви на монопольное обладание знаниями, а религии – их источника.

Либерализм в пору своего становления декларировал необходимость всемерного ограничения права государства и его институтов от вмешательства в

---

¹ Подробнее об этом см.: Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 154.

экономические и социальные отношения, частную жизнь граждан. Позиция либералов в отношении государства позволяла обвинять их в анархизме и даже антигосударственности. Другие же полагали, что либеральные идеи о равенстве, способствуют не только нивелированию социальных отношений, но и напрямую ведут к устранению демократии, установлению авторитарного, тиранического режима¹.

Такую точку зрения не разделяет И. Валлерстайн, утверждающий, что либерализм «в основе своей ... не был антигосударственной идеологией, так его реальным приоритетом являлся рациональный реформизм»². По его мнению, либерализм XIX века обладал другим, не менее существенным недостатком: «...не будучи антигосударственной идеологией, либерализм в основе своей антидемократичен. Либерализм всегда был аристократическим учением – он проповедовал «власть лучших»³. Более того, Валлерстайн считает, что, стараясь сохранить власть интеллектуальной элиты, либералы были настроены против демократии, власти народа, поскольку стремились к власти аристократии, меритократии (власть наиболее одаренных), а сам либерализм – это политический ответ радикально настроенным демократам⁴. Несмотря на неоднозначность и даже спорность в оценке либерализма, взгляды И. Валлерстайна имеют под собой как историческую, так и теоретическую основу. В том числе и в России второй половины XIX – начала XX веков.

По представлениям современных либералов, государственная власть существует для блага людей ей подвластных, а политическое руководство должно осуществляться на основе согласия большинства руководимых. Политической системой, которая в полной мере олицетворяет идеи нынешнего либерализма, является либеральная демократия.

---

¹ См., например: Токвиль, А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 14; Бердяев, Н. А. Философия свободы [Текст] / Н. А. Бердяев. М., 2002. С. 604.

² Валлерстайн, И. После либерализма [Текст] / И. Валлерстайн. М., 2003. С. 238.

³ Там же. С. 238.

⁴ См.: Там же. С. 239.

Необходимо также отметить, что современный либерализм отличается многообразием, нашедшим свое отражение в различных формах. Он традиционно делится на политический, экономический, культурный, социальный и т.п.

Существуют и другие точки зрения на проблему классификации либерализма. По мнению известного философа Б. Г. Капустина, предложившего собственную типологию современного либерализма, существует три основных типа политико-философских концепций либерализма: гносеологический, онтологический и технологический. Он считает, что его концепция «не подменяя собой и не отрицая возможность других способов классификации либерализмов, исходит из самостоятельного значения вопроса о том, *благодаря чему именно* индивиды обладают или обретают способность устанавливать законы, институты общежития и действовать в соответствии с ними»¹.

В наши задачи не входит подробный правовой и историко-политический анализ форм и направлений современного либерализма, поскольку он за рамками темы исследования. В основном, анализ будет сосредоточен на классическом либерализме с его идеями о том, что все права должны быть в руках физических и юридических лиц, а государство должно существовать для защиты этих прав.

Следовательно, в нашем исследовании рассматривается не либерализм вообще, ни его современные направления и течения, а только российский либерализм второй половины XIX – начала XX века и его политико-правовая доктрина.

При этом в содержание понятия доктрина вкладывается общепринятый смысл и содержание, понимаемая как «учение, научная или философская теория, политическая система, руководящий теоретический или политический принцип»². Доктрина, понимаемая как система научных и политических идей, философского осмысления российской действительности с либеральной точки зрения. Предметом же изучения и анализа является политическая и правовая

---

¹ Капустин, Б. Г. Три рассуждения о либерализме и либерализмах [Текст] / Б. Г. Капустин // Полис. 1994. № 3. С. 15.

² Словарь иностранных слов. М., 1982. С. 173.

доктрина российских либералов, содержащая их идеи по отношению к государству, личности, собственности и свободе.

В России, по мнению многих исследователей, либеральные идеи стали распространяться в конце XVII – начале XVIII веков¹.

Так, В. Н. Приленский считает что, идеи «либерализма, зародившиеся в западноевропейской политической действительности, будучи перенесенными на российскую почву, дают себя знать в отдельных высказываниях, в отдельных политических шагах отечественных государственных деятелей»². По его мнению, в это время либеральные идеи были «приспособлены» к российской действительности своей несистематизированностью, отрывочным характером и непротиворечивостью принципам абсолютизма. Либеральные идеи воспринимались абстрактно, как не имеющие прямого отношения к российской действительности.

Необходимо признать, что в отличие от европейских государств, имеющих политическую, социальную, экономическую и культурную базу для формирования и развития либеральных идей, Россия начала XVIII века, такой базы не имела.

В связи с этим трудно согласиться с мнением О. Л. Гнатюка, утверждающего, что либерализм «является одной из традиций русской общественной мысли, связанной с новыми условиями развития России, а именно – с ее «вхождением» в новый исторический цикл, появлением ростков буржуазной цивилизации, а значит и со вступлением на путь общеевропейского развития, с подчинением тем же историческим законам, которые определяют развитие Европы»³.

На наш взгляд, в данном случае имеет место явное стремление к модернизации отечественной истории, в том числе и в части генезиса ее политико-правовых воззрений и идей. Прежде всего, потому, что Россия ни к началу, ни к

---

¹ См., например: Лаппо-Данилевский, А. С. Идея государства и главные моменты ее развития в России со времени Смуты и до эпохи преобразований [Текст] / А. С. Лаппо-Данилевский // Полис. 1994. № 1. С. 180–181.

² Приленский, В. Н. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов [Текст] / В. Н. Приленский. М., 1995. С. 13.

³ Гнатюк, О. Л. Либерализм в России: основные этапы, идеи, особенности и перспективы [Текст] / О. Л. Гнатюк // Правоведение. 1995. № 6. С. 86.

концу XVIII века условиями для распространения либерализма не располагала. Социально-политические и экономические предпосылки распространения либерализма были созданы лишь во второй половине, а точнее в конце XIX века¹. К этому времени в России сформировались не только социальная база, но и некий, достаточно тонкий, интеллектуальный слой необходимый не только для восприятия, но и развития либеральных идей.

Попытки искусственно «ускорить» процесс проникновения либеральных идей в Россию и тем самым приблизить ее к европейским «стандартам» ничего общего ни историей страны, ни с формированием в ней либеральной доктрины не имеют. Более того, подобная модернизация становления истории отечественной правовой мысли является серьезным препятствием для ее всестороннего, объективного и научного изучения. Кроме того, не следует путать процесс ознакомления с европейскими либеральными идеями отдельных представителей российской аристократии и интеллектуальной элиты, с массовым распространением и восприятием, а также их развитием применительно к российским условиям². По мнению Б. Г. Капустина и И. М. Клямкина, даже в современной России «либеральные ориентации россиян являются, как правило, производными факторов духовно-культурного порядка, а не экономических, включая обладание частной собственностью»³.

Либерализм в России распространялся достаточно медленно, постепенно, в известном смысле эволюционно. По мнению исследователей этой проблемы, в своем развитии он прошел три волны, три этапа. Так, например, О. Л. Гнатюк полагает, что первый этап охватывает период правления от Екатерины II до Александра I (либерально-просветительский), второй – пореформенный период («охранительный» или консервативный либерализм), третий – либерализм начала XX века (новый, социальный либерализм с ориентацией на необходимость обеспечения каждому человеку «права на достойное человеческое суще-

---

¹ См.: Азаркин, Н. М. История юридической мысли России: Курс лекций [Текст] / Н. М. Азаркин. М., 1999. С. 310.

² Подробнее об этом см.: Секиринский, С. С., Шелохаев, В. В. Указ. соч. С. 5.

³ Капустин, Б. Г., Клямкин, И. М. Либеральные ценности в сознании россиян [Текст] / Б. Г. Капустин, И. М. Клямкин // Полис. 1994. № 1. С. 70.

ствование»)¹. Существуют и иные точки зрения на проблему эволюции российского либерализма, этапы его становления и развития². Вместе с тем следует признать, что любая периодизация сложных общественных явлений, к которым, несомненно, относится и российский либерализм, имеет не только относительный, но и, в известном смысле, условный характер. Она необходима более для научного исследования явления, нежели для точного и объективного выяснения его истоков и эволюции.

Известно, что в Россию работы европейских либералов стали проникать еще в конце XVII века, а во время петровских реформ этот процесс принял более массовый характер. Как полагал известный русский правовед А. С. Лаппо-Данилевский идеи естественного права стали распространяться в России в начале XVIII века. Этому способствовали киевский губернатор князь Д. М. Голицын и ректор Киевской академии Ф. Прокопович. «Благодаря этой организации, – замечает Лаппо-Данилевский, – знаменитые трактаты Гроция, Пуфендорфа, Локка и других политических писателей XVII и XVIII вв. появились в русских переводах. Эти переводы не всегда полны: в них встречаются пропуски или сокращения, сделанные, однако, не без некоторого соответствия с той целью, какую переводчики предлагали себе, а именно – дать общее обозрение той, а не иной доктрины»³.

Просвещенный абсолютизм Екатерины II в немалой степени способствовал не только распространению идей европейского либерализма среди правящей элиты России, но и созданию интеллектуальной среды и материальной базы для этого. По мнению В. В. Леонтовича, идеи «либерализма стали приобретать значение в России во времена Екатерины II»⁴.

По справедливому замечанию В. Н. Приленского в это время в русской общественной жизни находили отдельные отблески европейских либеральных

---

¹ Гнатюк, О. Л. Либерализм в России: основные этапы, идеи, особенности и перспективы [Текст] / О. Л. Гнатюк. // Правоведение. 1995. № 6. С. 86–87.

² См., например: Азаркин, Н. М. История юридической мысли России: Курс лекций [Текст] / Н. М. Азаркин. М., 1999. С. 310.

³ Лаппо-Данилевский, А. С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени Смуты и до эпохи преобразований [Текст] / А. С. Лаппо-Данилевский // Полис. 1994. № 1. С. 181.

⁴ См. об этом: Леонтович, В. В. История либерализма в России. 1762–1914. [Текст] / В. В. Леонтович. М., 1995. С. 27–47.

идей. «Эти слабые, – считает он, – и, по большей части, еще неясные, теоретически неосмысленные идеи можно найти даже в экзерсисах Екатерины II»¹.

Однако уже на этом этапе проникновения и распространения либеральных идей в России выявились его особенности. Они состояли, прежде всего, в том, что, восприняв и осмыслив базовые принципы европейского либерализма, российские либералы попытались создать собственное либеральное учение, доктрину, отличную от европейской. И К. Д. Кавелин, и Б. Н. Чичерин, традиционно относимые в научной литературе к ранним либералам, сформулировали идейно-политическую и философскую платформу российского либерализма. Она существенно отличалась от либеральных идей, господствовавших в то время в Европе. По ключевым проблемам либерализма: по отношению к государству, собственности и человеческой личности, российские либералы выработали собственную систему представлений, которая постепенно трансформировалась, стала основой российской либеральной доктрины.

Следует отметить, что подобная оценка раннего российского либерализма разделяется далеко не всеми. Так, например, В. В. Леонтович утверждал, что российский либерализм по сути своей был тождествен западноевропейскому. «И идеологически и практически русский либерализм, – считал Леонтович, – в общем был склонен к тому, чтобы получать и перенимать от других, извне»².

Однако восприятие и даже копирование европейской либеральной доктрины вовсе не означает и не отрицает возможности ее изменения, адаптации к российским условиям, создания собственной разновидности. Тем более что единой философской, правовой или политической системы либерализма никогда не существовало.

Современная российская историография и философия постепенно отказывается от признания главенства, «европоцентризма» в усвоении либеральных идей в России. Параллельно происходит осознание уникальности отечественного опыта в усвоения либеральных ценностей, необходимости разработки новых

---

¹ Приленский, В. Н. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов [Текст] / В. Н. Приленский. М., 1995. С. 14.

² Леонтович, В. В. Указ. соч. С. 3.

методологических подходов и инструментов исследования, помогающих понять специфику российского либерализма не в сравнении с априорно конструируемыми общеевропейскими образцами, а посредством исследования особенностей внутренней структуры отечественной модели либерализма.

Проблема адекватности раннего российского либерализма европейским эталонам, его самостоятельности и самобытности представляет серьезную научную проблему.

Так, В. Ф. Пустарников полагает, что ранние русские либералы, включая К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, фактически были либеральными консерваторами, а с «аутентичным либерализмом их связывают прежде всего общефилософские, философско-исторические и этические принципы, тогда как в сфере политической они остаются умеренными консерваторами, реформистами»¹. При этом его аргументация не позволяет четко отделить либералов от консерваторов, а понятия консервативный либерализм и либеральный консерватизм зачастую тождественны².

Секиринский С. С. и Шелохаев В. В. напротив, считают что, либерализм «как целостная политическая программа, адекватная западным образцам и аналогам, был впервые в России сформулирован на рубеже XVIII–XIX вв. в окружении наследника престола, а с 1801 г. императора Александра I»³.

Д. В. Тимофеев полагает что, проблема усвоения привнесенных извне политических установок рассматривается лишь в общетеоретическом плане, а для ее разрешения необходимо конкретно-историческое исследование всего комплекса связанных с данной проблемой вопросов. Это позволило бы не только более точно определить сущность либерализма в целом, но и выявить характерные черты его российского варианта. Он также считает, что отправной «точкой в изучении проблемы «переводимости» (соответствия европейским образцам – И. А.) либерализма, на мой взгляд, должно стать признание органичной

---

¹ Пустарников, В. Ф. Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX – начала XX в.: различия и сходства [Текст] / В. Ф. Пустарников. // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 27.

² См.: Там же. С. 13, 15, 16, 27.

³ Секиринский, С. С., Шелохаев, В. В. Указ. соч. С. 5.

связи либерализма с сознанием человека, с его мировоззренческими ценностными установками»¹.

Тимофеев полагает, что неразрывность «либерализма с сознанием позволяет нам определить либерализм как особую систему ценностных ориентиров, формирующую предрасположенность отдельного индивида к действию в соответствии с системой ценностей, формообразующими элементами которой являются принцип индивидуальной свободы, провозглашение равенства всех участников социальных отношений перед законом и признание права личности на обладание собственностью и безопасность»².

При всей оригинальности подобной точки зрения на проблему самостоятельности российской разновидности либерализма, следует признать, что она принципиально не отличается от взглядов, например В. В. Леонтовича. Она даже уступает им. Прежде всего, и главным образом в том, что полностью отрывает либеральную идею не только от экономического состояния общества, но и его политического состояния, интеллектуального и нравственного развития, сводя все к аморфной этико-биологической трактовке.

Признавая наличие проблемы адекватности раннего российского либерализма европейским образцам, его истоков и содержания, полагаем, что ее разрешение возможно лишь при комплексном изучении всеми социальными науками, включая историко-правовую. И хотя такое исследование находится вне рамок нашей диссертации, следует признать его необходимость и актуальность.

Кроме того, серьезную проблему при изучении российского либерализма, особенно на стадии его зарождения, формирования основ политико-правовой доктрины представляет определение его места в системе общественного мировоззрения. Либерализм как течение общественной мысли имеет свое теоретическое обоснование и политическое воплощение. С этой точки зрения можно и

---

¹ См.: Тимофеев, Д. В. Конструирование либерально-консервативной системы ценностей в России в первой четверти XIX века как социокультурный феномен [Текст] / Д. В. Тимофеев // Либеральный консерватизм: история и современность. Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 162.

² Тимофеев, Д. В. Конструирование либерально-консервативной системы ценностей в России в первой четверти XIX века как социокультурный феномен [Текст] / Д. В. Тимофеев // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 162.

должно говорить о либерализме теоретическом и либерализме практическом¹. Следует признать, что в России вплоть до конца XIX в. Мы имеем дело в большей степени теоретическим, нежели практическим.

Отличительными особенностями российского либерализма в сравнении с европейским, классическим, были следующие.

Во-первых, российские либералы были решительными противниками ликвидации самодержавной власти. Они полагали, что Россия по своему социальному, экономическому и интеллектуальному развитию не готова во второй половине XIX к существованию в условиях демократического государства.

В этой связи следует признать справедливость оценки В. Н. Приленского, считающего ранний российский либерализм антидемократичным. Либерализм и идеи демократии им казались несовместимыми, а их объединение недостижимым².

Б. Н. Чичерин утверждал, что для перехода к демократической форме правления необходима длительная подготовительная работа со стороны не только государства, но и самого самодержавия и дворянства³. Он считал, что для создания эффективной, действенной демократии «необходимо, чтобы она была воспитана под влиянием свободы, а первоначальное развитие свободы всегда происходит в среде высших классов, которые одни имеют для этого достаточно средств и образования, которые одни способны выработать в себе сознание права и прилагать это сознание к своей политической деятельности»⁴. Поэтому ни о каком законодательном, а тем более революционном ограничении российского абсолютизма вопрос не ставился.

Впоследствии, особенно в советское время, и не только, либерализм Б. Н. Чичерина квалифицировался исключительно как «охранительный», стоящий на страже режима царской власти⁵. Между тем термин «охранительный»

---

¹ См. об этом: Приленский, В.Н. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов [Текст] / В. Н. Приленский. М., 1995. С. 16.

² Там же. С. 24.

³ См.: Чичерин, Б.Н. Конституционный вопрос в России [Текст] / Б. Н. Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 63–64.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ См., например: Гнатюк, О.Л. Указ. соч. С. 86–87.

означал по классификации Чичерина одну из трех разновидностей русского либерализма, наряду с уличным и оппозиционным. Сущность охранительного либерализма он определял « в примирении начала свободы с началами власти и закона»¹. Стремление к сохранению абсолютизма в России было программной установкой либералов до революции 1905 г., лишь после которой они провозгласили иную цель – конституционную монархию.

Во-вторых, российские либералы считали, что государство должно оказывать существенное, определяющее воздействие на все социальные и политические процессы в государстве. Оно должно подготовить условия для проведения в стране либеральных преобразований². Либералы были уверены в жизнеспособности монархии, ее огромном преобразовательном потенциале. К. Д. Кавелин, например, был убежден, что «несомненный залог мирных успехов в России есть твердая вера народа в царя». Необходимо только, по его мнению, несколько модернизировать абсолютизм и вместо существующей «самодержавной анархии» создать «самодержавную республику», которая осуществит объединение интересов государя, высших слоев общества, ведущих его вперед по пути прогресса, и основной массы населения, представленной крестьянством³.

В-третьих, реформирование российского общества должно осуществляться не революционным, а эволюционным путем. Либералы были категорически противниками революционных, насильственных действий. Обращаясь к А. И. Герцену, К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин писали: «К нам революционные теории не только неприложимы: они противны всем нашим убеждениям и возмущают в нас нравственное чувство»⁴. В этом смысле можно говорить об определенном консерватизме русского либерализма, особенно в пору его формирования. Так, Чичерин заявлял: «Консервативное направление, к которому я принадлежу, и которое считаю самым крепким оплотом государственного порядка,

---

¹ Чичерин, Б. Н. Различные виды либерализма [Текст] / Б. Н. Чичерин. // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 49.

² См.: Чичерин, Б. Н. Конституционный вопрос в России [Текст] / Б. Н. Чичерин. // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 64.

³ См. подробнее об этом: Приленский, В. Н. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов [Текст] / В. Н. Приленский. М., 1995. С. 32–33.

⁴ См.: Кавелин, К. Д., Чичерин Б. Н. Письмо к издателю [Текст] / К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 29.

воспрещает всякую бесполезную, а тем более вредную ломку. Оно равно отдалено от, и от узкой реакции, пытающейся остановить естественный ход вещей, и от стремления вперед, отрывающегося от почвы в преследовании теоретических целей. Ему одинаково противны старание удержать то, что потеряло жизненную силу, и посягательство на то, что еще заключает в себе внутреннюю крепость и может служить полезным элементом общественного строя. Его задача состоит в том, чтобы внимательно следить за ходом жизни и делать только те изменения, которые вызываются насущными потребностями»¹. Именно такой консерватизм, противостоящий разрушительным общественным тенденциям, одевающий себя от реакционной политики власти, вошел составной частью в теорию ранних российских либералов.

В-четвертых, отношение российских либералов к собственности также отличалось от европейских традиций. Прежде всего, тем, что они не делали предпочтения ни одной из форм, существовавших в то время в российском государстве. Такая позиция была характерна не только для либералов второй половины XIX, но и начала XX века. Это было связано со спецификой исторического и социального развития России, последствиями крепостного права, неразвитостью буржуазных отношений, становлением института частной собственности.

В-пятых, российские либералы достаточно критически относились к либеральным теориям Запада, считали, что их нельзя слепо копировать и переносить в неизменном виде на русскую почву. В частности, они полагали, что идеи естественного права в полном объеме неосуществимы не только в России, но и на Западе. В связи с этим Чичерин писал: «Свобода не состоит в одном приобретении расширения прав. Человек потому только имеет права, что он несет на себе обязанность, и, наоборот, от него можно требовать исполнения обязанностей единственно потому, что он имеет права. Эти два начала неразрывные»².

---

¹ Цит. по: Приленский, В. Н. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов [Текст] / В. Н. Приленский. М., 1995. С. 35.

² Чичерин, Б. Н. Различные виды либерализма [Текст] / Б. Н. Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 47.

В-шестых, либеральная доктрина в России никогда не была массовой идеологией, она изначально носила элитарный характер, распространялась в среде интеллектуальной элиты, аристократии, не была связана с экономическими процессами в стране и не являлась отражением политических и социальных идеалов буржуазии (вплоть до конца XIX века)¹. Более того, характерной особенностью российского либерализма со времен Екатерины II, является то, что именно самодержавие и аристократические верхи России внесли самый большой вклад в распространение либерализма, его идей².

Наконец, на начальном этапе формирования либеральной доктрине была присуща толерантность, терпимость к иным политическим идеям, за исключением, радикальных, прежде всего, коммунистических, а также уважение к национальной истории и традициям. Позднее, в начале XX века, эти качества были утрачены российскими либералами, стали одной из причин их политического краха.

Таким образом, российский либерализм, его политико-правовая доктрина, особенно во второй половине XIX века, существенно отличался от своих западных, прежде всего европейских образцов.

В либерально-правовой доктрине российских либералов сочетались либеральные идеи о реформаторстве и свободе с консервативными представлениями о сильной власти, сохранении порядка и преемственности в развитии страны, «всестороннее западничество со своеобразием национального развития»³.

Для российского либерализма было свойственно адаптировать европейский либерализм к российской действительности, но никогда речь не шла о прямом заимствовании, копировании. Поэтому все попытки анализа истоков либерально-правовой доктрины, ее содержания путем сличения с западными образцами совершенно непродуктивны. Экспликация идей европейского либерализма, осмысление их и создание собственных – таков путь создания российской либеральной доктрины. Либерализм, поддерживающий или модифициру-

---

¹ См.: Политология: Учебник. М., 2005. С. 74.

² См.: Секиринский, С. С., Шелохаев, В. В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.) [Текст] / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М., 1995. С. 5.

³ См.: Политология: Учебник. М., 2005. С. 74.

ющий общественную систему, а не либерализм политико-этического протеста¹. В этом суть политического кредо российского либерализма второй половины XIX – начала XX века. Как считал русский либеральный правовед С. И. Гессен, «чтобы спасти правду либерализма, необходимо идти дальше от нее, трансцендентировать ее в смысле гегелевского *Aufhebung* (отчуждения – И. А.)»². Измениться для того, чтобы не изменить себе, остаться политической философией свободы и освобождения. Такому принципу стремились соответствовать российские либералы, разрабатывая национальную либеральную доктрину.

§ 2. Основные этапы формирования либерально-правовой доктрины во второй половине XIX века

Во второй половине XIX века в России начался новый этап политического и социального развития. После отмены крепостного права в 1861 г. и Великих реформ, затронувших основные сферы общественной жизни от экономики до образования, в стране высокими темпами формировалась буржуазия, увеличилось количество свободных людей, постепенно возрастал их образовательный уровень. Появились новые общественные слои, в их числе – разночинная интеллигенция. Судебная реформа повысила интерес к праву, закону. Профессия юриста и юридическое образование стали востребованными и престижными. Изменилась нравственная обстановка в стране, постепенно стало создаваться общественное мнение³.

Эти объективные обстоятельства оказали существенное воздействие на формирование либерально-правовой доктрины в России. При этом следует иметь в виду то обстоятельство, что социальная база для его распространения оставалась по-прежнему незначительной. К существовавшей ранее и состояв-

---

¹ См. об этом: Капустин, Б. Г. Начало российского либерализма как проблема политической философии [Текст] / Б. Г. Капустин. // Полис. 1994. № 5. С. 23–25.

² Цит. по: Капустин, Б. Г. Три рассуждения о либерализме и либерализмах [Текст] / Б. Г. Капустин // Полис. 1994. № 3. С. 25.

³ Чичерин, Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия [Текст] / Б. Н. Чичерин // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – М., 2000. С. 508–509.

шей, в основном из служилой аристократии, высшей бюрократии, образованного дворянства, стали присоединяться разночинцы, студенчество, а также профессура российских университетов. В их числе были и люди, создавшие фундамент российского либерализма, сформулировавшие его политико-правовую доктрину – К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин. Их заслуга подчеркивается еще и тем, что в пореформенное время в России главным направлением общественной мысли являлся социальный радикализм, нашедший свое воплощение в социализме, с его перманентным стремлением к революционным, насильственным преобразованиям общества.

Быть либералом, сторонником реформ, эволюции, сохранения самодержавной власти было непросто. За либеральные воззрения часто подвергали общественному остракизму. Разделять либеральные воззрения в то время значило быть обреченным на политическое бездействие. Необходимо было иметь не только научное, но и гражданское мужество, чтобы создавать для России либерально-правовую доктрину¹.

В ее формировании во второй половине XIX века можно условно выделить несколько этапов. При этом необходимо отметить, что предлагаемая периодизация формирования российской либерально-правовой доктрины во второй половине XIX в. разделяется далеко не всеми.

Так, А. И. Нарезный считает, что российский конституционализм (либерализм – И. А.) в своем развитии также прошел три этапа. Но они отличаются по распределению временных рамок. В частности, хронологические рамки начинаются со второй половины XIX в. и заканчиваются началом нового столетия². По мнению же П. Н. Милюкова, либерализм прошел всего две фазы в своем развитии. Первая фаза представляет собой, в основном, историю общественного мнения в России, а вторая – историю формирования политической партии, возглавившей борьбу за политическую свободу. Первая фаза начинается с вы-

---

¹ См.: Чичерин, Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия [Текст] / Б. Н. Чичерин // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 511.

² См.: Нарезный, А. И. Проблема государственного устройства России в консервативно-либеральной мысли второй половины XIX века [Текст]: Автореф. дис... докт. ист. наук / А. И. Нарезный. Ростов н/Д, 1999. С. 44–48.

ступления А. Н. Радищева, а вторая – с 1863 г. (год роспуска тайной организации «Земля и воля» и польского восстания И. А.). Фактически либеральное движение по Милюкову началось в пореформенное время, с попыток создания политических организаций, с прихода в него людей, «которые придали ослабшему русскому либерализму более демократический характер и дали ему новую энергию».¹

Учитывая политизированность точки зрения П. Н. Милюкова, его отрицательное отношение к российской разновидности либерализма, тем не менее, следует признать ее право на существование и дальнейшее изучение.

Наличие различных точек зрения на проблему лишь подтверждает необходимость ее исследования, сопоставления с уже имеющимися результатами и поиска новых, объективных методов аргументации предлагаемых выводов.

Первый этап (1855–1861 гг.). На этом этапе началось осмысление русскими либералами положения в стране после катастрофы в Крымской войне, были сделаны попытки предложить самодержавию пути решения крестьянского вопроса. В это время стало приходить понимание о невозможности применить к российской действительности европейский образец либерализма и необходимости разработки собственной, национальной либеральной доктрины.

Существуют и иные точки зрения на периодизацию первого этапа формирования отечественной либерально-правовой доктрины. Так, например, авторитетный исследователь раннего либерализма в России В. И. Приленский полагал, что «чисто символически, условно, со всеми возможными в данном случае оговорками, можно считать 1846 г. (год разрыва между Грановским и Герценом) годом рождения либерального направления в русской мысли». По мнению Приленского, этот «разрыв свидетельствовал, что в отечественном общественном самосознании уже выкристаллизовалась идея о принципиальной несовме-

---

¹ См. об этом: Нарезный, А. И. П. Н. Милюков об истоках либерализма в России // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции [Текст] / А. И. Нарезный. М., 2000. С. 245, 248, 249.

стимости радикализма и либерализма, что, как известно, является одним из основополагающих определений либерального типа мышления»¹.

Признавая право подобной точки зрения на существование, необходимо отметить, что в основу периодизации общественных явлений не могут быть положены явления межличностного характера, даже такие как разрыв отношений между такими выдающимися представителями отечественной общественной мысли, как А. И. Герцен и Т. Н. Грановский. Тем более что подобные разрывы между Герценом и российскими либералами происходили и в более позднее время².

Первому этапу, по мнению Б. С. Итенберга, предшествовал протолиберальный период, «когда *предварительно* происходило формирование отдельных идей либерализма, когда еще о целостности идейного течения не могло быть и речи». «Это было время, – считает Итенберг, – когда, ... «русские либералы, задержавшись на интеллектуальной стадии, не смогли реализовать» свои идеи на практике. Может быть, к этому периоду можно отнести суждения Грановского, споры западников со славянофилами – это был теоретический, интеллектуальный либерализм»³.

Действительно, либералы в России существовали и до начала первого этапа. В их числе П. Я. Чаадаев, Т. Н. Грановский, А. И. Тургенев, П. В. Анненков, П. Г. Редкин и многие другие.

Б. Н. Чичерин, вспоминая студенческие годы в Московском университете и лекции своего учителя П. Г. Редкина, писал: «Он давал толчок философскому движению мысли; мы стремились познать верховные начала бытия и воспламенялись любовью к вечным идеям правды и добра, которым мы готовились служить всем своим существом. Как неизмеримо высоко стоит это преподавание, проникнутое философскими и нравственными началами, над современными изложениями юридической науки, которые если не ограничиваются рутинным

---

¹ Приленский, В. Н. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов [Текст] / В. Н. Приленский. М., 1995. С. 17.

² См., например: Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 70–73.

³ Итенберг, Б. С. Некоторые вопросы изучения русского либерализма XIX века [Текст] / Б. С. Итенберг. // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 495.

перечнем, то отражают на себе взгляд новейшего реализма, отвергающего всякие высшие начала и низводящего право к охранению интересов, а самые интересы низводящего к уровню физиологии!»¹.

Однако несравнимо более высоко он ставил другого своего университетского учителя Т. Н. Грановского, который своей научной и учебной деятельностью способствовал распространению либеральных идей в студенческой среде. Б. Н. Чичерин писал о нем: «В политике он, разумеется, был либерал ... Это не был рьяный либерализм Герцена, всегда кидавшегося в крайность ... Для Грановского свобода была целью человеческого развития, а не непреложною меркой, с которой все должно соотнобразываться. Он радостно приветствовал всякий успех ее в истории и в современной жизни; он всею душою желал расширения ее в отечестве, но он вполне понимал и различие народностей, и разнообразие исторических потребностей. Развитие абсолютизма, устанавливающего государственный порядок, было в его глазах таким же великим и плодотворным историческим явлением, как и водворение свободных учреждений»².

По мнению В. Н. Приленского, просветительская деятельность Грановского способствовала как формированию его собственных либеральных воззрений, так и зарождению русского либерализма, в том числе из-за резко отрицательного отношения к радикализму, насилию в любой его форме, будь это революционное выступление масс или какие-либо государственные действия, носящие такой характер³.

Тем не менее, следует признать, что идеи первых русских либералов, их представления о будущем России, ее государственном и общественном устройстве, не имели широкого распространения. Как правило, они не выходили за пределы достаточно узкой университетской среды.

Как полагают Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская, авторы глубокого философского исследования моделей социально-исторического развития России, представленных в русской общественной мысли середины XIX начала XX века,

---

¹ Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II. Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991. С. 32.

² Там же. С. 35–36.

³ См.: Приленский, В. Н. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов [Текст] / В. Н. Приленский. М., 1995. С. 144–145.

«как идейное течение русский либерализм сформировался в полемике западников и славянофилов, в атмосфере обозначившегося кризиса романтически спекулятивных построений славянофильства и общего увлечения интеллектуальной молодежи гегелевским рационализмом и начинавшим входить в моду позитивизмом»¹. По их мнению, российский либерализм сформировался в результате кризиса общественного сознания, в условиях поиска путей его преодоления, выявившейся потребности «пересмотра не только социально-экономических ориентиров, но и переосмысления исторической ситуации в стране и мире в целом»².

Однако, несмотря на значимость подобной оценки истоков русского либерализма, она лишь повторяет точку зрения К. Д. Кавелина. Размышляя над проблемой возникновения и развития либерального мирозерцания, он отмечал: «В царствование императора Николая произошел перелом в ходе русской истории: петровский период ее, ученический и подражательный, видимо, приходил к концу. Рука об руку с небывалым политическим могуществом и влиянием в Европе шло пробуждение национального – если не самосознания, то самочувствия, которое с тех пор растет и усиливается непрерывно. По мере того, как оно развивалось, сложившиеся формы быта и учреждений, представляющие пеструю и разнохарактерную амальгаму допетровских и послепетровских условий жизни, смешение нижегородского с французским естественно бросались в глаза и вызывали на размышление... Искание чего-то нового, чего-то другого, соответствующего народившемуся народному чувству, стало выражаться и в искусстве, и в науке, и в правительственных мерах, и во внешних сношениях».³ По его убеждению именно споры, полемика и дискуссии западников и славянофилов подготовили почву для возникновения и распространения либеральных идей в России.

---

¹ Новикова, Л. И., Сиземская, И. Н. Три модели развития России [Текст] / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М., 2000. С. 159.

² Там же.

³ Кавелин, К. Д. Злобы дня [Текст] / К. Д. Кавелин // Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 497.

Поражение в Крымской войне и смерть Николая I, поставили Россию, ее интеллектуальную элиту перед выбором: сохранение прежнего положения, общественная стагнация или модернизация, не исключая ее принудительного характера, всех общественных институтов, включая также перестройку, изменение общественного сознания. Однако даже в этих условиях, проявилась такая черта раннего российского либерализма, как его монархизм, причем сознательный, убежденный.

Либералы, понимая необходимость преобразований, их неизбежность, неотвратимость, тем не менее, не видели другой силы, кроме самодержавия, способной их осуществить. Известно, например, что К. Д. Кавелин с восторгом воспринявший смерть «калмыцкого полубога», «исчадия мундирного просвещения», «нового Навуходоносора», не видел в России другой силы, способной к решению задач по либерализации общества, кроме самодержавной власти¹.

На этом этапе выявилась еще одна особенность формирования российского либерализма. Она состояла в том, что основной вклад в его распространение, его легализацию в России внесла самодержавная власть и высшая служилая аристократия².

Правящая элита полагала, что европейский либерализм в небольших дозах, распространяемый под контролем верховной власти будет способствовать улучшению политического имиджа России в Европе. Российское служилое дворянство со времен Петра I полагало, что оно не только первое и главное сословие, но и основной генератор идей по реформированию Московского государства.

На это обстоятельство вполне обоснованно обращали внимание Секиринский С. С. и В. В. Шелохаев. Они убеждены: «Ставка на самодержавную власть – отличительная черта большинства российских либералов в XIX в. Предел их политических ожиданий – законосовещательное представительство при абсолютном монархе. Но и эту меру ведущие теоретики российского либерализма

---

¹ См. подробнее об этом: Алафаев, А. А. Константин Дмитриевич Кавелин [Текст] / А. А. Алафаев, С. С. Секиринский // Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 80.

² См. об этом: Секиринский, С. С. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX начало XX в.) [Текст] / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М., 1995. С. 5–7.

К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин рассматривали как несвоевременную в условиях преобразований, обостривших межсословные противоречия в русском обществе. Воплощением их теоретических представлений и политических пожеланий была либеральная бюрократия, сочетавшая в своей деятельности тенденции к институционализации независимой гражданственности со стремлением к самовоспроизводству, казенный патернализм и умеренный либерализм. Со времен М. М. Сперанского и до конца старого порядка либеральные бюрократы играли большую или меньшую роль в правительственном аппарате России, но пик их деятельности и влияния на государственные дела пришелся на середину XIX столетия»¹.

Хотя авторы приведенной цитаты рассматривают ориентацию ранних российских либералов на самодержавие и служилую бюрократию как слабость, ограниченность, полагаем, что в этом скорее проявился их здравый смысл и дальновидность.

Следует признать распространенность подобной точки зрения на проблему взаимоотношений российских либералов и самодержавия. Так, например, М. А. Никищенкова также убеждена в том, что неустойчивость «социально-экономических и политических отношений, неразвитость системы либеральных ценностей заставляют пореформенных либералов остро нуждаться как в поддержке еще несформированного в России среднего класса, так и в поддержке авторитарного государства. Следствием данной сложной ситуации явилось наличие достаточно явного этатистского элемента в рамках русского либерализма рассматриваемого периода, союз либерализма с монархией».²

Однако иной силы, кроме самодержавия, способной если не осуществить, то хотя бы начать либеральные преобразования в стране попросту не было. Более того, авторы подобных утверждений вынуждены признать, что в условиях абсолютизма, власть и служилая элита являлись единственной реальной поли-

---

¹ Секиринский, С. С. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX начало XX в.) [Текст] / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М., 1995. С. 6.

² См., например: Никищенкова, М. А. Идея правового государства в русской либерально-правовой мысли конца XIX – начала XX вв. (историко-правовой и теоретико-методологический аспекты) [Текст]: Автореф. дис...канд. юрид. наук / М. А. Никищенкова. Казань, 2002. С. 16.

тической силой, способной не только осознать, но и осуществить либеральные преобразования в стране. «Монопольное право самодержавной власти, – признают Секиринский С. С. и Шелохаев В. В., – на всякую политическую деятельность превращало их (представителей дворянской служилой бюрократии – И. А.) «по долгу службы» в единственных легитимных глашатаев назревших общественных потребностей перед лицом монарха. Результатом этого было политическое раздвоение сановных конституционалистов, подчас напоминавшее обыкновенное двуличие, что неизбежно отталкивало от них как потенциальных союзников из среды «общества», так и самих «хозяев земли русской»¹.

Как уже отмечалось, неопределимую роль в формировании российской либерально-правовой доктрины на первом этапе сыграл К. Д. Кавелин². Причем его вклад в ее создание состоял, прежде всего, в разработке концептуальных основ, разъяснении содержания и значения либерализма для России, пропаганде его преимуществ перед иными направлениями политико-правовой мысли, а также определении стратегических основ распространения и внедрения либеральных идей в общественное сознание.

По справедливой и объективной оценке Алафаева А. А. и Секиринского С. С.: «Кавелин – один из самых разноплановых социальных мыслителей пореформенной России, сумевший достигнуть синтеза традиций широкой историософской работы мысли с уроками реальной реформаторской практики и предложить на этой основе достаточно целостную концепцию «русского национального интереса»³.

Определенное значение для характеристики первого этапа формирования русского либерализма имеет его оценка П. Н. Милюковым. Он считал, что либерализм в России с момента возникновения принципиально отличался от европейского. В частности, он полагал, что европейский либерализм изначально складывался как идеология буржуазия, как обоснование ее борьбы против абсолютизма, привилегированных сословий. В России к моменту создания либе-

---

¹ Секиринский, С. С., Шелохаев, В. В. Указ. соч. С. 6.

² Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885), историк, правовед, публицист, общественный деятель.

³ Алафаев, А. А. Константин Дмитриевич Кавелин [Текст] / А. А. Алафаев, С. С. Секиринский // Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 74.

ральной доктрины среднего класса, сопоставимого с европейским, не существовало. И хотя отечественный либерализм также был направлен против крупных землевладельцев и крепостного права, но инициирован он был дворянской аристократией, которая руководствовалась «не классовыми соображениями, а филантропическими чувствами и передовыми политическими теориями». Поэтому, считал Милюков, «русский либерализм был не буржуазным, а интеллектуальным»¹.

В целом, соглашаясь с мнением П. Н. Милюкова, нельзя признать его правоту в том, российский либерализм был интеллектуальным, поскольку не выражал интересы буржуазии. Европейский либерализм также на этапе своего формирования не отражал ее цели задачи, поскольку его теоретическое осмысление и оформление опережало реальный рост буржуазии и осознание ею своих классовых социальных интересов. Соединение теории с практикой произошло в Европе позднее, накануне буржуазных революций. С этой точки зрения, процесс создания доктрины российского либерализма принципиально ничем не отличался от европейского. Однако он действительно был интеллектуальным по формам и методам создания, способам распространения, по глубине осмысления социальных и политических процессов в стране.

Кроме того, следует признать справедливость точки зрения Н. М. Азаркина, считающего, что русские «юристы либеральной ориентации меньше всего исходили из стремления выразить чьи-либо классовые интересы». В их задачи, по его мнению, входило «создать разумный общественный порядок, способный мирным, ненасильственным путем преодолеть существующие общественные противоречия или хотя бы примирить их таким образом, чтобы интересы общества в целом не были принесены в жертву эгоистическим интересам отдельных классов или социальных слоев. Российский либерализм поэтому стремился максимально заимствовать, дополнить, развить и практически применить луч-

---

¹ См. подробнее об этом: Нарезный, А. И. П. Н. Милюков об истоках либерализма в России [Текст] / А. И. Нарезный // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции М., 2000. С. 244–245.

шие достижения европейской цивилизации, парализуя в то же время деструктивные силы, делающие ставку на эскалацию социальных конфликтов»¹.

Второй этап (1861–1881 гг.). На этом этапе происходило интенсивное создание и развитие российской доктрины либерализма, как учения, отстаивающего свободу человеческой личности, эволюционный путь развития государства и сохранения самодержавной власти.

На его начальной стадии сохранялось положение, когда наряду с созданием собственной политико-правовой доктрины происходило распространение западной либеральной мысли. Чему в немалой степени способствовала теоретическая и практическая деятельность А. М. Унковского, В. А. Черкасского, А. Д. Градовского, Н. А. Милютина и др.

Так, например, А. Д. Градовский в своих научных работах, лекциях, публицистических произведениях способствовал развитию, популяризации и формированию либеральной доктрины². Он считал, что во второй половине XIX в. Не столь важны формы государства, сколько задачи его деятельности, способность их осуществлять.

Градовский отрицал, что для государства главной функцией является охранительная. По его мнению, сила всего лишь одно из средств власти, государство не может держаться только на применении насилия. «Государство не только юридическое, но и культурное явление, оно связано не только с интересами права, но и с интересами промышленности, просвещения, народного здоровья, продовольствия, благотворительности». Считая, нравственную функцию государства главной, он утверждал: «Служение высшим нравственным началам – вот закон, от исполнения которого не может уклониться самое могущественное правительство»³.

---

¹ Азаркин, Н. М. История юридической мысли России: курс лекций [Текст] / Н. М. Азаркин. М., 1999. С. 315.

² Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889), правовед, специалист по государствоведению, профессор государственного права Петербургского университета. Его учениками были: Н. М. Коркунов, И. Я. Фойницкий и др. Труды: «Политика, история и администрация. Критические и политические статьи» (1871), «Государство и народность: Опыт постановки национального вопроса» (1873), Соб. соч. Т. 1–9.

³ Цит. по: Твардовская, В. А. Александр Дмитриевич Градовский [Текст] / В. А. Твардовская // Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 123.

Градовский, как и большинство русских либералов, был убежден в необходимости преобразований в России, но только постепенных, эволюционных. Нововведения, реформы не должны сопровождаться ломкой старого, а бережно сохранять все жизнеспособное, выдержавшее проверку временем. Он полагал поэтому, что либерализм должен содержать элементы консерватизма, созидать будущее, опираясь на прошлый опыт. Градовский, по глубокому замечанию В. А. Твардовской «не только отразил характерную черту российского либерализма – его близость к консерватизму, но и уловил тенденцию этих течений к сближению в будущем»¹. «Либерал может быть консерватором, сторонник государственной опеки может быть прогрессистом». Разница в том, что «если консерватор старается связать прошедшее с настоящим, то прогрессист думает о связи настоящего с будущим» – но они одинаково стоят на почве исторического развития народа².

Огромное значение для формирования либерально-правовой доктрины на этом этапе имела теоретическая работа Б. Н. Чичерина. Именно в это время им были созданы важные для формирования либеральной доктрины труды. В их числе: «Областные учреждения России в XVII в.» (1857), «Опыты по истории русского права» (1859), «Очерки Англии и Франции» (1859), «Несколько современных вопросов» (1861), «Различные виды либерализма» (1862), «История политических учений» (1869–1902), «Наука и религия» (1879), «Мистицизм в науке. Критика В. Соловьева» (1880) и др.

Одной из важнейших проблем, которую пытался теоретически разрешить Б. Н. Чичерин, была проблема конституционной монархии. Своими исследованиями, как полагает В. Д. Зорькин, Чичерин «хотел обеспечить наиболее длительное существование блока крупных поземельных и промышленных собственников со средней буржуазией, а чтобы эти группы власть имущих «не поглотили» друг друга, чтобы не могла установиться ни «чистая» аристократия,

---

¹ Твардовская, В. А. Александр Дмитриевич Градовский [Текст] / В. А. Твардовская // Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 135.

² Там же.

ни буржуазно-демократическая республика, грозящая, на его взгляд, усилением влияния масс, он предлагает панацею – конституционную монархию»¹.

На этом этапе российскими либералами были предприняты попытки, не всегда безуспешные, реализовать свои идеи на практике. Они приняли деятельное участие в подготовке отмены крепостного права, а также либеральных реформ начала 60-х годов XIX века. Многие из них занимались земской деятельностью, приобретая, необходимый политический и административный опыт.

Так, Б. Н. Чичерин в течение 20 лет работал в Тамбовском земстве. Он принял активное участие в обсуждении земствами податной реформы. Смысл которой сводился к вопросу о применимости в России принципов всеословности и подходности налогообложения, к возможности налогообложения дворянства и помещиков. Чичерин пытался связать введение всеословного налогообложения с неизбежным созданием представительных учреждений, фактически конституционной монархии. Его позиция была столь бескомпромиссной, что поразила даже современников: «Даже Борис Николаевич Чичерин, яростный проповедник административной централизации и правительственной опеки, круто повернул в другую сторону. Он теперь только и кричит, что о необходимости конституции для России ... он не допускает ни малейших возражений против своей мысли»².

«Участие в делах земства оставило во мне одни хорошие воспоминания, – писал он в своих мемуарах. – Мне доводилось видеть на своем веку самые разнородные собрания, но это было единственное, в котором я чувствовал себя совершенно на своем месте ... Едва ли в России найдется другая сфера, которая бы до такой степени приходилась чувствам и потребностям порядочного человека ... Это – лучшее, что я видел в России. Провинция есть та еще нетронутая среда, из которой может выйти для нее обновление»³.

---

¹ Зорькин, В. Д. Взгляды Б.Н. Чичерина на конституционную монархию [Текст] / В. Д. Зорькин // Вестник Московского университета. 1969. № 1. С. 23.

² Чернуха, В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. [Текст] / В. Г. Чернуха. Л., 1978. С. 216.

³ Цит. по: Томсинов, В. А. Борис Николаевич Чичерин (1828–1904). Биографический очерк [Текст] / В. А. Томсинов // Чичерин Б. Н. Общее государственное право. М., 2006. С. XXVI.

В конце 1881 г. он был избран главой Московской городской думы. Однако с этой должности Чичерин был уволен Александром III в июне 1883 г. за речь, в которой подчеркнул важность «свободных учреждений», дарованных русскому обществу¹. В частности он сказал: «Мы спокойно ожидаем, когда сама власть признает наше содействие; но к этому призыву мы должны быть готовы, а не быть застигнутыми врасплох. Пора этого зова не слишком отдаленная ... Но если эти времена застигнут нас соединенными, то нам нечего опасаться. Россия явит миру новые силы духа, не только те, которые возбуждаются действием сверху, но и те, которые возбуждаются в народе внутренним, живым движением свободы»². В этом увидели намек на «конституцию», что и послужило причиной увольнения.

Третий этап (1881–1900 гг.). После убийства Александра II российским либералам стало ясно, что либеральная идея отталкивает не только социалистов, но и самодержавие. Либералы же были по-прежнему убеждены в правильности предлагаемой ими обществу доктрины, считали ее реализацию спасением России от революции, средством сохранения национального государства и самобытности.

Примером сохранения подобных убеждений среди русских либералов служит знаменитое письмо Б. Н. Чичерина К. П. Победоносцеву «Задачи нового царствования». Написанное 10 марта 1881 г., через несколько дней после убийства Александра II народолюбцами и адресованное одному из самых влиятельных царских чиновников, письмо отразило всю противоречивость отношения российских либералов к самодержавию.

В письме Чичерин, оставаясь на своих прежних позициях неприятия террора и революционного преобразования общества, выражает свою солидарность с действиями правительства в его борьбе с революционерами. Он считал, что главная задача правительства состоит в борьбе с социализмом. «У нас эта борьба, – подчеркивал он, – в некотором отношении представляет менее за-

---

¹ См. подробнее об этом: История русской правовой мысли. Биографии. Документы. Публикации. М., 1998. С. 19.

² Цит. по: Зорькин, В. Д. Чичерин. [Текст] / В. Д. Зорькин. М., 1984. С. 93.

трудней, нежели в других странах. Социализм не распространен в массах, которые остались чуждыми этой заразе. Русское правительство имеет дело с сравнительно небольшой шайкой, которая набирается из разных слоев общества, но главным образом из умственного пролетариата, размножаемого нашими учебными заведениями и поджигаемого радикальной печатью. Но эта шайка ведет дело разрушения с такой энергией и таким постоянством, каких слишком часто, увы, недостает в правительственных сферах.

Бороться с нею можно только тем же оружием. Напрасно мечтают о возможности умиротворения путем уступок. Для тех, которые положили себе целью одно разрушение, всякие уступки будут служить только средством к исполнению их дальнейших замыслов»¹.

Однако как либерал по убеждениям, он констатирует: «Все друзья либеральных преобразований прошедшего царствования не могли без горести видеть, как вместо установленных законом гарантий водворяется личный произвол». По его мнению, в стране сложилась такая ситуация, что ни свобода печати, ни возвращение ссыльных, «ни административные реформы, касающиеся местного самоуправления», не могут служить лекарством против зла. В условиях деспотизма и отрыва «верхов» от общества все эти «послабления» уже недостаточны и только еще более расшатывают общество, усилят «нигилизм»².

По мнению Зорькина В. Д., в этом письме Чичерин предложил правительству осуществить комплекс политических и экономических мероприятий для преодоления кризиса в стране. В их числе следующие неотложные меры:

- прекратить содействие помещикам в сохранении феодальных пережитков, в частности, закрепощение крестьян в общине и сохранение принципа круговой поруки;
- завершить начатую Александром II реформу освобождением крестьянина «от общины и круговой поруки присвоением ему в собственность той земли, на которую он имеет неотъемлемое право»;

---

¹ Чичерин, Б. Н. Задачи нового царствования [Текст] / Б. Н. Чичерин. // Тайный правитель России К. П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки. М., 2001. С. 62–63.

² См.: Зорькин, В. Д. Чичерин [Текст] / В. Д. Зорькин. М., 1984. С. 89.

- предлагает осуществить выборы (по одному депутату от дворянства и по два – от земства каждой губернии) и наделить выборных депутатов правом участвовать в работе Государственного совета;

- Государственный совет и выборные депутаты от «общества» должны составить одну палату с совещательными правами и не повлияют на абсолютную власть монарха.

Однако, как справедливо полагает В. Д. Зорькин и это явствует из текста письма, Чичерин был убежден, что совещательное собрание, создать которое он предлагал, должно постепенно превратиться в российский парламент. И хотя Б. Н. Чичерин говорил о невозможности провозглашения конституции немедленно, поскольку перед правительством стоит задача преодоления общественного хаоса, он утверждал, что «либерализму придет свой черед, когда успокоятся умы и водворится порядок»¹.

В целом письмо, несмотря на содержащиеся в нем либеральные идеи и предложения по выходу правительства из кризиса, не нашло отклика ни у самодержавной власти, ни у К. П. Победоносцева. Особенно та его часть, которая касалась реформирования общественного устройства, введения, пусть и не сразу парламентаризма. Прежде всего, потому, что Победоносцев был убежден: «из самых лживых политических начал есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции, *идея*, что всякая власть исходит от *народа* и имеет основание в воле народной»². Он считал, что из идеи народовластия проистекает «теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции – и проникла, к несчастью, в русские безумные головы»³. Он утверждал: «Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар – всероссийского парламента! Да не будет»⁴.

---

¹ См.: Зорькин, В. Д. Указ. соч. С. 90.

² Победоносцев, К. П. Великая ложь нашего времени [Текст] / К. П. Победоносцев // Сочинения. СПб., 1996. С. 284.

³ См.: Там же. С. 284.

⁴ Там же. С. 293.

Такое отношение к идеям парламентаризма, демократии, либерализму было характерно не только для К. П. Победоносцева, Александра III, но и для многих представителей высшей служилой бюрократии.

Отмечая гражданское мужество Б. Н. Чичерина, напрямую обратившегося к властям с призывом о необходимости либеральных преобразований, следует, тем не менее, признать, что история с письмом выявила характерную для России тенденцию отношений либералов и власти.

Во-первых, подобные письма и записки уже направлялись самодержавию. Так, в 1855 г. К. Д. Кавелин обращался к царю с «Запиской об освобождении крестьян», в которой содержалась программа либеральных преобразований, во многом продублированная Чичериным¹. Позднее, в 1866 г. после покушения Д. В. Каракозова на Александра II, Кавелин направил императору записку «О нигилизме и мерах, против него необходимых», в которой он пытался убедить власть, что нигилизм – это ответ на репрессивную политику правительства в 1849–1855 гг., а также оппозицию консервативных кругов по отношению к реформам 60-х годов XIX в. Он считал, что действенным средством борьбы с нигилизмом в обществе может быть распространение образования и просвещения². Обе записки не нашли должного понимания и отклика самодержавной власти.

Во-вторых, российские либералы, признававшие за самодержавием роль верховного арбитра, способного учитывать все общественные интересы, постепенно пришли к осознанию достаточно очевидного факта: все их предложения ущемляют самодержавную власть, ограничивают ее абсолютный характер, а поэтому не могут быть восприняты ею.

Поэтому была предпринята попытка перевести политико-правовую доктрину на язык политических программ, создания политических групп, объединений, а позднее и партий. Уже в это время выявилась организационная слабость российского либерализма, проявившаяся в неспособности создать не

---

¹ См. подробнее об этом: Алафаев, А. А., Секиринский, С. С. Указ соч. С. 64–65.

² См.: Кавелин, К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. [Текст] / К. Д. Кавелин. М., 1989. С. 8.

только политическую партию, но даже сформулировать доступные, понятные политические лозунги и программные установки. Это определялось не только элитарным характером российского либерализма, но и убеждением о невозможности конфликтов с царской властью. Однако политические партии создаются не для обсуждения теоретических проблем, они создаются для участия в управлении государством, для взятия власти. К такому развитию событий и к созданию такой организации, российские либералы во второй половине XIX века не были готовы.

Во второй половине XIX века в основном была сформирована либерально-правовая доктрина российского либерализма. В этом процессе можно условно выделить три основных этапа. Каждый из которых имел свою специфику, но их объединяло стремление не только адаптировать идеи либерализма к российской действительности, но к их развитию, приданию им характера системы.

Характерными чертами российской либерально-правовой доктрины стали: убеждение в необходимости сохранить самодержавную власть, сотрудничество с нею во имя проведения реформ, стремление к эволюционному переходу к конституционной монархии, разработка проблемы личных прав граждан, принципиальный отказ от революционных методов реформирования власти и осуществления либеральных преобразований общества.

Важную роль в создании основ доктрины сыграли выдающиеся представители отечественной политико-правовой мысли К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин.

Вместе с тем, следует признать, что практически вся вторая половина XIX века прошла в теоретическом осмыслении и разработке основополагающих идей и принципов российской разновидности либерализма, поиске ответа на вопрос о допустимости, пригодности либерализма для России. В это время также пришло понимание о необходимости соединения теории с практикой, началась постепенная подготовка создания либеральных политических организаций.

§ 3. Политико-правовое содержание доктрины российского либерализма во второй половине XIX века

Во второй половине XIX века в России началось достаточно активное и успешное формирование содержания политико-правовой доктрины российского либерализма. Для этого сложились как объективные, так и субъективные условия. Появились люди, которые могли взять на себя решение этой достаточно непростой задачи. При этом главной проблемой являлось то, что было необходимо на базе европейских учений о либерализме создать свою собственную, оригинальную теорию, учитывающую реалии российской действительности.

Решение этой проблемы оказалось делом достаточно сложным, поскольку в Европе уже существовали разнообразные и детально разработанные либеральные теории. Создать либеральную доктрину для России, страны экономически, социально и интеллектуально отсталой от европейских государств во второй половине XIX века было непросто.

К тому же, исторические и культурные традиции страны находились в явном противоречии с основными, базовыми принципами и идеями европейского классического либерализма. В частности, отношение подавляющего числа населения страны к самодержавной монархии, государству и законности было иным, чем у европейцев.

На эту особенность российского менталитета обращал внимание Б. Н. Чичерин: «Русскому человеку невозможно становиться на точку зрения западных либералов, которые дают свободе абсолютное значение и выставляют ее непременным условием всякого гражданского развития. Признать это, значило бы, отречься от всего своего прошедшего, отвергнуть очевидный и всеобъемлющий факт нашей истории, который доказывает яснее дня, что самодержавие может вести народ громадными шагами по пути гражданственности и просвещения»¹.

---

¹ Цит. по: Секиринский, С. С. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.) [Текст] / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М., 1995. С. 50.

Поэтому решить задачу создания российской либеральной доктрины было по силам только людям европейски образованным, подготовленным не только к восприятию, развитию, но и адаптации идей либерализма к российской действительности. Такие люди имелись, прежде всего, в университетской среде. Среди них по праву основную роль в формировании российской либерально-правовой доктрины играли научные исследования и публицистические выступления таких университетских профессоров как К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин.

Константин Дмитриевич Кавелин является одним из основателей, идеологов русской разновидности либерализма. Тем не менее, это достаточно простое суждение, почти аксиома, нуждается не только в обстоятельном разъяснении, но и, возможно, доказательстве. Причем сразу по нескольким направлениям: во-первых, что именно он действительно был либералом, во-вторых, именно он стоял у истоков российской разновидности либерализма, в-третьих, его философские, либеральные, философско-правовые идеи до сих пор не нашли достаточно глубокого, объективного осмысления.

К. Д. Кавелин был одним из первых русских правоведов кто в своих работах, в основном, публицистических, попытался не только осмыслить основные идеи европейского либерализма, но и разработать возможную стратегию их применения, приспособления к российской действительности.

Изучение политико-правового наследия Кавелина сопряжено с определенными трудностями, как методологического, так и гносеологического характера. В советское время, например, оно не только не изучалось вообще, но и рассматривалось только в негативном аспекте, тенденциозно¹. Одной из причин такого отношения к Кавелину и его политико-правовым идеям явилась их резкая и необъективная ленинская оценка². Противопоставляя «подлому либералу Кавелину» революционеров Чернышевского и Герцена, В. И. Ленин тем самым

---

¹ См., например: Покровский, В. С. История русской политической мысли (конспект лекций). Выпуск третий. [Текст] / В. С. Покровский. М., 1952. С. 74–75; Куприц, Н. Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.). [Текст] / Н. Я. Куприц. М., 1980. С. 82.

² Ленин, В. И. Памяти Герцена [Текст] / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 259. Статья была написана в 1912 году и через пять лет взгляды Ленина на проблему удержания власти радикально поменялись и перестали отличаться от кавелинских.

на долгие годы предопределил судьбу его теоретического, либерального наследия.¹ Причем, как настоящий революционный ортодокс, Ленин одним росчерком пера отверг то, что составляло суть кавелинского понимания либерализма, в том числе и право государства защищаться от террористов, сохраняя власть всеми доступными средствами².

Мировоззрение К. Д. Кавелина формировалось, с одной стороны, типичным для русского дворянства путем (гувернеры, домашние учителя, иностранцы), а с другой – в роли педагогов выступали К. А. Коссович, В. Г. Белинский. Затем Московский университет, философский, юридический факультеты, научная карьера. Дружба, интеллектуальные контакты с либеральной профессурой – Редкиным, Крыловым, Грановским, общение с Чаадаевым, Хомяковым и др. Даже краткое перечисление юношеских увлечений Кавелина, отразившихся на его мировоззрении, позволяет отметить его дуализм (славянофильство и западничество, народничество в широком смысле этого слова), неоднозначность, а порой, и противоречивость.

Все эти особенности формирования политико-правовых идей Кавелина нельзя оценить объективно, не учитывая социально-исторической обстановки в России 30–50-х годов XIX века (расцвет и бесславный закат николаевской империи, позорная Крымская война, страх, постепенно сменившийся ожиданием реформ и эйфория от возможного участия в них и т.п.). Без всестороннего учета этих обстоятельств невозможна не только объективная оценка политико-правовых воззрений К. Д. Кавелина, но даже их простое понимание.

Творческое наследие Кавелина чрезвычайно широко и многообразно. Мы не ставим перед собой цели его полного и всестороннего осмысления. Наша задача более скромная и узкая: проанализировать его программу либерализации России, а также отношение к таким базовым либеральным категориям, как государство и собственность, индивидуальная свобода, права личности.

---

¹ В указанной статье Ленин гневно обличал: «Когда был арестован Чернышевский, подлый либерал Кавелин писал: «Аресты мне не кажутся возмутительными... революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами». См.: Там же.

² См.: Кавелин, К. Д. Письмо к издателю [Текст] / К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 27.

Для современных исследователей либерализм Кавелина, наличие у него собственных либеральных взглядов, идей, более того, собственной либеральной концепции, не подлежит сомнению¹. Так, например, В. Н. Приленский, вполне справедливо полагает, что одним «из самых главных пунктов, позволяющих квалифицировать Кавелина как либерала, является его вполне осознанное понимание необходимости установления правовых отношений в обществе».²

Как и большинство российских либералов, Кавелин понимал, что идеи европейского либерализма в полном объеме неосуществимы в Российской империи, в том числе и потому, что в русском обществе не были укоренены чувства законности и справедливости. «Мы, русские, – писал он, – добрейшие люди в мире; сердце наше исполнено милосердия, сострадания, великодушия и незлобия; мы охотно прощаем обиды и помогаем ближним; из сердечной доброты мы легко отказываемся от своих прав и даже от своих выгод. Но чувство законности и справедливости, к сожалению, развито в нас чрезвычайно слабо, так слабо, что иной раз думается, не лишены ли мы вовсе органа, производящего эти добродетели?»³ Из этого следовало его убеждение в том, что необходимо приложить все усилия для распространения в обществе идей законности и справедливости, созданию условий для понимания необходимости создания правильного юридического и гражданского быта, достойного человека. В этом суть либерального мировоззрения К. Д. Кавелина.

Понимая неприемлемость западных европейских либеральных идей для российского общества, он, тем не менее, был убежден, что это вовсе не означало их полную неосуществимость в России. Для этого необходимо было учитывать специфику ее исторической и политической эволюции.

Особенности исторического и социально-экономического развития нашей страны породили мировоззренческое противоречие. Суть, которого состоит в следующем: можно ли считать русских либералов, в том числе К. Д. Кавелина,

---

¹ См., например: Исаев, И. А. История политических и правовых учений России XI–XX вв. [Текст] / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. М., 1995. С. 292; Алафаев, А. А. Константин Дмитриевич Кавелин [Текст] / А. А. Алафаев, С. С. Секиринский. // Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 53–84.

² Приленский, В. Н. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов [Текст] / В. Н. Приленский. М., 1995. С. 205.

³ Цит. по: Приленский, В. Н. Указ. соч. С. 204–205.

либералами, или они были просто «западниками», государственниками, сторонниками «реформ сверху». На наш взгляд, такая путаница в оценках существует, прежде всего, потому, что авторы подобных оценок не только не учитывают конкретно-историческую обстановку в России в XIX веке, но и механически сравнивают российский и европейский либерализм. Такой упрощенный подход к анализу сложных политико-правовых явлений, учений недопустим, поскольку затрудняет как их понимание, так и конструктивный, объективный анализ. Неоспоримая, общепризнанная заслуга К. Д. Кавелина состоит не столько в развитии теории европейского либерализма, сколько в разработке стратегии и тактики в перенесении либеральных идей на русскую почву. И в этом смысле можно говорить о том, что ранние русские либералы, такие как Кавелин и Чичерин, являются создателями политико-правовой доктрины русского либерализма.

Взгляды К. Д. Кавелина на государство, его роль в общественной жизни, собственность, индивидуальные права личности, сущность и значение права принципиально не отличались от идей европейских либералов. Проблема состояла в том, как встроить либеральные ценности в жесткую систему российского абсолютизма, закрепить их в ней и подготовить тем самым ее эволюционную трансформацию в гражданское, демократическое общество. В ряде работ, таких как «Паспорта в России» (1861), «Дворянство и освобождение крестьян» (1862), «Наш умственный строй» (1875), «Политические призраки и административный произвол» (1877) и др. Кавелин изложил основные положения своей политико-правовой доктрины. Как человек широкообразованный, обладающий энциклопедическими познаниями в области русской истории, права, философии, он понимал, что в середине XIX века радикальный переход России на либеральный путь развития невозможен. Отсюда внимание К. Д. Кавелина скорее к поиску, чем к собственной разработке, путей эволюционного перехода на путь либерального развития.

В этом смысле является знаменательным «Письмо к издателю», написанное им совместно с Б. Н. Чичериным¹. Не вдаваясь в спор об авторстве «Письма», следует признать, что оно содержало основополагающие принципы либерально-правовой доктрины в России в середине XIX века в России, накануне великих реформ.

Авторы «Письма» определили свое отношение к абсолютизму. В сложившихся обстоятельствах, по их мнению, Россия должна остаться абсолютной монархией². Одним из главных условий либеральных реформ они считали восстановление духовной связи между царем и народом, поскольку ее разрушила «алчная, развратная и невежественная бюрократия»³.

Кавелин и Чичерин предлагали: надо разъяснить императору бедственное положение народа. Установить прямые отношения между народом и властью при помощи прямого и открытого выражения «русской мысли посредством печатной книги или статьи, которая, будучи издана за границей, невольно обратит на себя внимание»⁴. На поверхностный взгляд – это наивный монархизм (при желании – этатистский либерализм), присущий крестьянским бунтам XVII–XVIII веков, а фактически призыв учитывать специфику массового сознания, общественной психологии Российской империи⁵. В том числе и то обстоятельство, что в России появился новый, молодой император, на которого все общество возлагало, может быть неоправданно, большие надежды⁶.

Авторы «Письма» справедливо полагали, что в России не существует либеральной политической организации, вообще никакой партии «могущей быть опасной для правительства»; «русская мысль, представляемая горстью просвещенных и порядочных людей, не может грозить ни русскому государю, ни даже

---

¹ По мнению Ш. М. Левина письмо было написано в конце 1855 г. И его первая часть принадлежит Кавелину. В. Д. Зорькин считает, что К. Д. Кавелину принадлежит вступление, а Б. Н. Чичерину – основная часть. – См.: Левин Ш. М. Очерки истории русской мысли. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1974. С. 356–357; Зорькин, В. Д. Чичерин [Текст] / В. Д. Зорькин. М., 1984. С. 14.

² Кавелин, К. Д. Письмо к издателю [Текст] / К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 22.

³ Кавелин, К. Д., Чичерин, Б. Н. Указ. соч. С. 23.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ См., например об этом: Корнилов, А. А. Курс русской истории XIX века. [Текст] / А. А. Корнилов. М., 1993. С. 202–204.

⁶ См.: Корнилов, А. А. Курс русской истории XIX века [Текст] / А. А. Корнилов. М., 1993. С. 204.

невежественной русской бюрократии»¹. Эта часть «Письма к издателю» предназначалась, прежде всего, императору. Авторы пытались его успокоить относительно тайных политических организаций, типа декабристских, а также заверить в чистоте и бескорыстности собственных помыслов, всей русской интеллектуальной элиты. Не случайно в первой части «Письма» К. Д. Кавелин, обращаясь к А. И. Герцену, утверждал: «... в самых задушевных и смелых разговорах я еще ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь выразил мысль о необходимости тайного общества, революции, ограничения самодержавной власти или что-нибудь подобное»².

В советской историографии «Письмо к издателю» традиционно рассматривалось, как попытка умеренных либералов скрыть свой монархизм, отмежеваться от связей с Герценом³.

Более объективную оценку «Письму» дал, на наш взгляд, В. Д. Зорькин. Он вполне обоснованно утверждал: «...Чичерин против революционных выступлений, которые, по его мнению, погубят благие начинания нового самодержца и вызовут новые репрессии»⁴.

Соглашаясь в целом с оценкой В. Д. Зорькина «Письма к издателю», нельзя не уточнить, что оно было написано двумя известными русскими профессорами, причем мнение К. Д. Кавелина (кстати, университетского учителя Б. Н. Чичерина) имело гораздо больший вес, как в русском обществе, так и у российского императора⁵.

Авторы «Письма» совершенно недвусмысленно выразили свое отношение к революции как методу преобразования общества на социалистических началах, «которые едва ли через сотни лет найдут себе приложение, в настоящее время не имеют для нас решительно никакого практического интереса»; к социализму как теории революции («К нам революционные теории не только

---

¹ Кавелин, К. Д., Чичерин, Б. Н. Указ. соч. С. 25.

² Там же. С. 22.

³ См., например: Китаев, В. А. От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века) [Текст] / В. А. Китаев. М., 1972. С. 202.

⁴ Зорькин, В. Д. Чичерин. [Текст] / В. Д. Зорькин. М., 1984. С. 14.

⁵ К. Д. Кавелин в 1857–1858 гг. преподавал правоведение наследнику престола великому князю Николаю Александровичу (старшему брату будущего императора Александра III).

неприложимы: они противны всем нашим убеждениям и возмущают в нас нравственное чувство»¹. Они были убеждены, что общество может развиваться только эволюционным путем. Любое революционное, скачкообразное изменение неприемлемо, «всякий народ должен воспитаться для известной формы жизни, и... история, как природа, не терпит скачков...»².

И Кавелин, и Чичерин полагали, что осуществление либеральных преобразований в России возможно только при помощи правительства, каким бы ни был его состав. «Мы готовы, – декларировали авторы «Письма», – столпиться около всякого сколько-нибудь либерального правительства и поддерживать его всеми силами, ибо твердо убеждены, что только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов»³.

Одной из первоочередных задач либерализации России они считали освобождение крестьян от крепостной зависимости. Надо «освободить крестьян без потрясений всего общественного организма»⁴. По их мнению, отмена крепостного права не только первоочередная задача, но и основное условие развития России по либеральному пути.

Следует признать, что правовое и политическое содержание этого письма еще не нашло должной оценки в историко-правовой литературе⁵. По существу, на наш взгляд, «Письмо к издателю» это манифест русского либерализма 50–60-х годов XIX века. В нем изложены основные идеи, принципы этого общественного движения:

- 1) на данном этапе форма правления должна остаться прежней, абсолютной монархией⁶;
- 2) необходимо восстановить взаимопонимание, духовную связь между царем и народом, которую разрушила «алчная, развратная и невежественная бюрократия»¹;

---

¹ Кавелин, К. Д., Чичерин, Б. Н. Указ. соч. С. 27, 29, 30, 31.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 27.

⁴ См.: Там же.

⁵ Советская историография рассматривала «Письмо» как попытку либералов скрыть свой «монархизм», отмежеваться от связей с А. И. Герценом. См., например: Китаев, В. А. От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века) [Текст] / В. А. Китаев. М., 1972. С. 202.

⁶ См.: Кавелин, К. Д., Чичерин, Б. Н. Указ. соч. С. 22.

3) надо разъяснить царю бедственное положение народа, установить прямые отношения между народом и властью при помощи прямого и открытого выражения «русской мысли посредством печатной книги или статьи, которая, будучи издана за границей, невольно обратит на себя внимание»²;

4) в России не существует не только либеральной политической организации, но и тем более партии «могущей быть опасной для правительства»; «русская мысль, представляемая горстью просвещенных и порядочных людей, не может грозить ни русскому государю, ни даже невежественной русской бюрократии»³;

5) негативное отношение к революции как методу преобразования общественных отношений на социалистических началах, «которые едва ли через сотни лет найдут себе приложение, в настоящее время не имеют для нас решительно никакого практического интереса», к социализму как теории революции («К нам революционные теории не только неприложимы: они противны всем нашим убеждениям и возмущают в нас нравственное чувство»)⁴;

б) общественные преобразования возможны только эволюционным путем, не приемлющим скачкообразное (революционное) развитие («всякий народ должен воспитаться для известной формы жизни, и ... история, как природа, не делает скачков ...»)⁵;

7) программа либералов на ближайшее время состоит в том, чтобы «освободить крестьян без потрясений всего общественного организма», ввести свободу совести в государстве, отменить или освободить цензуру⁶;

8) осуществление либеральных, в принципе любых, социально-политических преобразований в России возможно только при помощи правительства («Мы готовы, – утверждали авторы «Письма», – столпиться около всякого сколько-нибудь либерального правительства и поддерживать его всеми

---

¹ См.: Там же. С. 23.

² Там же. С. 24.

³ Кавелин, К. Д., Чичерин, Б. Н. Указ. соч. С. 25.

⁴ См.: Там же. С. 27, 29, 30, 31.

⁵ См.: Там же. С. 32.

⁶ См.: Там же. С. 27.

силами, ибо твердо убеждены, что только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов»)¹;

9) отрицание, возможно, вполне справедливое, у русского народа способности к социальному реформированию собственной жизни без руководства со стороны либералов или правительства².

Таким образом, на наш взгляд, авторы «Письма к издателю» еще в 1855 г. изложили, возможно, не достаточно четко, определенно, не в полном объеме, основы русской разновидности либерализма. В этом программном заявлении достаточно отчетливо видны его основные особенности: эволюция вместо революции, сотрудничество с правительством при реформировании общества и абсолютизма, борьба за реальные, достижимые цели в области прав человека³.

Безусловно, что эта программа позднее корректировалась, уточнялась, особенно в части, касающейся взаимоотношений власти и общества, прав человека, но в целом, в основных своих чертах, она сохранилась до начала XX в.

К. Д. Кавелин пытался на практике реализовать эту программу при решении важнейшего для России вопроса социально-экономической жизни – о крепостном праве. В том же 1855 г. он подготовил «Записку об освобождении крестьян в России»⁴. В ней К. Д. Кавелин подчеркивал: «Крепостное право есть камень преткновения для всякого успеха и развития в России... При крепостном праве положение с каждым годом будет становиться опаснее и неисправимее, что если это право останется в теперешнем своем виде, то несколько десятков лет позднее оно взорвет на воздух все государство»⁵.

---

¹ См.: Там же. Позднее эта идея, что без правительства в России преобразования невозможны, позволила некоторым исследователям классифицировать его взгляды, как впрочем, и идеи Б. Н. Чичерина, как эгалитарский либерализм. – См., например: Азаркин, Н. М. История юридической мысли России: Курс лекций. [Текст] / Н. М. Азаркин. М., 1999. С. 318, 322.

² Обращаясь к А. И. Герцену, авторы «Письма» спрашивали: «Что нашли вы такого в русском мужике, в этом несчастном страдальце, который Бог знает еще когда пробудится к сознанию своих способностей и к деятельности самостоятельной и разумной?» – См.: Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 27–28.

³ Либералы принципиально не принимали революцию как метод социального переустройства: «Сделать же из революции политическую доктрину, проповедовать мятеж и насилие, как единственное средство для достижения добра, сделать из ненависти благороднейшее чувство человека, поставить кровавую купель непреходящим условиям возрождения, – это ... оскорбляет и нравственное чувство, и убеждения созданные наукой». – См.: Там же. С. 29–30.

⁴ См. подробнее об этом: Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 64–65.

⁵ Цит. по: Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России. [Текст] / П. А. Зайончковский. М., 1954. С. 83.

В «Записке» Кавелин также утверждал, что после освобождения крестьян на тех условиях, которые он сформулировал «и дворянин, и крестьянин, сделавшись землевладельцами, придут в нормальное отношение, будут иметь одни общие интересы, одни выгоды, одни стремления и цели»; тогда и только тогда народ увидит в дворянстве «своего естественного, достойного доверия представителя»¹. Он также полагал, что после отмены крепостного права в России должно быть создано сословное земство, в котором будет преобладать дворянское сословие. Результатом общественных преобразований должно стать слияние нации «в единое целое», в котором будут различия, будут высшие и низшие классы, но не будет вражды и внутренней разобщенности»².

По авторитетному мнению историка П. А. Зайончковского проект отмены крепостного права К. Д. Кавелина способствовал бы развитию буржуазных отношений³. В этом же проекте Кавелин еще раз подчеркнул идею, высказанную в «Письме к издателю»: о надсословном, сословном характере российского абсолютизма. Он писал: «Было бы ошибочно полагать силу власти русского императора и нашего государственного порядка в интересах исключительно дворянства. Она неизмеримо выше всех вообще сословных интересов ...»⁴.

К. Д. Кавелин не отрицал и идеи конституционной монархии. Он полагал, что в России для ее осуществления есть не только необходимый «материал в дворянстве, как две капли воды сходный с тем, какой господствовал в Англии в XVIII веке и создал ее блистательное парламентское правление», но и то, «чего нет у Англии, – сильное, громадное, в высшей степени консервативное мужиц-

---

¹ Цит. по: Алафаев, А. А. Константин Дмитриевич Кавелин [Текст] / А. А. Алафаев, С. С. Секиринский. // Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 64–65.

² См.: Там же: С. 65.

³ См.: Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России. [Текст] / П. А. Зайончковский. М., 1954. С. 84. Во время подготовки проекта об отмене крепостного права К. Д. Кавелин был наставником цесаревича Николая Александровича. После публикации проекта в журнале «Современник» Кавелина отстранили от должности воспитателя. – См.: Наше Отечество. Опыт политической истории. Часть 1. М., 1991. С. 131.

⁴ Цит. по: Левин, Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX в. [Текст] / Ш. М. Левин. М., 1974. С. 360. Более подробно взгляды Кавелина на взаимоотношения абсолютизма и сословий, административную реформу изложены в его письмах «Чем нам быть?» адресованных редактору газеты «Русский мир». – См.: Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 77–122.

кое сословие, консервативное, – потому, что оно к счастью, теперь тоже земледелец»¹.

В ряде работ К. Д. Кавелин обосновал свои взгляды на проблему прав человека. Он был против конституции, дающей права только дворянам. Поскольку «массы народа» (крестьянство) не готовы к представительным формам правления, необходимо начать коренные преобразования в законодательстве и управлении, которые воспитают и подготовят народ к политическому представительству, т.е. парламентаризму².

Своим убеждениям К. Д. Кавелин остался верен до конца своей жизни. Так, в конце 1882 г. в журнале «Вестник Европы» он утверждал, что признает возможными и желательными «коренные преобразования», но «только в административном, а не политическом направлении и смысле»³.

Хотя Н. А. Бердяев со свойственной ему категоричностью утверждал, что «в России никогда не было либеральной идеологии, которая бы вдохновляла и имела влияние»⁴, мы считаем К. Д. Кавелина основоположником русской разновидности либерализма со всеми его достоинствами и недостатками. В том числе и потому, что именно он разработал тактику реализации либеральных идей в России, в основе которой постепенность, реформизм, эволюция. Ибо не случайно он сформулировал своеобразный девиз российского либерализма: «...Не тот народ имеет будущность, который умеет храбро умирать в битвах, на виселице и в каторге, а тот, который умеет переродиться и вынести реформу»⁵.

Безусловно, если сравнивать идеи, изложенные в «Письме к издателю» с европейским классическим либерализмом, они могут вызвать вполне обоснованные сомнения в их либеральной принадлежности. Поэтому их часто квалифицируют как «охранительный», «этатистский», «консервативный» либера-

---

¹ Алафаев, А. А. Константин Дмитриевич Кавелин [Текст] / А. А. Алафаев, С. С. Секиринский // Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 67.

² См.: Левин, Ш. М. Указ. соч. С. 361–362.

³ См.: Там же. С. 362.

⁴ См.: Бердяев, И. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX веков [Текст] / И. А. Бердяев. // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 171.

⁵ См.: Наше Отечество. Опыт политической истории. Часть 1. М., 1991. С. 127.

лизм¹. А то и вовсе причисляют К. Д. Кавелина то к западникам, то к народникам². Сам Кавелин, оценивая собственное мировоззрение и убеждения, утверждал: «Да, я был большим либералом, бывши студентом, и через мою голову прошли самые крайние теории; будучи профессором, я тоже был большим либералом, хотя не таким именно как меня почитают. В политический либерализм я не вдавался, а был искренним, ревностным социалистом. Спешу прибавить, что в ошибочности социальных теорий я убедился теперь, но остаюсь и теперь убежденным, что эти теории правильно указывали на болезни обществ человеческих, и правительства, приступая к реформам, по необходимости, неизбежно, будут решать задачи, поставленные социализмом»³.

В связи с этим необходимо признать, что существующие попытки классифицировать российский либерализм, признать его «охранительным» или вовсе отказать ему в либеральной принадлежности, не являются плодотворными.

Понимая и признавая, что всякая классификация является одним из методов, инструментов научного познания, нельзя не отметить следующее.

Во-первых, нельзя не признать несколько надуманный, даже в большей степени, произвольный характер существующих классификаций⁴. Совершенно правильно подчеркивая специфику исторического, социально-экономического и культурного развития, сторонники таких классификаций вольно или невольно подгоняют под выдуманные ими схемы идеи, помыслы и цели русских либералов. Так, Н. М. Азаркин утверждает, что российские либералы «конструировали свою модель исходя из желаемого, и в гораздо меньшей степени принимали во внимание жесткую реальность, которую намеревались преобразовать по уже апробированным западноевропейским образцам»⁵. Однако анализ работ даже

---

¹ См., например, Азаркин, Н. М. Указ. соч. С. 318; Зорькин, В. Д. Чичерин. [Текст] / В. Д. Зорькин. М., 1984. С. 12, 13.

² См., например: История политико-правовых учений: Учебное пособие для вузов. М., 2002. С. 228; История политических и правовых учений: Учебник. М., 1997. С. 395; История политических и правовых учений. Учебник для вузов. М., 2001. С. 461; Исаев, И. А. История политических и правовых учений России XI–XX вв. [Текст] / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. М., 1995. С. 292.

³ Цит. по: Приленский, В. Н. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов [Текст] / В. Н. Приленский. М., 1995. С. 202.

⁴ Например, Н. М. Азаркин делит русский либерализм на кружковый, сановный и земский. – См.: Азаркин, Н. М. Указ. соч. С. 310–316.

⁵ См.: Азаркин, Н. М. Указ. соч. С. 313.

ранних русских либералов, например, «Письма к издателю», не дает ни малейших оснований для подобных умозаключений. Скорее наоборот, российские либералы исходили из глубокого и всеобъемлющего анализа положения в стране, которое предлагали изменить исходя не из европейских либеральных образцов, а из собственной, самостоятельно разработанной теории, учитывающей исторические и культурные особенности развития России.

Во-вторых, авторы «Письма» не ставили перед собой задачу ни развить, ни усовершенствовать европейский либерализм. Их задача была более скромной и посильной. Считая Россию страной европейской, а, следовательно, развивающейся, пусть и специфическим образом, но в одном с остальной Европой цивилизационном направлении, ранние русские либералы были заняты поиском путей адаптации нашей страны к либерализму и европейскому либерализму к российским условиям.

В этой связи необходимо признать, что назрела необходимость, если не отказаться, то, во всяком случае, кардинально пересмотреть существующую в отечественной историко-правовой литературе классификацию русского либерализма.

В-третьих, следует отметить, что, разрабатывая стратегию либерализации России, ранние русские либералы стремились не только теоретически осмыслить основные либеральные ценности, но и, одновременно разработать, пусть, пока на уровне осознания, способы их применения в российской действительности.

Таким образом, программа российской либерализации, предложенная российскими либералами в конце 50-х гг. XIX в., была достаточно взвешенной, реалистичной, и, самое главное, эволюционной. Однако она не нашла понимания и не получила одобрения ни в правительстве, ни среди российской интеллектуальной элиты, дворянства. Сбылось предостережение, высказанное в «Письме к издателю», что у русского народа отсутствует способность к соци-

альному реформированию собственной жизни без руководства со стороны либералов или правительства¹.

Оценивая вклад К. Д. Кавелина в развитие отечественной правовой мысли, А. Ф. Кони писал, что люди, подобные Кавелину, вступая в жизнь с одним поколением «делятся знанием с другим, работают рука об руку с третьим, и сходят со сцены всем им понятные, добрые и поучительные до конца. Они не «переживают» себя. Их чуждый личных расчетов внутренний взор с тревожной надеждой всегда устремлен в будущее, и в их *многогранной* душе всегда найдутся стороны, которыми она тесно соприкасается с настроением и стремлениями лучшей части современного им общества»².

Доктрина либерализации России тем не менее позднее уточнялась, конкретизировалась, но ее основные элементы сохранились до начала XX века, когда была предпринята попытка, не совсем удачная, претворить ее в жизнь. Однако неудача в реализации либерально-правовой доктрины не столько свидетельствовала о неверности, нежизнеспособности ее, сколько о неумелости, неспособности исполнителей.

Учеником, соратником К. Д. Кавелина был Борис Николаевич Чичерин. Хотя, по авторитетному мнению П. Б. Струве «... Б. Н. Чичерин по университету – ученик прежде всего и больше всего Т. Н. Грановского...»³. Он внес большой вклад в развитие теории государства и права, проблем конституционной монархии, идеи народного представительства, теоретическое и правовое обоснование русской разновидности либерализма.

Политические взгляды и представления Б. Н. Чичерина постоянно находились в развитии, эволюционировали. Сам Чичерин считал себя представителем «спокойного, серьезного и разумного либерализма», чуждого как духу «упорной рутины», так и «поиску уличной популярности»⁴.

---

¹ См.: Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 27–28.

² Цит. по: Алафаев, А. А. Константин Дмитриевич Кавелин [Текст] / А. А. Алафаев, С. С. Секиринский. // Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 80.

³ Струве, П. Б. Б. Н. Чичерин и его место в русской образованности и общественности [Текст] / П. Б. Струве. // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 582.

⁴ См.: Секиринский, С. С. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX начало XX в.) [Текст] / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М., 1995. С. 51.

С мировоззренческой и правовой точек зрения взгляды Б. Н. Чичерина были весьма сложными, неоднозначными. В советское время, по точному замечанию Н. М. Азаркина, они интерпретировались или как откровенная защита самодержавия, или как обоснование конституционной монархии¹. «И та, и другая позиция, – считает Азаркин, – впадают в крайность и не учитывают, что Чичерин, как ярый последователь Гегеля всегда отстаивал принцип историзма при исследовании любого явления, в том числе и государственных форм»².

С исторических позиций Б. Н. Чичерин подходил и к формированию своей правовой доктрины, либеральной по сути, содержанию и этатистской по форме³.

Научный и политический авторитет Чичерина был чрезвычайно высок. По мнению историка М. Н. Покровского, «его исторические и юридические теории пользовались величайшим кредитом и почетом в известных кругах еще в 90-х годах прошлого столетия: я помню, с каким почти благоговением передавал мне около 1892 г. П. И. Новгородцев его книжку»⁴.

Несколько иную характеристику дал ему философ Н. А. Бердяев: «Единственным философом либерализма можно было бы назвать Б. Чичерина, да и он скорее был либеральным консерватором или консервативным либералом, чем чистым либералом ... правый гегелианец, сухой рационалист, он имел мало влияния»⁵.

Несмотря на резкость и однобокость бердяевской оценки Б. Н. Чичерина, следует все же признать, что он отметил главное в творчестве великого правоведа – влияние на него философии Гегеля. Сам Чичерин никогда этого не скрывал⁶. Более того, он считал свою приверженность немецкой классической фи-

---

¹ См.: Азаркин, Н. М. Указ. соч. С. 324.

² Там же. С. 324.

³ Так, например, Исаев И. А., Золотухина Н. М. считают Чичерина «наиболее представительной фигурой в ряду либеральных государствоведов». – См.: Исаев, И. А., Золотухина, Н. М. История политических и правовых учений России XI–XX вв. [Текст] / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. М., 1995. С. 283.

⁴ Цит. по.: Зорькин, В. Д. Чичерин. [Текст] / В. Д. Зорькин. М., 1984. С. 6.

⁵ Бердяев, И. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX веков [Текст] / И. А. Бердяев. // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 171.

⁶ В своих мемуарах Чичерин пишет: за приверженность гегелевской философии «я между товарищами носил прозвище Гегеля». – См.: Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II. Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991. С. 56.

лософии большим достоинством собственного мировоззрения¹. По мнению некоторых исследователей, он пытался создать собственную философию права, в которой бы гармонично сочетались материализм и идеализм². У его концепции были как противники, например, Н. М. Коркунов, С. Н. Трубецкой, так и сторонники: П. И. Новгородцев, Э. Радлов и др.³

В своих взглядах на государство и право он исходил из идеи приоритета интересов человеческой личности перед интересами государства. Считая человека абсолютной ценностью, а его свободу фундаментом общества, он провозглашал: «Не лица для учреждений, а учреждения для лиц». Он был убежден: «Человек всегда должен оцениваться как цель и никогда не должен быть низведен на степень простого средства ... Индивидуализм, состоящий в признании свободы лица, составляет краеугольный камень всякого истинного человеческого здания»⁴.

Чичерин отчетливо представлял прямую связь, взаимозависимость между экономической свободой и развитием политического сознания граждан, ведущим, в конечном счете, к пониманию необходимости политической свободы⁵. Он считал, что свобода и свободные учреждения могут существовать лишь в государстве и рамках закона. Свобода не любит крайностей. Она является преимуществом умеренных правлений, где граждане более или менее обеспечены против злоупотреблений власти. Во всяком образе правления необходимы сдержки, как скоро они исчезают, так правление превращается деспотию⁶.

Важной гарантией соблюдения личных прав Чичерин считал наличие в обществе «господствующего в нем нравственного порядка», «общественного духа», без которого народ «перестает существовать как единое целое; он остается толпой людей, соединенных только внешним образом, для которых все

---

¹ Там же. С. 57.

² См., например: Зорькин, В. Д. Из истории буржуазно-либеральной мысли России второй половины XIX – начала XX в. (Б. Н. Чичерин) [Текст] / В. Д. Зорькин. М., 1975. С. 20–21.

³ См.: Зорькин, В. Д. Указ. соч. С. 25; Новгородцев П. И. Об общественном идеале [Текст] / П. И. Новгородцев. М., 1991. С. 128, 174, 175, 566, 582.

⁴ Чичерин, Б. Н. Общее государственное право [Текст] / Б. Н. Чичерин. М., 2006. С. XXVIII.

⁵ См.: Там же. С. 486–487.

⁶ См.: Секиринский, С. С. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.) [Текст] / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М., 1995. С. 52.

равно, подчиняться той или другой власти, лишь бы она исправно содержала полицию»¹. Нравственный порядок в обществе, по его убеждению, должен подкрепляться духовной свободой. Составными элементами, ее гарантиями должны были стать: свобода совести, мысли, включающая свободу преподавания и печати, свободу собраний².

Считая судебные гарантии наиболее эффективным инструментом соблюдения личных прав граждан, Б. Н. Чичерин полагал, что это лишь предварительное условие соблюдения прав политических. Соблюдая гражданские права общество должно научиться, осознать необходимость такой же юридической защиты политических прав. Он был убежден: «Твердость прав гражданских должна предшествовать правам политическим»³. Без этого считал он, «невозможно надеяться на успех представительных учреждений»⁴.

Необходимо также отметить, что идеи и взгляды Чичерина на проблему прав человека, их зависимость от формы государственного правления, никогда не излагались им в виде программы или манифеста⁵.

Чичерин разделял права человека на личные и гражданские. Он считал, что «права граждан в отношении государства могут быть сведены к двум категориям: 1) личные права, которые принадлежат гражданам, как отдельным лицам, подчиненным государственной власти; ими определяется отношение личной свободы к власти; 2) политические права, принадлежащие гражданам, как участникам власти»⁶.

При этом Чичерин подчеркивал: «Подчиняясь государственной власти, личная свобода подвергается необходимым ограничениям, которых определе-

---

¹ Секиринский, С. С. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.) [Текст] / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М., 1995. С. 489. Понимая необходимость и значение духовной свободы для общественного нравственного порядка, Б. Н. Чичерин подчеркивал: «Духовная свобода, так же как и материальная, имеет свои границы, определяемые требованиями союза, в котором она вращается». – См.: Там же. С. 490.

² См.: Там же. С. 494–507. Формулируя свое отношение к свободе совести, Б. Н. Чичерин считал: «... терпимость является первым признаком высшей духовной жизни народа. Она ведет и к освобождению гражданской области из-под владычества религии ... Любовь к отечеству, чувство права, привязанность к законному порядку, уважение к власти могут существовать и существуют независимо от того или другого вероисповедания». – См.: Там же. С. 492.

³ Там же. С. 510.

⁴ Там же.

⁵ Наиболее полно свои идеи о личных правах Б. Н. Чичерин изложил в фундаментальном исследовании «О народном представительстве», изданном в 1899 г.

⁶ Чичерин, Б. Н. Общее государственное право [Текст] / Б. Н. Чичерин. М., 2006. С. 211.

ние зависит от самой верховной власти. Но вместе с тем, так как свобода в государстве должна быть ограждена от произвола, то здесь устанавливаются известные законные гарантии для лиц, полагающие предел действию властей»¹. Политические права граждан по Чичерину состояли в их участии в действиях власти и подразделялись на две категории: «1) участие граждан в решениях, лично или через представителей; 2) доступ к должностям»².

Он считал: «Крепость личных прав, без сомнения, необходима в порядке вещей, признающим начало свободы существенным элементом политического устройства, но целью законодательства должно быть не безмерное расширение этих прав, а разумное их сочетание с требованиями государственной жизни. Если недостаточное их развитие может отучить граждан от самодеятельности, препятствовать разработке мыслей и выражению общественной воли, если оно дает правительству чрезмерное и незаконное влияние на выборы, то, с другой стороны, избыток свободы и излишнее стеснение власти могут не только помешать исполнению общих целей, но и повергнуть общество в анархическое состояние»³.

Оставаясь приверженцем предоставления гражданам широких личных прав, Чичерин, тем не менее, был убежден, что при различных формах правления их объем может быть различным. Кроме того, он полагал, что государство имеет право на ограничение свободы в «смутных обстоятельствах», «при внутренней или внешней опасности». Эти ограничения могут носить как временный, так и относительно постоянный характер, поскольку «чем более в обществе революционных элементов, чем более людей, стремящихся к низвержению законного порядка, тем менее можно обойтись без значительных стеснений свободы. Здесь господствует общий закон политической жизни, что власть должна быть тем сильнее и свобода тем меньше, чем разрозненнее и противоположнее друг другу общественные элементы»⁴.

---

¹ Чичерин, Б. Н. Общее государственное право [Текст] / Б. Н. Чичерин. М., 2006. С. 211.

² Там же. С. 239.

³ Чичерин Б. Н. О народном представительстве [Текст] / Б. Н. Чичерин. М., 1899. С. 708.

⁴ См.: Там же. С. 709.

Чичерин одним из первых русских либералов изучил проблему духовной, нравственной готовности народа к получению им личной свободы в широком смысле этого слова, его потенциальной возможности не только обладать, но и распоряжаться ею. Он был убежден: «Свойства народного характера, преобладание в нем личного начала или стремления к общественному единству, имеют также существенное влияние на развитие личных прав»¹.

Сравнивая характеры различных европейских народов с точки зрения их готовности к участию в парламентской деятельности, он приходит к достаточно неутешительному выводу: «Если, в продолжение всей нашей истории, в нас менее, нежели у других, проявлялось стремление к политической свободе, то очевидно, что мы к ней менее всех способны». Поясняя свою мысль, Чичерин указывал, что великие достоинства русских людей, превратившие Россию в великую державу – «несокрушимое терпение, безропотное перенесение всевозможных лишений и тяжестей, готовность всем жертвовать для царя и отечества – прямо противоположны духу личной свободы»².

Отмечая отсутствие в народе и русском обществе юридического смысла и чувства законности, неумение «держаться в известных пределах, и умственно и нравственно», склонность в условиях свободы к «полному разгулу», Чичерин, тем не менее, со свойственной ему диалектичностью мысли, полагал, что «из народного характера нельзя вывести безусловного заключения о возможности или невозможности представительного порядка в государстве»³. Поэтому наиболее оптимальным для русского народа, вышедшего из-под многовековой крепостной зависимости, он считал постепенную его подготовку к получению политической свободы посредством активного участия в государственной, частной жизни. И лишь после этого, развив в себе личную энергию и «опытность в достижении общих целей совокупными силами», доказав «на деле, что

---

¹ Чичерин Б. Н. О народном представительстве [Текст] / Б. Н. Чичерин. М., 1899. С. 709.

² См.: Чичерин, Б. Н. Указ. соч. С. 412–413.

³ См.: Там же. С. 413, 414, 415. Чичерин считал, что история русского народа и «его свойства доказывали в нем способность создать крепкое государственное тело, с единою властью во главе, а не умение пользоваться свободой».

они умеют устроить свои частные и общественные дела», граждане могут требовать политических прав¹.

Свою либеральную концепцию Чичерин создавал, учитывая особую роль абсолютной монархии в истории России. Он считал, что «государство есть союз народа, связанного законом в одно юридическое целое, управляемое верховной властью для общего блага»². Оценивая реформаторский потенциал самодержавия, Чичерин утверждал: «Как некогда державною рукой Петра, насаждалось у нас европейское просвещение, так ныне либеральные идеи, выработанные европейскою жизнью, водворяются в нашем отечестве»³. Вместе с тем он понимал: «Историческое значение самодержавной власти дало ей такую мощь, какой она не имела ни в одной европейской стране и перед которой должны были исчезнуть всякие представительные учреждения»⁴.

Задача либерализма поэтому состояла в том, чтобы не столько восстановить, сколько создать заново представительные учреждения и соответствующую им форму правления – конституционную монархию. Главным средством достижения этой цели Б. Н. Чичерин считал свободу, понимаемую им в самом широком правовом и нравственном смысле. При этом он предостерегал: «Русскому человеку невозможно становиться на точку зрения западных либералов, которые дают свободе абсолютное значение и выставляют ее неизменным условием всякого гражданского развития. Признать это, – значило бы отречься от всего своего прошедшего, отвергнуть очевидный и всеобъемлющий факт нашей истории, которая доказывает яснее дня, что самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения ... Русская история не мешает нам любить свободу, к которой, как высшему идеалу стремиться всякая благородная душа»⁵.

---

¹ Чичерин Б. Н. О народном представительстве [Текст] / Б. Н. Чичерин. М., 1899. С. 417.

² См.: Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки. Часть 1. [Текст] / Б. Н. Чичерин // История русской правовой мысли. Биографии, документы, публикации. М., 1998. С. 28.

³ Чичерин Б. Н. О народном представительстве [Текст] / Б. Н. Чичерин. М., 1899. С. XVII.

⁴ Цит. по: Исаев, И. А. История политических и правовых учений России XI–XX вв. [Текст] / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. М., 1995. С. 283.

⁵ Чичерин, Б. Н. О народном представительстве [Текст] / Б. Н. Чичерин. М., 1899. С. XVI–XVII.

«Свобода, – писал Чичерин в статье «Различные виды либерализма», – лучший дар, данный в удел человеку, она возвышает его над остальным творением, она делает из него существо разумное, она налагает на него нравственную печать»¹ По его мнению, все «достоинство человека основано на свободе, на ней заждутся права человеческой личности»².

Как полагает Захаров А. В., «Чичерин в качестве основы права называет человеческую личность и ее свободу», а свобода и закон, являющиеся началами права, совместно с властью призваны охранять закон и сдерживать свободу³.

В целом, соглашаясь с подобной оценкой взглядов Чичерина на проблему соотношения свободы и закона, необходимо признать, что на самом деле он более широко трактовал понятие свободы, ставя ее в зависимость не столько от власти и прав, сколько от конкретной ситуации в стране. «Степень свободы, – утверждал он, – которая должна быть предоставлена гражданам, зависит от свойства самой деятельности, от устройства власти, от народного характера, наконец, от обстоятельств, в которых находится государство»⁴.

В частности он полагал, что свобода, прежде всего политическая, зависит от наличия в обществе обеспеченных людей, обладающих капиталом. «Политическая свобода, – утверждал Чичерин, – немислима без обеспеченных состояний. Только экономическая независимость обеспеченных классов дает обществу независимость политическую ... Поэтому, бедная страна не может быть свободной страной...»⁵.

Свобода – это не только идеальная цель, но и эффективное средство, при помощи которого можно преобразовать и абсолютизм, и общество. Наиболее полно этим реформистским задачам, по мнению Б. Н. Чичерина, отвечал либе-

---

¹ См.: Чичерин, Б. Н. Различные виды либерализма [Текст] / Б. Н. Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 38. Статья была опубликована в 1862 г. (прим. авт.)

² См.: Там же. С. 39.

³ См.: Захаров, А. В. Государственно-правовые воззрения Б. Н. Чичерина [Текст]: Автореф. дис... канд. юрид. наук / А. В. Захаров. Белгород, 2002. С. 17–18.

⁴ Чичерин Б. Н. О народном представительстве [Текст] / Б. Н. Чичерин. М., 1899. С. 708.

⁵ Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки. Часть 2. [Текст] / Б. Н. Чичерин // История русской правовой мысли. Биографии, документы, публикации. М., 1998. С. 204.

рализм, сущность которого и составляет идеал свободы. В связи с этим он дает первую в российской правовой мысли классификацию либерализма¹.

Б. Н. Чичерин являлся сторонником охранительного либерализма, сущность которого «состоит в примирении начала свободы с началами власти и закона»². Здесь же он сформулировал политическую программу такого либерализма: «В политической жизни лозунг его: либеральные меры и сильная власть – либеральные меры, представляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, дающие возможность высказаться всем законным желаниям, – сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, пресекающая всякое его нарушение, внушая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердые руки, на которые можно надеяться, и разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы и против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий»³.

В этой же статье он разъяснил свое понимание не только свободы, но и соотношения между правами и обязанностями. Чичерин считал, что свобода не состоит только в приобретении и расширении прав. По его убеждению, человек «потому только имеет права, что он несет на себе обязанность, и, наоборот, от него можно требовать исполнения обязанностей единственно потому, что он имеет права»⁴.

Однако, на наш взгляд, главное в его либеральной программе было не столько понимание свободы, даже не сама программа, впервые сформулированная в либеральном движении второй половины XIX века, сколько тактика достижения и реализации программных целей.

---

¹ См.: Чичерин, Б. Н. Различные виды либерализма [Текст] / Б. Н. Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 41.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 49–50.

⁴ Там же. С. 47.

В работе «Конституционный вопрос в России», опубликованной в 1906 году, он вновь разъяснил свою позицию относительно формы власти, прав человека и, самое главное, указал на методы достижения этих целей¹. В ней Чичерин развил несколько принципиальных положений, которые он вместе с К. Д. Кавелиным обосновал в статье «Письмо к издателю». В частности, он подтвердил свою приверженность идее конституционной монархии, в том числе и потому, что самодержавие выполнило свою историческую миссию: «сплотило громадное государство, возвело его на высокую степень могущества и славы, устроило его внутри, насадило в нем образование»². После отмены крепостного права, проведения внутренних реформ, которые способствовали, по его мнению, водворению «гражданской свободы во всех слоях и на всех общественных поприщах, независимый и гласный суд, земские учреждения, наконец, новая в России, хотя и скудная еще, свобода печати, все это части нового здания, естественным завершением которого представляется свобода политическая»³.

Необходимость перехода к конституционной монархии Чичерин мотивирует также и тем, что с Россией соседствуют конституционные государства, где идеи либерализма стали господствующими, их проникновению «никакие китайские стены не в состоянии положить преграды»⁴.

Иными словами, переход к конституционной монархии приобретает объективный характер, свойственный общеевропейскому политическому процессу и ссылки «на какие-то особенности России, которые изъедают ее из общих законов человеческого развития, опять не что иное, как пустая фантазия»⁵. Проблема, следовательно, состояла не в определении формы будущего государственного устройства, а в том, как перейти к конституционной монархии с наименьшими потерями, наиболее безболезненным способом.

---

¹ См.: Чичерин, Б. Н. Конституционный вопрос в России [Текст] / Б. Н. Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 52–76.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же.

Конституционная монархия представлялась Чичерину наиболее приемлемой для России формой государственного правления. «Ограниченная монархия, – писал он, – свойственная новому времени, есть так называемая конституционная монархия, в которой монархическая власть ограничивается не привилегиями сословий, а представительством народа, как целого, причем аристократии и демократии уделяется та степень влияния, которая принадлежит им фактически, по их общественному положению. Эта форма представляет согласное с государственными началами сочетание всех основных элементов государственной жизни, власти, закона, и свободы, связанных совокупною целью, которая есть общее благо»¹.

Б. Н. Чичерин предложил программу эволюционной трансформации абсолютизма к конституционализму. Главную роль в этом процессе должно было сделать дворянство, русская аристократия. По убеждению Чичерина, дворянство в конце XIX века, являлось единственной реальной силой, которая, с одной стороны, не только была социальной опорой абсолютизма, но и обладала реальной способностью ограничить его произвол. В том числе и потому, что это «единственная среда, в которой при таком порядке могут вырабатываться чувства права, свободы, чести и человеческого достоинства»².

Установлению демократического равенства в стране, только что освободившейся от крепостного права, должно предшествовать сближение сословий, а затем и их слияние. Однако высшие сословия, например, дворянство, должны воспитать общество к восприятию демократии, поскольку «первоначальное развитие свободы всегда и везде происходит в среде высших классов, которые одни имеют для этого достаточно средств и образования, которые одни способны выработать в себе сознание права и прилагать это сознание к своей политической деятельности»³.

---

¹ Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки. Часть 3. [Текст] / Б. Н. Чичерин // История русской правовой мысли. Биографии, документы, публикации. М., 1998. С. 232.

² См.: Чичерин, Б. Н. Конституционный вопрос в России [Текст] / Б. Н. Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 60.

³ См.: Там же. С. 63.

Чтобы дворянство смогло исполнить свою роль общественного воспитателя демократии, подготовить постепенный переход к конституционной монархии, абсолютизм должен осуществить некоторые внутренние преобразования.

Во-первых, сохранить на некоторое время (на переходный к конституционной монархии период – И. А.) политическое неравенство между дворянством и народом. Б. Н. Чичерин считал, что «низведение высших классов к уровню низших прежде, нежели совершилось воспитание демократической массы, прежде даже, нежели водворились в обществе начала политической свободы, может иметь для народной жизни самые пагубные последствия»¹. По существу речь идет о политическом цензе в пользу дворянства. Это принципиальная позиция Чичерина, убежденного в том, что народ надо воспитать для понимания политического равенства. Если наделить всех одинаковыми политическими правами, не учитывая сословные и образовательные различия, то, по его мнению, наступит равенство бесправия – «худший из всех возможных общественных порядков; оно служит опорой самому беззастенчивому деспотизму»².

Во-вторых, самодержавие должно дать дворянству право самому определить те повинности, «которые оно на себя принимает»³.

Сохранив за дворянством политические и экономические привилегии, самодержавие сохранит, по замыслу Чичерина, свою главную социальную опору, сможет рассчитывать на его помощь в политическом воспитании народа. Однако и само дворянство нуждалось в приобретении политического опыта. «Государственные способности, – считал Б. Н. Чичерин, – развиваются только основательным теоретическим и практическим занятием государственными вопросами, а в русском обществе даже чисто теоретическое изучение этих вопросов составляет величайшую редкость»⁴.

---

¹ Чичерин, Б. Н. Конституционный вопрос в России [Текст] / Б. Н. Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 63.

² Там же.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 71.

Местом, где дворяне могли получить государственный опыт Чичерин, как и прежде, считал Государственный совет, который полагал сделать выборным, расширить за счет представителей земств, а также поделив его законосовещательными функциями.

В результате воспитательной и государственной работы дворянства трансформируется не только общество, но и самодержавие. Оно само должно понять необходимость политических преобразований. Чичерин считал, что власть «обязана сама, во имя верховных начал общественного блага, о котором ей вверено попечение, заменить привилегии политическими правами».

Такой, в самых общих чертах, была либеральная программа Б. Н. Чичерина, в той ее части, которая затрагивала проблему прав человека, а также отношение к ней власти, формы, методы и способы ее разрешения.

В начале XX в. Чичерин опубликовал большую статью «Россия накануне двадцатого столетия», которую традиционно рассматривают как его политическое завещание. В ней подведены основные итоги распространения либеральных идей и проведения либеральных реформ в нашей стране. Его выводы о перспективах либерального развития неутешительны.

Чичерин считал, что в результате преобразований самодержавная «власть русских царей превратилась в игрище личных интересов самого низменного качества»¹. Причиной тому возросшая роль бюрократии, произвольная и бесконтрольная деятельность которой разъедает русское общество, «не встречая сдержки, подавляет все независимые силы и, более и более захватывая власть в свои руки, растлеывает русское общество»².

«Но ограничить бюрократию невозможно, – констатирует он, – не коснувшись той власти, которой она служит орудием ..., т.е. неограниченной власти монарха. Пока последняя существует, безграничный произвол на вершине всегда будет порождать такой же произвол в подчиненных сферах. Законный порядок никогда не может упрочиться там, где все зависит от личной воли и где

---

¹ Чичерин, Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия [Текст] / Б. Н. Чичерин // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 570.

² См.: Там же. С. 567.

каждое облеченное властью лицо может поставить себя выше закона, прикрыть себя Высочайшим повелением. Если законный порядок составляет самую насущную потребность русского общества, то эта потребность может быть удовлетворена только переходом от неограниченной монархии к ограниченной. В этом и состоит истинное совершение реформ Александра II. Иного исхода для России нет»¹.

По мнению Чичерина, неограниченная монархия изжила себя, а Россия созрела для провозглашения политических свобод: «Раньше или позднее это совершится, зависит от местных или временных условий; но это непременно должно быть, ибо это в порядке вещей»².

Однако, сделав столь радикальные для умеренного либерала выводы, Чичерин вновь возвращается к своей прежней идее о постепенном преобразовании российского самодержавия.

Не призывая сразу ограничить его парламентским правлением, он предлагает эволюционный путь, преобразовав Государственный совет в Верховную палату, облеченную законодательными правами. С этого шага должно начаться создание в России конституционного устройства. Он полагал такой метод конституционных преобразований достаточно плодотворным: «... русское общество будет призвано к политической жизни, а это одно, что может вывести его из той умственной и нравственной апатии, в которую оно ныне погружено. В нем проявится новый подъем духа, когда оно будет призвано к решению новых, высших задач. Лучшие силы в нем воспрянут, и самые молодые поколения будут готовиться к плодотворной деятельности, вместо того чтобы напрасно губить свои способности в социалистической агитации»³.

Завершая статью, Чичерин с горьким оптимизмом констатирует: «... оставаться при нынешнем близоруком деспотизме, парализующем все народные силы, нет возможности. Для того чтобы Россия могла идти вперед, необходимо, чтобы произвольная власть сменилась властью, ограниченной законом и об-

---

¹ Чичерин, Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия [Текст] / Б. Н. Чичерин // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 568.

² Там же. С. 569.

³ Чичерин, Б. Н. Указ. соч. С. 572.

ставленную независимыми учреждениями ... Рано или поздно, тем или другим путем это совершится, но это непременно будет, ибо это лежит на необходимости вещей. Сила событий неотразимо приведет к этому исходу. В этом состоит задача двадцатого столетия»¹.

Теоретическая, публицистическая и политическая деятельность К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина во второй половине XIX века имели определяющее значение для формирования либерально-правовой доктрины в России. В их работах были сформулированы базовые принципы отечественной либеральной мысли, определившие на долгие годы программу и тактику российского либерализма. Влияние на современников их творчества было значительным. Так, П. Б. Струве, отдавший дань увлечения марксизму, признавался, что «пришел в собственных путях к общественно-политическому мировоззрению, близкому ко взглядам покойного московского ученого (Б. Н. Чичерина – И. А.)»².

П. И. Новгородцев, оценивая вклад Б. Н. Чичерина в развитие либерализма и правой науки, писал: «Велико и обширно научное наследие, оставленное Б. Н., и столь же значительно общественное и нравственное значение его ученой деятельности. Его труды долго еще будут служить для русского общества и живым источником мысли, и ободряющим нравственным примером ... Мыслитель непоколебимо честный, неизменно верный себе и проникнутый глубокой верой в озаряющую силу истины, он представил нам образец науки самостоятельной и свободной, не поддающейся мимолетным увлечениям времени и черпающий свои вдохновения в глубочайших источниках исторического опыта и философской мысли»³.

Необходимо отметить, что в конце XIX века в России в разработке либерально-правовой доктрины участвовало множество ученых-правоведов, историков, политических деятелей. Однако их деятельность проходила под большим влиянием творческого наследия ранних русских либералов, прежде всего

---

¹ Чичерин, Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия [Текст] / Б. Н. Чичерин // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 574.

² Струве, П. Б. Б. Н. Чичерин и его место в русской образованности и общественности [Текст] / П. Б. Струве. // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 584.

³ Новгородцев, П. И. Б. Н. Чичерин [Текст] / П. И. Новгородцев // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 579.

Б. Н. Чичерина, его идей и представлений о либерализме. Относительную самостоятельность их теоретические разработки и политическая деятельность приобрели в начале XX в., накануне и после революции 1905 г., когда началась постепенная эволюция либерально-правовой доктрины, произошло ее уточнение и развитие.

Глава 2

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

§ 1. Эволюция либерально-правовой доктрины в начале XX века

К началу XX в., наряду со старым, классическим российским либерализмом, возник и идейно оформился новый либерализм. В современной философско-правовой литературе это либеральное течение иногда именуют как неолиберализм¹.

Существует и иная точка зрения классификацию российского либерализма начала XX. Например, В. Ф. Пустарников считает, что в начале XX в. начал складываться либеральный консерватизм, в котором «несущей конструкцией, главной составляющей является модернизированное консервативное начало, а либеральное начало является лишь частичной (в разном объеме) прививкой к нему»². По его мнению, в России в начале века произошла эволюция «части либералов (круга Струве, Франка, Бердяева, Булгакова и др.) вправо от прежнего

---

¹ Сиземская, И. Новый либерализм в России [Текст] / И. Сиземская, Л. Новикова // *Общественные науки и современность*. 1993. № 5. С. 132–133.

² Пустарников, В. Ф. Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX – начала XX в.: различия и сходства [Текст] / В. Ф. Пустарников // *Либеральный консерватизм: история и современность*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 27.

либерализма сначала к консервативному либерализму, а затем к либеральному консерватизму»¹.

Признавая право на существование подобной точки зрения, необходимо отметить, что она усложняет проблему изучения эволюции российского либерализма в начале XX столетия. Прежде всего, тем, что автор произвольно, без достаточной и убедительной аргументации, относит к представителям либерального консерватизма и русских либералов XIX в. (Кавелина, Чичерина и др.) и либералов XX в., например, П. Б. Струве, считавшего себя не только либералом, но и учеником Б. Н. Чичерина². Отказывается в принадлежности к либерализму и С. Л. Франку и Н. А. Бердяеву. При этом подчеркивается, что в пору, когда они разделяли идеи «легального марксизма», они были ближе к либерализму, чем во время, когда они стали либеральными консерваторами³.

П. Б. Струве полагал, что либеральный консерватизм «может означать прежде всего утверждение незыблемых прав лица, т.е. прикрепление идеи консервации или охранения, к этим правам». Корни этого явления он видел в XIX в., считая, что «Чичерин в своем духовно-общественном делании никогда не переставал неразрывно сочетать консерватизм и либерализм, являя в этом отношении самую законченную и яркую фигуру в истории духовного и политического развития России»⁴.

Российский либерализм начала двадцатого столетия Струве предпочитал именовать социальным. По его мнению, классический либерализм в России в конце XIX – начале XX веков трансформировался в социальный либерализм.

Струве задавался вопросом, имеющим методологическое значение в изучении либерализма: «Почему одни понятия и слова предаются отвержению и даже анафеме, а другие получают признание и даже возвеличение? Этого часто нельзя ни разумно обосновать, ни сколько-нибудь осмысленно объяснить. Ча-

---

¹ Пустарников, В. Ф. Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX – начала XX в.: различия и сходства [Текст] / В. Ф. Пустарников // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 27.

² Пустарников, В. Ф. Указ. соч. С. 18, 20, 21, 23, 27.

³ Там же. С. 24–25.

⁴ Струве, П. Б. О мерах и границах либерального консерватизма [Текст] / П. Б. Струве // Полис. 1994. № 3. С. 133–134.

сто это является плодом либо недомыслия, либо безыдейных страстей, действующих, однако, весьма заразительно. Полезно и даже необходимо разобратся понятиях и строго отнестись к словам, дабы не «брать в уплату» и не принимать за «вещи» пустые слова, звонкие, но легковесные речения»¹.

Он полагал, что определение либерализма как «социально-либеральный», «обозначает в своих отдельных проявлениях многообразную, но по существу **однозначную** социально-политическую установку. То, что называется **либерализмом**, имеет исторически – соответственно резко расходящимся смысловым наполнениям естественного права (в качестве противоположных полюсов могут быть здесь взяты, несмотря на их многочисленные соприкосновения, *Гоббс* и *Руссо*) – две душевно (психологически) и мыслительно (идеологически) различающихся модификации»².

П. Б. Струве утверждал, что либерализм, «переходящий философски в более или менее осознанный индивидуализм, может исходить из регулятивной идеи свободной конкуренции, как самодеятельного и в основе благоприятно действующего порядка, кульминирующего в отборе (выживании) наиболее пригодных. Это – натуралистический, биологически обоснованный либерализм-индивидуализм. Но либерализм может исходить из религиозно-метафизически подкрепленной или замкнутой на эмпирический гуманизм регулятивной идеи бесконечной (или исключительной) ценности отдельной человеческой личности. Тогда это – идеалистический (религиозный, метафизический, гуманистический) либерализм-индивидуализм. Лишь последний вид индивидуализма может стать философским основанием социального либерализма»³.

Струве считал, что социальный либерализм следует обозначить и определить как такую социально-политическую установку, которая, не превращая «социальный» момент в неизменную прочно установленную систему средств, подобно тому как это, по крайней мере в принципе, делает определенный про-

---

¹ Струве, П. Б. О мерах и границах либерального консерватизма [Текст] / П. Б. Струве // Полис. 1994. № 3. С. 131.

² Струве, П. Б. Социальный либерализм [Текст] / П. Б. Струве // Избранные сочинения. М., 1999. С. 412–413.

³ Струве, П. Б. Указ. соч. С. 414.

граммой социализм, совершенно свободно себя чувствует и ориентируется в выборе «социальных» средств как таковых, включая и средства государственного вмешательства в хозяйственную жизнь.

Социальный либерализм не против государственного вмешательства, с социальными отношениями, решением проблем собственности. Для него – вопросы выбора средств для достижения «достойного человеческого существования» всех членов общества, и только эта цель имеет ценность для социального либерализма во всем социальном мировоззрении и общественном порядке.

От программного социализма социальный либерализм, по Струве, отличается подчеркнутым утверждением самостоятельной ценности момента свободы, самоопределения личности во всем, в том числе и в хозяйственных делах. «Это постольку существенно, – подчеркивал П. Б. Струве, – поскольку всесторонняя и действительная «социализация» хозяйственной жизни, по крайней мере, в возможности, включает в себе опасность растворения свободной личности в коллективном «аппарате принуждения». В этом заключается не только разделительная линия между социализмом и социальным либерализмом, но и объективная возможность перехода первого во второй, а также субъективная опасность противоположного движения»¹.

Существуют и иные определения сущности российского либерализма начала XX в.²

Однако, единой, общепризнанной классификации российского либерализма начала двадцатого столетия не существует. Имеется множество причин, объясняющих сложившуюся ситуацию. Однако, на наш взгляд, главной среди них является та, что многие исследователи либерализма в России признают существование некоего образцового, эталонного либерализма, несоответствие или соответствие которому позволяет считать те или иные воззрения либеральными и наоборот, отказывать им в такой принадлежности. При этом забывается, что эталонного либерализма нет, и никогда не было, создавался он в разных стра-

---

¹ Струве П. Б. Указ соч. С. 415.

² См., например: Азаркин, Н. М. История юридической мысли России: Курс лекций. [Текст] / Н. М. Азаркин. М., 1999. С. 410–411, История политических и правовых учений. Учебник. М., 2000. С. 545–577.

нах и разное время, что же касается его содержания, то при наличии общих принципов, оно в каждой стране имело свои особенности.

Полагаем, что обозначенная проблема, выходящая за рамки нашего исследования, имеет серьезные научные перспективы, способствует изучению либерализма, как в России, так и в других странах. Однако в нашей работе мы придерживаемся традиционной классификации, сложившейся в отечественной историко-правовой науке и в отношении либерализма начала XX в используем определение «неолиберализм», не отрицая при этом научных результатов достигнутых в философских и политологических исследованиях¹.

По мнению И. Н. Сиземской и Л. И. Новиковой в России новый либерализм был «связан с именами П. Новгородцева, И. Покровского, Влад. Гессена, Л. Петражицкого, а позже – Б. Кистяковского и С. Гессена, продолживших разработку идей «правового социализма»².

Хотя неолибералы признавали базовые, основополагающие либеральные ценности (самоценность человеческой личности, ее права и свободы, идею правового государства, отрицание правового позитивизма и т.д.), они выдвинули ряд новых идей о необходимости расширения сферы деятельности государства, как важнейшем условии обеспечения права на достойное существование, о расширении границ человеческой свободы, которая трактовалась не как нечто, раз и навсегда данное, «одинаково отмеренное всем лицам» конкретными правами, перечисленными «навечно», а как «исторически подвижные возможности личного творчества»³.

Расширительно трактовалась и проблема политических прав. Считалось необходимым привлечение к законодательной деятельности широких слоев народа. Причем это обстоятельство рассматривалось как средство придания правового характера борьбе общественно-политических групп и как принци-

---

¹ См. об этом: История политических и правовых учений. М., 1997. С. 616.

² Сиземская, И. Новый либерализм в России [Текст] / И. Сиземская, Л. Новикова // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 135.

³ Там же. С. 136.

альное признание того, что никто сам по себе не является выразителем общей воли народа – последняя есть предмет общего искания¹.

С. И. Гессен указывал на следующие основные отличия классического либерализма от неолиберализма: 1) в толковании прав человека («права-притязания» по отношению к государству); 2) в понимании принципа равенства («равенство исходного пункта»); 3) в отношении к институту собственности (неприятие монопольной собственности)².

И. Н. Сиземская считает, что становление неолиберализма связано с разработкой его представителями учения о правах человека и функциях государства. Она полагает: «Права человека предполагают свободу, а действительная свобода, доказывали новые либералы, остается пустой фикцией без должных *экономических* гарантий со стороны государства. Поэтому принудительная функция правового государства выражает лишь «минимальное» требование к нему, ибо цель права не просто в том, чтобы общество существовало, а в том, чтобы оно существовало *достойным образом*. Обеспечение общественного существования есть «максимальное» требование к праву и соответственно главной функции правового государства. Высшее назначение права усматривалось в том, что оно есть норма, обеспечивающая не только свободу, но и социальную справедливость»³.

Утверждается, что в условиях нарастания мирового системного кризиса в начале XX в. «движение «нового либерализма» выступило в России с развернутой программой интеграции либеральных ценностей, ориентированных на права личности, с социально-демократическими ценностями, ориентированными на социальные гарантии права каждого на достойное существование»⁴.

Личность, ее права занимали важное место в эволюции правовой доктрины либералов. Ее онтологические основы активно разрабатывались

---

¹ Сиземская, И. Новый либерализм в России [Текст] / И. Сиземская, Л. Новикова // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 136.

² Там же. С. 137.

³ Сиземская, И. Н. «Новый либерализм»: учение о правах человека и государственной власти [Текст] / И. Н. Сиземская // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 211.

⁴ Новикова, Л. И. Три модели развития России [Текст] / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М., 2000. С. 158.

Н. А. Бердяевым, а правовые – П. И. Новгородцевым. При их непосредственном участии в программе партии конституционных демократов был сформулирован целый раздел о правах человека и их судебной защите¹.

Личность – в философских категориях – чистое качество. Она уникальна и ни к чему не сводима. Она есть абсолютная целостность и ценность потому, что ее невозможно ни с чем сравнить, при условии, что мы признаем в человеке духовное начало. С идеальной точки зрения у личности нет размеров, она также велика и неопределенна, как мир.

По мнению некоторых исследователей при разработке проблем личности русскими неолибералами выявились определенные проблемы. Так, например, Л. Г. Березовая, полагает, что российский либерализм, начал с того к чему западноевропейский либерализм пришел длительным историческим путем. «Русские либералы, – по Березовой, – и консервативного и радикального толка, начинали с того, чем закончил их европейский коллега – с поиска путей вхождения во власть. Власть, право, конституция – первые и главные боги русского либерализма. Едва народившись, русский либерализм произнес не слово «свобода», а слово «конституция»².

Она утверждает, что, увлекшись проблемами власти, русские либералы мало внимания уделяли проблеме личности, составляющей основу либеральной доктрины. «Думается, – считает Березовая, – что остался на периферии сам стержень либеральной идеи – свободная, граждански организованная личность. Западное общество формировалось, как самоорганизация личностей, добровольно объединившихся и связавших себя согласованными и закрепленными в законах «правилами игры». Параллельно с государственным аппаратом принуждения на социальной базе среднего слоя формировалось гражданское общество, со своими институтами, способами политического действия, механизмами диалога с властью и защитой от власти. Свободная личность –

---

¹ См. подробнее об этом: Аксенов, Г. П. Личность как основа либеральной идеи [Текст] / Г. П. Аксенов. // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 217.

² Березовая, Л. Г. Идея личности в русском либерализме: «камень веры» или «камень преткновения»? [Текст] / Л. Г. Березовая. // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 140.

понятие, неотделимое от понятия «гражданское общество». Одно без другого просто не существует. Но если западный человек – личностен, то русский человек индивидуален»¹.

Полагаем, что Л. Г. Березовая, в известном смысле, придерживается концепции П. Н. Милюкова, считавшего, что русская модель либерализма, в отличие от европейской, не имела необходимого времени для внутренней эволюции.

Милюков считал, что в Европе либерализм возник как политическая доктрина индивидуальной свободы, которая должна была заменить средневековые социальные привилегии классов и законы патриархального управления, основанные на произволе и насилии. В ходе эволюции европейский либерализм начинает признавать «идею вмешательства государства путем социального законодательства». Причины подобной эволюции состояли в том, что новые европейские либералы стремились «включить в свои границы новые поля социальной активности». Подобного естественного развития не происходит в тех странах, где «эволюция более молодая и менее спокойная». Здесь либералы не успевают «изменить или расшить свои идеи», в процессе быстрых изменений общественной жизни запаздывают с адекватными ответами на запросы времени. Это происходило в условиях возникновения новых социальных теорий. Либералы были отброшены на обочину общественной мысли со своим устаревшим теоретическим багажом. Исходя из этих соображений, Милюков считал, что в России либеральная доктрина не является достаточно социальной, а сам либерализм дискредитировал себя как классовая политика третьего сословия, как антидемократичная идеология².

При всей оригинальности подобной точки зрения, нам представляется, что она выражает субъективную точку зрения. С одной стороны имеется явное преувеличение «достижений» в области защиты прав личности и развития либеральной теории и социальной практики западной цивилизацией, а с другой –

---

¹ Березовая, Л. Г. Идея личности в русском либерализме: «камень веры» или «камень преткновения»? [Текст] / Л. Г. Березовая. // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 140.

² См. подробнее об этом: Нарезный, А. И. П. Н. Милюков об истоках либерализма в России [Текст] / А. И. Нарезный. // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 244.

явная недооценка как достижений отечественной либеральной мысли, ее теоретического и политического воздействия на проблему прав человека в стране.

Так, например, М. М. Ковалевский, обосновывая свою точку зрения на проблему взаимоотношений конституционного государства и прав человека, подчеркивал, что «она не допускает противоречия между государством и правом и видит в первом исполнителя требований последнего». Он считал: «Государство не может поэтому, в интересах самосохранения, упразднить личные права, так признание их является таким же требованием общественной солидарности, как установление самого факта государственного общежития. С другой стороны, признание общего источника и права, и государства, их тесного взаимоотношения делают совершенно праздными рассуждения о каких-то прирожденных людям правах, которыми они пользовались якобы в каком-то естественном состоянии и от которых они отказались только наполовину при создании государства»¹.

Известно, что Ковалевский отстаивал свою точку зрения не только в теоретических работах, но и пропагандировал ее с университетской кафедры. В частности, свою идею о конституционной, «народной» монархии (конституционализм, дополненный реформаторством). По мысли Ковалевского, такая монархия, должна стать верховным арбитром между классами и защищать интересы народных масс путем решительного вмешательства государства в экономическую и социальную сферы².

Появление неолиберализма выявило тенденцию трансформации классического либерализма, в значительной степени имевшего теоретический, в известном смысле абстрактный характер в практическую плоскость, его стремление к актуализации и социализации, постепенному превращению в либеральную программу политических действий.

Существенным являлось выдвигание идеи о взаимных правах и обязанностях между индивидом и государством. Утверждалось, что каждый имеет

---

¹ Ковалевский, М. М. Учение о личных правах [Текст] / М. М. Ковалевский. // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 169–170.

² См. подробнее об этом: Хайлова, Н. Б. Максим Максимович Ковалевский [Текст] / Н. Б. Хайлова // Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 362.

право требовать от государства минимум социальных благ: получения образования, помощи в старости, болезни, при массовой безработице. Государство должно системой «положительных действий» гарантировать реализацию этого права. И не только на уровне общества в целом, но и на уровне конкретной личности, учитывая особенности ее индивидуального бытия. Иными словами, право, абстрактное по форме, должно быть «личностным» в своем осуществлении в системе правовых отношений. Главным из «прав-притязаний» признавалось право на достойное человеческое существование, причем обеспечение этого права рассматривалось не как благотворительность, а как обязанность государства¹.

В. М. Гессен утверждал, что «без наличности системы правовых гарантий, обеспечивающих неприкосновенность публичных прав, нет и не может быть правового государства». По его убеждению, «для того, чтобы государство могло быть признано вполне и безусловно правовым, необходима не только конституционная, но и административная реформа. Необходимо такое административное законодательство, которое бы сводило к возможному *minimum*'у дискреционный характер полномочий правительственной власти; такое законодательство, которое, налагая на власть обязанности, предоставляло бы гражданам соответствующие этим обязанностям субъективные публичные права»².

По мнению Д. Н. Шипова, одного из политических лидеров русского либерализма: «Государственный строй и установленный в нем правопорядок должны исходить из признания равенства всех людей и обеспечения каждой личности полной свободы в своем духовном развитии, и в своих действиях не причиняющих ущерба не производящих насилия к своим ближним в христианском значении этого слова»³.

---

¹ См. подробнее об этом: Сиземская, И. Н. «Новый либерализм»: учение о правах человека и государственной власти [Текст] / И. Н. Сиземская // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 212.

² Цит. по: Хрестоматия по истории политических и правовых учений России (XIX – начало XX вв.). Уфа, 1993. С. 241.

³ Цит. по: Шелохаев, С. В. Теоретические представления русских либералов-консерваторов начала XX века (Дмитрий Николаевич Шипов) [Текст] / С. В. Шелохаев. // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 320.

Известный русский правовед, либерал С. А. Котляревский в 1905 г. писал: «Надо сознаться, что если существующее в разных странах Западной Европы социальное законодательство далеко не дает всего, что обещают обыкновенно перед выборами депутаты, то дает весьма многое: нормальный рабочий день, страхование от несчастий, пенсии престарелым, охрану рабочего труда, заботу о поддержании мелких землевладельцев-крестьян, защиту арендаторов от собственников, – все это стало и признано нормальными обязанностями государственной власти, и если последняя запаздывает с ними, она быстро встречается с проявлениями опасного недовольства. Никакая партия, никакая группа не могут обеспечить себе жизнеспособности, если они не считаются в достаточной мере с интересами масс»¹.

Неолибералы утверждали, что в начале XX века ситуация коренным образом изменилась, право стало связываться ими с категорией справедливости, оценивалось с точки зрения морали.

С. А. Котляревский в 1915 г. утверждал: «Власть должна быть ограничена правом во имя справедливости; справедливость должна быть восполнена деятельной благожелательностью, которая в известном смысле есть высшая справедливость, вытекающая из достоинства человеческой личности и из сознания космического и морального единства»².

Предлагалось рассматривать право в рамках общей философии человека и философии ценностей, что ограждало правовую культуру от чрезмерной политизации. Пропагандировалось и распространялось убеждение, что верховенство права может существовать и без полной политической свободы, а не наоборот. «Самый деспотизм, – утверждал С. А. Котляревский, – старается получить санкцию от суверенной демократии, и в борьбе партий решается вопрос,

---

¹ Котляревский, С. А. Предпосылки демократии [Текст] / С. А. Котляревский // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 216–217.

² Цит. по: Сиземская, И. Н. «Новый либерализм»: учение о правах человека и государственной власти [Текст] / И. Н. Сиземская // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 212.

кому принадлежит полное и неискаженное истолкование воли народа-суверена»¹.

Власть, государство, считали либералы, в своей деятельности должны руководствоваться принципами христианской этики, стремиться улучшить общественную жизнь ради всех своих членов. Политика и общественное хозяйство должны направляться государством к тому, чтобы объединять людей, а не разъединять их. Для этого, утверждал Д. Н. Шипов, необходимо, чтобы «вся деятельность государства воспитывала в своих гражданах сознание идей долга и противодействовала силой своего морального авторитета стремлению людей к отстаиванию и противопоставлению своих личных или классовых интересов». Государство должно вести народ к тому, чтобы он стремился к нравственному совершенствованию. «Идея единения людей должна служить главным основанием государственного строя и политики государства»².

В основе государственного устройства считали либералы, должно лежать два исходных принципа: принцип права и принцип власти. При обосновании этих принципов подчеркивалось, что нравственная природа человека несовершенна, он своим поведением может нарушать интересы других людей или общества в целом. Поэтому государству необходимо оградить общество от проявления злой воли людей. При этом предполагалось, что правовые нормы, устанавливаемые государством, будут изменяться, соответствовать росту общественного сознания, находиться «в соответствии с выясняющимися требованиями высшей правды и справедливости», будут содействовать «дальнейшему воспитанию духа личности и справедливости»³.

Предпринимались попытки осмыслить причины негативного отношения самодержавной власти к проблеме народовластия. «Провозглашение идеи народовластия и стремление осуществить ее в государственном строе, – писал Д. Н. Шипов, – невольно выдвигают на первый план значение личных прав

---

¹ Котляревский, С. А. Предпосылки демократии. С. 221.

² Шелохаев, С. В. Теоретические представления русских либералов-консерваторов начала XX века (Дмитрий Николаевич Шипов) [Текст] / С. В. Шелохаев. // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 320.

³ См., например: Шелохаев С. В. Указ. соч. С. 320.

граждан и заглушают или отодвигают на второй план сознание нравственного долга и обязанностей, лежащих на них как на людях. Принцип народоправства полагает в основу государственного строя личную волю, личные права граждан, тогда как необходимое условие государственной жизни должно заключаться в подчинении личной воли иным, высшим качествам. Идея народовластия как бы призывает всех граждан к отстаиванию своих прав, поселяет в них переоценку значения личных и классовых интересов и тем неизбежно влечет людей на путь социальной и политической борьбы»¹.

Новые либералы были убеждены, что в новых условиях права человека не только соотносятся с его свободой, но и составляют ее содержание.

Котляревский, разъясняя важность прав человека для его политической свободы, полагал: «Изменились формы и изменились идеи: возрождающееся учение о естественном праве дает философское обоснование декларациям, и принципиальное отрицание свободы совести и слова, союзов и собраний представляется каким-то нарушением политического приличия»².

Ему позднее вторил С. И. Гессен: «Свобода не есть ... чисто отрицательное состояние индивида, только запрещающее по отношению к нему определенные поступки, но также и положительное состояние, предписывающее со стороны других определенные акты»³.

«Идея «права-притязания», – полагает И. Н. Сиземская, – таким образом, наполняла свободу конструктивным смыслом. Свобода вместе с негативным содержанием (свобода «от») приобретала *status positiv*. Понимание ее в качестве равной и одинаковой для всех возможности произвольного действия заменялось пониманием ее как свободы самореализации человека. И в качестве таковой она представала не как нечто, раз навсегда данное, «одинаково отмеренное всем лицам» конкретными правами, перечисленными «навечно», а как «ис-

---

¹ Цит. по: Указ. соч. С. 321.

² Котляревский С. С. Указ. соч. С. 223.

³ Цит. по: Сиземская, И. Н. «Новый либерализм»: учение о правах человека и государственной власти [Текст] / И. Н. Сиземская // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 212.

торически подвижные возможности личного творчества», могущие расширяться и сужаться, расти и вырождаться»¹.

В новых условиях либералы стали выдвигать идею о трансформации абсолютизма в правовое государство. При этом задачи правового государства далеко выходили за рамки существующего в России.

По убеждению либералов, правовое государство обязано не только обеспечить равенство всех перед законом, но и создать гарантии для социального равенства. Провозглашалась идея: «Раздавленный беспощадными внешними силами раб должен постепенно обратиться в человека – таков нравственный смысл истории, которого не должен затмить блеск аристократических цивилизаций. Всякая декларация прав, устанавливая принципы человеческой свободы, должна устанавливать их для всех»².

Правовое государство, таким образом, провозглашенное в качестве общественного идеала, должно было обеспечить своим гражданам социальные гарантии свободы³.

В начале XX в. русский либерализм под воздействием изменений в мире и России вынужден был обратиться к социальным проблемам. Составляющая часть его доктрины была неразрывно связана с изменением представлений о правовом государстве. По их мнению, государство должно взять на себя задачу по регламентации экономики с тем, чтобы подчинить ее, хотя бы опосредованно, целям социальной справедливости, а также обеспечить фактическое равенство различных между собою личностей.

Социализация либеральных воззрений потребовала по-новому обосновать сущность и задачи государственной власти. Главной особенностью последней, утверждали неолибералы, является ее абстрактность, безличность в том смысле, что для лиц, обладающих властью, она является не их субъективным правом, а правовой обязанностью, которую они должны нести как «общественное служение». Это и придает власти правовой характер, делает ее подзаконной.

---

¹ Сиземская И. Н. Указ. соч. С. 212–213.

² Котляревский С. С. Указ. соч. С. 218.

³ См.: Там же. С. 226.

Другая, не менее важная особенность власти, состоит в том, что в правовом государстве она всегда выступает носителем какой-нибудь «одухотворяющей идеи», т.е. должна иметь нравственное оправдание. При этом власть должна взять на себя задачу воспитания народа, понятия его нравственного уровня¹.

Оправдание власти, ее стремление к общественному идеалу, могло основываться на стремлении к величию страны, заботе о росте благополучия народа, упрочении правового порядка, повышении роли государства в регламентации общественных процессов и т.п. Мотивация власти высокими целями должна одухотворять ее и тем самым предотвращать ее гибель. Предполагалось, что идея «одухотворенности» власти должна приниматься и самой властью и стать частью обыденного общественного сознания, быть реализованной в поведении людей, в деятельности отдельных групп, во внешней и внутренней политике государства в целом.

Большое значение придавалось также обоснованию правомерности государственной власти, а также проводилась мысль о том, что «развитие государственных форм с неизменной и неотвратимой закономерностью приводит к демократии»². Утверждалось, что только при наличии этого условия станет возможным переход от демократии политической к ее высшему типу – демократии общественной и соответственно к либеральному, правовому государству. Ибо для последнего недостаточно «одно механическое повиновение граждан государственному закону; от них требуется большее, чем соблюдение закона, большее, чем согласование с нормами права, требуется такая степень солидарности и подчинения своих интересов общему благу, которая не может охватываться никакой правовой нормой»³.

Власть в таком правовом государстве, по мнению неолибералов, должна быть способной к компромиссам, проявлять терпимость к плюрализму мнений в обществе. «Задача всякого акта государственной власти и заключается в том, – подчеркивал С. И. Гессен, – чтобы *создавать* общую волю, искать ее путем

---

¹ См., например: Новгородцев П. И. Об общественном идеале [Текст] / П. И. Новгородцев. М., 1991. С. 549.

² Новгородцев П. И. Демократия на распутьи // Об общественном идеале. М., 1991. С. 540.

³ Котляревский С. С. Указ. соч. С. 231.

непрерывного сглаживания интересов, путем отказа определенных общественных групп от одностороннего господства в обществе их интересов, исключая все другие»¹.

Общая воля иррациональна как результат, но она реальна и конкретна как задача политического действия. Поэтому неолибералы формулировали свою новую программу политических действий: расширение избирательных прав, защита прав меньшинства, которое не может быть подавлено большинством, сглаживание классовых противоречий путем широкого обращения к компромиссам. Поскольку «общая воля – это всегда не «готовый факт», а скорее «задание», то ни одна общественная группа не может узурпировать ее. Отсюда вытекало признание множественности партий, выражающих интересы различных групп, и вместе с тем необходимости правового ограничения их деятельности со стороны государства с целью недопущения диктатуры одной из них.

«Если демократия, – писал П. И. Новгородцев, – открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, то необходимо, чтобы эти силы подчиняли себя некоторому высшему обязывающему их началу. Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приходит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни»².

Власть в правовом государстве должна быть организована так, чтобы и отдельная личность и народ могли быть как объектом, так и субъектом власти. Деспотичным может быть и государство, построенное на принципе народовластия, а деспотизм народа бывает ужаснее деспотизма отдельного лица. Поэтому принцип правового государства предполагает не «самодержавие народа», а суверенитет, т.е. верховенство народа, который не требует во имя «общего дела» принесения в жертву интересов отдельной личности. Поэтому демократия, полагали неолибералы, невозможна без соответствующего воспитания народа, без подъема уровня его нравственности и правовой культуры.

---

¹ Цит. по: Сиземская, И. Н. «Новый либерализм»: учение о правах человека и государственной власти [Текст] / И. Н. Сиземская // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 212.

² Новгородцев П. И. Демократия на распутье. С. 548.

Правовое государство должно и может гарантировать от деспотизма одного лица, партии, класса или даже самодержавия народа. Демократия понималась как выражение релятивизма, как запрет любому считать себя выразителем абсолютной истины, как признание за каждым права на ее искание. Это толкование имело вместе с плюсами свои минусы. Демократия, готовая допустить всякую политическую возможность, всякую хозяйственную систему, лишь бы это не нарушало начала свободы, всегда есть, по П. И. Новгородцеву, «распутье». А это при длительности подобного состояния может создавать социальную усталость, ослаблять, образно говоря, бдительность народа и провоцировать всплески анархических или, напротив, авторитарных настроений и ожиданий. Вот почему среди народов, живущих под властью демократии, могут обнаруживаться стремления выйти на какой-то один жесткий путь, о чем правящей элите не следует забывать, считали неолибералы.

Итак, в начале XX в. либерально-правовая доктрина российского либерализма претерпела определенную эволюцию. Основные направления и содержание изменений были во многом продиктованы изменившейся обстановкой в стране. Произошла социализация доктрины, что дало повод классифицировать ее как социально-либеральную или неолиберальную. Убедившись в невозможности реформировать абсолютизм мирным, эволюционным путем, российские либералы в качестве основной, как им казалось вполне достижимой задачи, выдвинули идею о личных правах. Разработка ее в новых условиях наполнилась новым содержанием, привела к конкретизации.

В начале XX в. естественно-правовая доктрина вновь составляла теоретическую основу, фундамент российского либерализма¹. Обращение к проблеме личных прав с уклоном к их политической составляющей, потребовало от российских либералов пересмотреть свои взгляды на проблему свободы и правового государства. Они были убеждены, что правовое государство должно базироваться на принципе права и принципе власти, которые должны обеспечить законные интересы всех людей. Большое значение у неолибералов приобретали

---

¹ См. об этом: История политических и правовых учений. М., 1997. С. 465.

нравственные принципы оправдания государственной власти. Они полагали, что правовое государство не может быть безнравственным. Эволюция политико-правовой доктрины способствовала не только ее социализации, но и политизации. Многие ее положения вошли в программы либеральных партий, созданных в России в начале XX в.

§ 2. Содержание российской либерально-правовой мысли в начале XX века

В начале XX века политико-правовые идеи русских либералов претерпели существенные изменения. Что не замедлило сказаться и на их организационной структуре. Вполне отчетливо в либеральном движении оформилось три течения.

Правое (консервативное), которое возглавил видный земский деятель Д. И. Шипов. Центр, ассоциировавшийся с «Союзом земцев-конституционалистов», и, наконец, левое крыло движения – «Союз освобождения»¹. Внутри либерального движения, особенно в начале XX века шла постоянная борьба за лидерство, за влияние на общественное мнение, за расширение социальной базы, остававшееся достаточно узкой и специфичной².

Следует заметить, что разделение неолибералов на традиционные, присущие всякому общественному движению, направления, имеет достаточно условный характер. При этом, как правило, не учитывается специфика и особенности развития либерального движения в России в начале XX в. Игнорируется главное – в России началась после революции 1905 г. политическая жизнь и неолибералы принимали в ней активное участие. Это обстоятельство существенно повлияло на содержание либерально-правовой доктрины либерализма и повлияло на особенности ее формирования в начале двадцатого столетия.

---

¹ См. подробнее об этом: Русские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 3–11.

² См.: Там же. С. 8.

Во-первых, неолиберальное движение объединяло в своих рядах не только правоведов, но и представителей различных общественных движений. При этом зачастую именно сторонники «практического» либерализма, политики выдвигали идеи, связанные с необходимостью корректировки, развития и уточнения либеральной доктрины. Так, например, активный участник либерального движения, член «Союза Освобождения», философ С. Л. Франк, который опубликовал в 1906 г. в журнале «Полярная звезда» «Проект Декларации прав». Цель Декларации, по мнению ее автора, состояла в том, что она «формулировала бы основные принципы политической жизни, имеющие морально-правовое значение и потому могущие претендовать на значение вечных и нерушимых норм». К числу таких принципов Франк относил неприкосновенность человеческой личности, недопустимость смертной казни, строгое ограничение вооруженных репрессий, право на отказ от военной службы по религиозным мотивам. Декларация открывалась положением: «Государственная власть действует в интересах общего блага и ограничена в своем верховенстве вечными и неотъемлемыми правами российских граждан. Эти права суть гражданское равенство и личная свобода»¹. Идеи, содержащиеся в Декларации, позднее обсуждались на заседаниях Думы, были положены в основу законопроектов партии кадетов².

Во-вторых, создание общественных, а затем и политических организаций поставили перед либералами множество новых задач, требующих теоретического осмысления и правового обоснования.

Первый председатель первой Государственной думы С. А. Муромцев, крупный специалист в области гражданского права, во время своей политической деятельности должен был заниматься проблемами государственного, конституционного права³. При его участии был разработан проект Основных законов, Наказ Государственной думы, регламент ее работы.

---

¹ См. об этом: Левина, М. И. Первая российская декларация прав и свобод: мечты и реальность. (Историко-правовой аспект) [Текст] / М. И. Левина // Государство и право. 1995. № 11. С. 139–140.

² См., например: Законодательные предложения Партии народной свободы // Русский конституционализм в период думской монархии: Сб. документов. М., 2003. С. 449–460.

³ Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910), правовед, специалист в области гражданского права, политический и государственный деятель. Основные научные труды: «Очерки общей теории гражданского права» (1877), «Определение и основное разделение права» (1879), «Что такое догма права?» (1885), «основы гражданского общества. Человек и общество» (1908) и др.

Главной целью «Основного закона» Муромцева была подготовка условий формирования правового государства в рамках существующего законодательства. Понимая трудности его создания в России, он рассматривал конституционную монархию в качестве политического идеала, а ближайшей задачей считал изменение общественных взглядов на эту форму правления, стремился, по его выражению «врубить в представления русского общества надлежащий образ российской конституции»¹.

Избранный председателем Думы главной своей задачей Муромцев считал, «творчество обычного парламентского права, создание той процедуры и нравов, которые явились бы непроницаемой броней парламентской свободы». Его взгляды на существо парламентской деятельности в России были изложены в речи при открытии Думы 27 апреля 1906 г.: «Совершается великое дело, воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду... Пусть эта работа совершится на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного Монарха и на почве совершенного осуществления прав Государственной думы, истекающих из самой природы народного представительства»².

Несмотря на краткость существования первой Думы (всего 72 дня – И.А.), С. А. Муромцев успел прочно установить порядок и процедуру ее заседаний и работы. В ходе, прежде всего, политической деятельности Муромцева, современники осознали его вклад в развитие либерально-правовой доктрины, особенно в части ее конституционных представлений.

По авторитетному мнению А. Н. Медушевского, которое мы разделяем: «Русская либеральная традиция обязана Муромцеву во многих отношениях. Он был ее теоретиком и реформатором, связующим звеном между классической западной либеральной мыслью и русской демократической интеллигенцией,

---

¹ См.: Медушевский, А.Н. Сергей Андреевич Муромцев [Текст] / А. Н. Медушевский. // Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 285, 289.

² Там же. С. 304–305.

между поколением эпохи Великих реформ 60-х годов XIX в., земского либерализма 80–90-х годов и, наконец, конституционного движения начала XX в. Он не только создал целостную концепцию гражданского общества и правового государства в России, но и практически реализовал ее во всех основных сферах деятельности: земском движении, организации местного самоуправления, суде, адвокатуре, высшем образовании... Он заложил основы правового государства в России, значение которых, возможно, еще не в полной мере оценено даже сейчас»¹.

В-третьих, создание партий, выборы в Государственную думу, потребовали от неолибералов четкого и внятного разъяснения своих теоретических и программных целей. В связи с этим большое значение стала приобретать публичная деятельность представителей неолиберализма. Политическая публицистика, выступления на заседаниях Думы стали заменять кабинетные занятия по развитию либеральной теории. В этом смысле наиболее характерной является деятельность П. Н. Милюкова, который занимался политической публицистикой на протяжении всей своей жизни². Являясь депутатом III–IV Государственных дум, Милюков неоднократно выступал с разъяснением своей и партийной позиции по проблемам конституционного устройства страны. Так, на заседании III-й Думы 13 ноября 1907 г. он утверждал, оценивая последствия Манифеста 17 октября 1905 г.: «... наш политический строй не есть обновленный, а новый строй, при котором не только Государственная дума и монарх, являются органами государственной власти, но граждане, избирательный корпус сделан органом государственной власти»³.

Вместе с тем, необходимо признать, что, являясь лидером либеральной партии, Милюков, тем не менее, считал возможным пересмотр базовых принципов российской либеральной доктрины, таких как принципиальный отказ от революционного преобразования общественного устройства. Он был убежден и

---

¹ Медушевский, А. Н. Указ. соч. С. 312–313.

² См. подробнее об этом: Макушин, А. В. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904) [Текст] / А. В. Макушин, П. А. Трибунский. Рязань, 2001. С. 132, 136, 137.

³ Милюков, П. Н. Речь по вопросу об адресе в заседании 13 ноября 1907 г. [Текст] / П. Н. Милюков // Русский конституционализм в период думской монархии: Сб. документов. М., 2003. С. 55.

публично в этом признавался, что «революционером может стать при известных обстоятельствах и либерал», а социалист «эволюционистом». Утверждал, что отрицание революционных методов достижения либеральных идеалов характерно «для старого либерализма: термин, который в Европе, после достижения первоначальной либеральной программы, осуществленной во всех цивилизованных государствах, давно потерял свой первоначальный смысл»¹.

Позиция Милюкова, пронизанная политической целесообразностью, оказывала глубокое воздействие на стратегию и тактику партии кадетов, а его отношение к радикальным методам общественного реформирования, позволяют усомниться в его принадлежности к неолибералам.

В-четвертых, политическая деятельность, в которую оказались втянутыми большинство неолибералов, вынуждала их, сообразуясь с партийными интересами и насущными запросами жизни, перемещаться в обозначенных границах политической градации, заставляя быть и правыми, и левыми и находиться в центре или же, в зависимости от политической ситуации, принадлежать одновременно ко всем направлениям внутри либерального движения. С этой точки зрения эталонной можно считать политическую деятельность В. А. Маклакова². Он постоянно находился в оппозиции партийным решениям, вполне справедливо считал лидера кадетов П. Н. Милюкова чрезмерно левым, был готов к сотрудничеству с крайне правыми и в то же время признавал: «... вся наша беда в том, что у нас не было того, что называется либералами. Либерализм самая государственная, отнюдь не революционная доктрина; все либеральные европейские деятели по существу являются и патриотами и охранителями государственного порядка ... таких либералов у нас вовсе нет...»³.

Взгляды В. А. Маклакова, одного из лидеров партии кадетов, не всегда воспринимались в партийной среде, его думская деятельность и политические взгляды зачастую подвергались критике, но именно он выражал и в достаточно

---

¹ См.: Будницкий, О. В. Маклаков и Милюков: два взгляда на российский либерализм [Текст] / О. В. Будницкий // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 421.

² Будницкий, О. В. Василий Алексеевич Маклаков [Текст] / О. В. Будницкий // Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 492–529.

³ Будницкий, О. В. Маклаков и Милюков: два взгляда на российский либерализм [Текст] / О. В. Будницкий // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 421.

полной мере правовое и политическое содержание неолиберализма, в части его отношения к власти, государству и правам личности.

В связи с этими обстоятельствами, понимая условный характер разделения неолибералов на политические направления, следует признать, что, несмотря на существовавшие разногласия, российское либеральное движение имело определенные, незыблемые программные пункты, которые их объединяли, препятствовали распаду на мелкие кружки, группы. К таким базовым принципам относились: признание, как в теории, так и на практике приоритетности эволюционного пути общественного развития; отрицание насильственных (революционных) экспериментов по социальному переустройству; высшую по отношению к государству ценность личности человека.

В начале XX века выявилась тенденция, которая, с одной стороны, противоречила традиционной российской либеральной доктрине, а, с другой, наметила признаки будущего раскола российских либералов.

В левом, радикальном крыле либералов зародилась идея о возможности, допустимости революции. Они разделяли понятие «революция» на социальную и политическую. Первую левые категорически отрицали, а вторую считали допустимой при определенных обстоятельствах. «Политическая революция, – тонко подметили Б. С. Итенберг и В. В. Шелохаев, – по мнению либералов нового типа, правомерна тогда и постольку, когда и поскольку она берет на себя решение объективно назревших исторических задач, которые в силу тех или иных причин не в состоянии решить существующая власть. При таком подходе политическая революция представлялась в качестве следствия «неразумной» политики правительства, его неспособности провести необходимые политические реформы»¹.

Эти новации в либеральной доктрине на практике означали, что российские либералы, при необходимости, сами возьмут на себя ответственность в определении степени готовности правительства к назревшим реформам, а при

---

¹ См.: Будницкий, О. В. Маклаков и Милоков: два взгляда на российский либерализм [Текст] / О. В. Будницкий // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 9.

необходимости вмешаются в объективные общественные процессы. Признание революции политической означало одновременно и принятие революции социальной, что и произошло в 1917 г. Кроме того, попытки подправить, модифицировать либеральную доктрину вели к постепенному отказу от теории русского классического либерализма, ее основополагающих принципов разработанных либералами XIX в. Прежде всего, от чичеринской идеи конституционной монархии и эволюционного развития общества.

Взгляды Чичерина на перспективы создания в России конституционной монархии, на проблему правового равенства подданных империи, его принципиальный отказ от революционных, насильственных методов социально-политических преобразований, беспощадная и аргументированная критика социализма, его убеждение в том, что «цель государства состоит не только в ограждении личной свободы и в развитии частного благоденствия, но, прежде всего, в установлении такого порядка, где личная свобода и частное благо являются составными элементами, подчиняясь высшим началам, без которых невозможно и разумное счастье человека»¹, подвергались резкой критике и современников, и потомков².

На это обстоятельство обращал внимание Т. Г. Масарик, считавший что неолибералы (по его терминологии «дети» – И.А.) «рассматривали своих «отцов» (представителей классического либерализма – И.А.) как тех, кто принадлежит к категории лишних людей»³.

В начале нового века выявилась опасная тенденция не осознанная, не вполне замеченная неолибералами. Она состояла в том, что отказ от принципов классического либерализма в теории, ведет к радикальному пересмотру политических установок в политической практике, к размыванию границ между либерализмом и радикальными политическими учениями, социалистического характера. К сожалению, эта тенденция была осознана далеко не всеми предста-

---

¹ Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки. Часть 1. [Текст] / Б. Н. Чичерин // История русской правовой мысли. Биографии, документы, публикации. М., 1998. С. 43.

² Более подробно об этом см.: Зорькин, В. Д. Из истории буржуазно-либеральной мысли России второй половины XIX – начала XX в. (Б. Н. Чичерин) [Текст] / В. Д. Зорькин. М., 1975. С. 166–171.

³ См.: Масарик, Т. Г. Либерализм (Из книги «Россия и Европа») [Текст] / Т. Г. Масарик // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 214.

вителями российского либерализма и понимание ее опасности пришло слишком поздно. Так, уже в эмиграции, П. И. Новгородцев с горечью констатировал: «Свобода в государстве утверждается на почве законного порядка, охраняемого властью. Эту мысль об органической связи политической свободы с твердостью закона и власти в свое время тщетно пытался привить русскому сознанию Б. Н. Чичерин. Политическое мировоззрение русской интеллигенции сложилось не под влиянием государственного либерализма Чичерина, а под воздействием народнического анархизма Бакунина»¹.

Он считал и вполне справедливо, что анархистские идеи, антигосударственные по своей сути, были присущи таким российским либералам как А.Ф. Керенский, князь Г.Е. Львов и др.² В результате получения политической власти, а затем и ее утраты, русские либералы способствовали утверждению коммунистической диктатуры. Поэтому после революции перед ними возникла новая, более сложная задача: «Когда русские демократические партии писали в старое время свои программы, они имели своей целью сделать Россию из несвободной страны свободной. Теперь перед всеми русскими людьми стоит задача неизмеримо более тяжкая и настоятельная – сделать родину нашу из умирающей – живую»³. Новгородцев полагал, что в новых условиях необходимо пересмотреть базовые принципы либерализма, прежде всего политические, и стремиться к созданию не народовластия, демократии, а к агиократии, власти святынь⁴.

Формирование нравственных основ политического сознания, подготовка к обладанию и распоряжению властью не только теоретиков либерализма, но и населения страны, о чем в свое время неоднократно предупреждал Б. Н. Чичерин, осталась вне поля зрения неолибералов. Это обстоятельство дало право С. Л. Франку утверждать: «В русском ... либерализме вера в ценность духовных начал нации, государства, права и свободы остается философски не уясненной

---

¹ Новгородцев, П. И. Об общественном идеале [Текст] / П. И. Новгородцев. М., 1991. С. 566.

² Новгородцев, П. И. Восстановление святынь (Посвящается памяти В. Д. Набокова) [Текст] / П. И. Новгородцев. М., 1991. С. 566.

³ См.: Там же. С. 570.

⁴ Там же. С. 579.

и религиозно не вдохновленной. Давно ли вообще идеи родины, государства, порядка открылись русскому либеральному общественному сознанию, как *положительные* идеи? Для большинства – едва ли не ранее начала этой войны (Первой мировой – И.А.) ... Но от такого непосредственного, грубо эмпирического по ощущениям ценности этих начал еще далеко до разумного понимания их значения и еще дальше – до живого духовного усмотрения их первичного, основополагающего смысла в общественной жизни»¹.

В конечном счете, незрелость русских неолибералов, отсутствие у них живого нравственного опыта «в отношении ряда основных положительных начал государственной жизни», непонимание ответственности всякой власти и ее зависимости от «от духовного и культурного уровня общества и, следовательно, ответственности общества за свою власть», а также вера в возможность при помощи внешних реформ и «простого освобождения народа от внешнего гнета власти», без перевоспитания общества к новой жизни стали основной причиной краха либеральной идеи в России².

Существовала и другая, скрытая, тенденция, свидетельствовавшая о слабости неолиберализма. Она заключалась в том, что в силу узости, ограниченности социальной базы, право на развитие либеральных идей негласно перешло к вузовской элите, в основном, правоведам. Однако, многие российские юристы, по праву относимые к либеральному лагерю, пытались сформулировать новую либеральную доктрину, опираясь на достижения европейской правовой мысли. При этом распространение их идей ограничивалось студенческими аудиториями, а новизна содержания определялась модными европейскими концепциями, зачастую не учитывающими российской действительности.

В связи с этим место теоретического неолиберализма стал стремительно занимать неолиберализм политический, практический, также заимствованный в Европе. Политические деятели, в число которых постепенно вошли и правоведаы, стали основными поставщиками новолиберальных идей. Именно они спо-

---

¹ Франк, С. Л. De profundis [Текст] / С. Л. Франк // Из глубины: сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 260.

² См.: Там же. С. 261.

собствовали и организационному и политическому размежеванию внутри либерального лагеря, попыткам реализации своих воззрений в политической жизни страны. Создалась ситуация, когда либеральная теория существовала вне связи с политической практикой, когда из сложного и многообразного либерального учения изымалось только то, что могло, как казалось, принести немедленный успех. Кроме того, базовые принципы российского классического либерализма, например, идея об эволюционном развитии общества, признавались устаревшими, не соответствующими новому времени и новым социальным задачам.

Следует также признать, что в начале века никто из либералов не верил в возможность революции в России. Например, Чичерин незадолго до ее начала, писал: «... нельзя ожидать и каких-либо серьезных революционных движений в России. Почвы для революции у нас нет, ибо преобразования Александра II совершили у нас те перемены в гражданском и общественном строе, которые вызывались потребностями жизни. Теперь остается завершить их преобразованиями политическими, но для такого шага в русском обществе нет достаточной внутренней энергии»¹. Сохранялась вера в незыблемость самодержавной власти. Отсюда ослабление внимания к проблемам государственного переустройства и возрастание интереса к тому, что можно было изменить и при существующем порядке вещей, например, гражданским и политическим правам, личности как таковой.

Существенный вклад в развитие либерально-правовой мысли, в том числе ее неотъемлемой части – теории о правах человека, внесли такие правоведы, как М. М. Ковалевский, П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, Е. Н. Трубецкой, В. М. Гессен, Ю. С. Гамбаров, П. Г. Виноградов и др.

М. М. Ковалевский в ряде своих фундаментальных трудов, посвященных исследованию демократии, выдвинул несколько плодотворных идей о необхо-

---

¹ Чичерин, Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия [Текст] / Б. Н. Чичерин. // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 572.

димости дополнения личных прав, провозглашенных французской Декларацией 1789 г., политическими и экономическими, в частности правом на труд¹.

В работе «Учение о личных правах» (1905) Ковалевский в противовес доктринам юридического позитивизма и естественного права выдвигает свою концепцию «человеческой солидарности». Суть которой состоит в том, что государство не может «в интересах самосохранения, упразднить личные права, так как признание их является таким же требованием общественной солидарности, как установление самого факта государственного общежития»². Поэтому, считал он, «признание общего источника и права, и государства, их тесного взаимоотношения делает совершенно праздными рассуждения о каких-то прирожденных людям правах, которыми они пользовались якобы в каком-то естественном состоянии и от которых они отказались только наполовину при создании государства»³. Так же, как и Б. Н. Чичерин, Ковалевский считал, что личные права может гарантировать только суд, который может призвать к ответственности «всякого, кто бы он ни был, причиняющего вред и убытки своими действиями, не согласными с законом»⁴.

В этой же работе М. М. Ковалевский высказал мысль о том, что перечень личных прав, закрепленных законодательно не может быть исчерпывающим. «Всякая декларация неотъемлемых прав личности, утверждал он, может сделаться тормозом для дальнейшего политического развития, если считать ее содержание раз навсегда установленным»⁵.

Анализируя содержание Манифеста 17 октября 1905 г., считая его шагом в сторону установления в России «правового или конституционного порядка», М. М. Ковалевский со сдержанным скептицизмом, констатировал: «Наша великая хартия вольностей, как и все великие хартии того же порядка, только тогда

---

¹ Ковалевский, М. М. Происхождение современной демократии. Т. II. [Текст] / М. М. Ковалевский. М., 1895. С. 91, 98, 99.

² См.: Ковалевский, М. М. Учение о личных правах [Текст] / М. М. Ковалевский // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 169.

³ Там же. С. 170.

⁴ См.: Там же. С. 175. К сожалению, учение о личных правах М. М. Ковалевского игнорируется современными исследователями его правового наследия. – См., например: Комнатная, Ю. А. Политико-правовые воззрения М. М. Ковалевского [Текст]: Автореф. дис... канд. юрид. наук / Ю. А. Комнатная. Саратов, 2002. С. 17–25.

⁵ См. Комнатная, Ю. А. Политико-правовые воззрения М. М. Ковалевского [Текст]: Автореф. дис... канд. юрид. наук / Ю. А. Комнатная. Саратов, 2002. С. 185.

сделается действительностью, когда обещанные ею начала проведены будут в жизнь целым рядом законодательных актов. От выражения известных желаний до их выполнения нередко проходят целые столетия»¹.

Автор фундаментальных трудов по философии права П. И. Новгородцев в немалой степени способствовал возвращению научного и общественного интереса к либеральным концепциям общественного развития, теории естественного права, учению о правах человека. Считая, что естественному праву свойственно оценивать действительность с этической точки зрения, Новгородцев, поэтому был убежден в его реформаторском характере, потенциале, поскольку этические, нравственные представления существенно опережают позитивное законодательство, постепенно устаревающее и отстающее от реальной жизни².

Развивая концепцию возрожденного естественного права с постоянно меняющимся содержанием, он также сформулировал идеи о правовом государстве, как этическом минимуме, обеспечивающем элементарные условия человеческого общежития, о свободе как естественном и необходимом выражении нравственного существа человека, о требовании равенства в отношении ко всем людям, об общественном идеале как принципе «всеобщего объединения на началах равенства и свободы»³.

При этом Новгородцев предупреждал: «Если историческое развитие государства в его отношении к запросам личности обнаруживает его неспособность удовлетворить все эти запросы, надо ли удивляться тому, что мысль ищет этого удовлетворения в представлениях об иных формах жизни, что пылкие человеколюбцы снова хотят увлечь людей блаженством социалистического рая, свободой анархического быта, независимостью профессионального федерализма, подвигом свободной теократии»⁴.

Развитию и пропаганде либерально-правой доктрины во многом способствовали правовые и философские труды Е. Н. Трубецкого.

---

¹ Ковалевский, М. М. Русская конституция [Текст] / М. М. Котляревский // Антология мировой правовой мысли. В пяти томах. Т. V. М., 1999. С. 293.

² См., например: Антология мировой правовой мысли. В пяти томах. Т. V. М., 1999. С. 363; Новгородцев, П. И. Историческая школа юристов [Текст] / П. И. Новгородцев. СПб., 1999. С. 6.

³ См.: Новгородцев, П. И. Об общественном идеале [Текст] / П. И. Новгородцев. М., 1991. С. 110–111.

⁴ Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания [Текст] / П. И. Новгородцев. М., 1909. С. 393.

В «Лекциях по энциклопедии права» он сформулировал свое политико-правовое кредо: «Все писанные и неписанные кодексы права могут претендовать на обязательное значение лишь во имя естественного права человеческой личности. Как только мы отвергнем это право, как только личность перестанет быть для нас ценною, весь правовой порядок тем самым падает во прах»¹.

Трубецкой был убежден, что естественное право может и должно служить не только критерием, но и основой позитивного права. «От того, верим или не верим мы в естественное право, – утверждал он, – и от того, как мы его понимаем, зависит все наше отношение к существующему, действующему праву»². Более того, Е. Н. Трубецкой считал естественное право, в силу его нравственного содержания, высшим по отношению к праву позитивному³. Взгляды Е. Н. Трубецкого на значение и роль естественного права, несмотря на его некоторую апологетику, способствовали развитию теории права, повышению общественного и научного интереса к правам личности, являлись его вкладом в развитие идей о допустимых границах вмешательства государства в ее права⁴.

Большое значение для развития либерально-правовой доктрины, прежде всего в части философско-правового осмысления прав личности, имела психологическая теория права Л. И. Петражицкого⁵. Личность находится в центре его теории.

Петражицкий считал естественное право основным источником своей теории права, поскольку в нем содержался реформаторский потенциал в отношении действующего законодательства. Он был убежден в необходимости возрождения идеи «правовой политики», родившейся внутри естественно-правового направления⁶. Оценивая роль естественного права, определяя его

---

¹ Трубецкой, Е. Н. Лекции по энциклопедии права [Текст] / Е. Н. Трубецкой. М., 1917. С. 59.

² Там же. С. 69.

³ Там же.

⁴ По мнению Трубецкого «лицо должно подчиняться государству лишь постольку, поскольку это необходимо для осуществления целей социального организма, для его существования и процветания». См.: Там же. С. 206.

⁵ Петражицкий Лев Иосифович (1867–1931), правовед, депутат I Государственной думы, член ЦК партии кадетов. В течение 19 лет (1898–1917) возглавлял кафедру энциклопедии и философии права юридического факультета Петербургского университета. Основные труды: «Очерки философии права» (1900), «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1909–1910).

⁶ См.: Азаркин, Н. М. Указ. соч. С. 426–427.

место в общей теории права, Л. И. Петражицкий отмечал: «Несмотря на наивно-проекционную точку зрения на право и незнание подлинной его природы, на смешение разнородных вещей под именем естественного права и разные другие научные недостатки, естественно-правовые учения, главным образом интуитивно-правовые тезисы, выставлявшиеся и с воодушевлением проповедовавшиеся передовыми и выдающимися мыслителями, принимавшими участие в разработке естественного права, а также соответственные правно-политические соображения и предложения – исполняли полезную функцию содействия прогрессу права и законодательства и в этом смысле служили суррогатом не существующей и до сих пор науки политики права»¹.

Идеи Петражицкого находили понимание и в юридической среде, и в студенческой аудитории, которую привлекали не только научная сторона его деятельности, сколько политическая: он был одним из авторов знаменитого Выборгского воззвания кадетов².

М. А. Рейснер, несмотря на достаточно критическое отношение к теории Петражицкого и свои марксистские убеждения, тем не менее, считал: «Будучи результатом крупного движения европейской мысли и выдающихся дарований автора, она (теория – И.А.) является настоящим событием в науке. Новое течение в современной юриспруденции открывает широкие горизонты правовой науке и возвращает массам отнятое было у них интуитивное право, эту великую идею правды, которая одна может дать оболочку социальным требованиям современности»³.

По мнению некоторых исследователей, психологическая теория права Петражицкого довела индивидуализм как систему мировоззрения до крайнего предела, стала предвестником кризиса государственных и правовых концепций либерализма.

---

¹ Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. II. [Текст] / Л. И. Петражицкий. СПб., 1910. С. 515–516.

² См.: Гуревич, П. В. Лев Иосифович Петражицкий [Текст] / П. В. Гуревич // Правоведение. 1971. № 5. С. 132.

³ Рейснер, М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология [Текст] / М. А. Рейснер. СПб., 1908. С. 97.

Определенную познавательную роль в развитии понимания сущности личных прав, их места в системе правового государства сыграла предложенная В. М. Гессеном классификация субъективных публичных прав индивида.

Он считал, что в правовом государстве (по Гессену – это конституционная монархия – И.А.) индивид – субъект прав¹. Его права можно разделить на три категории. К первой относятся «права свободы»: свобода вероисповедания, печати, свобода личности, союзов и собраний, передвижения, свобода промыслов, занятий и т.д. «Каждая такая «свобода», – полагал Гессен, – является частичным проявлением, особо гарантированным конституцией, одного и единого права, – права общегражданской свободы»². Вторую категорию составляли, так называемые положительные публичные права индивида. К ней, по утверждению В. М. Гессена, «относятся все, вообще, права индивида на положительные действия государства в его интересах, – права на услуги государственной власти» (например, право на судебную защиту, на общественное признание, на первоначальное обучение и т.п.)³. К третьей категории субъективных прав Гессен относил политические права: на осуществление государственной власти, «на участие в образовании государственной воли», избирательное право⁴.

Важнейшим условием соблюдения субъективных публичных прав индивида он считал наличие правового государства, «которое признает обязательным для себя, как правительства, создаваемые им же, как законодателем юридические нормы»⁵. Он полагал: «Парламент в конституционном государстве всегда и необходимо рассматривается с большим или меньшим основанием, в зависимости от действующего избирательного права, – как непосредственный выразитель народной воли»⁶. Кроме того, правовое государство должно быть построено на принципе разделения властей. «Отрицать обособление властей, –

---

¹ См.: Гессен, В. М. О правовом государстве [Текст] / В. М. Гессен // Антология мировой правовой мысли. В пяти томах. Т. V. М., 1999. С. 290.

² См.: Там же. С. 290.

³ Там же. С. 290–291.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 288.

⁶ Гессен, В. М. О правовом государстве [Текст] / В. М. Гессен // Антология мировой правовой мысли. В пяти томах. Т. V. М., 1999. С. 289.

считал В. М. Гессен, – значит отрицать неприкосновенность личности как субъекта публичных прав»¹.

Свои идеи о правовом государстве и правах личности В. М. Гессен, член партии кадетов, защищал как в Государственной думе, так и в правовых печатных изданиях – журналах «Право» и «Вестник права». В 1908 г. в монографии «Исключительное положение» он высказался отрицательно против официального законопроекта об исключительном законодательстве, считая, что оно создает почву для правительственного произвола и административного гнета над беззащитным и бесправным населением страны, для борьбы с нарождающимся общественным мнением.

Научному осмыслению, развитию и, в известном смысле, популяризации либеральных идей естественного права способствовали теоретические и исторические труды Ю. С. Гамбарова и П. Г. Виноградова.

Так, Ю. С. Гамбаров в работе «Свобода и ее гарантии. Популярны социальнo-юридические очерки» (1910), проанализировав новейшие правовые концепции, утверждал: «Индивидуальная свобода в границах государственного порядка остается краеугольным камнем и современного «культурного» государства, как бы широко ни раздвигалась область его деятельности. Об индивидуальной свободе можно говорить только там, где государственный порядок основан на праве, и вмешательство государства в сферу индивидуальной свободы каждого допущено лишь настолько, насколько это необходимо для обеспечения свободы всех»².

П. Г. Виноградов в своих «Очерках по теории права» (1915) обратил внимание на гносеологические и реформаторские аспекты естественного права. По его мнению, «документы, основанные на естественном праве, оказали могущественное влияние на образование международного права, на демократические реформы публичного права, исходившие из идеи общественного договора, и на

---

¹ См.: Там же. С. 292.

² См.: Антология мировой правовой мысли. В пяти томах. Т. V. М., 1999. С. 311–312.

радикальное изменение прав личного состояния, вызванное доктриной всеобщего равенства перед законом»¹.

П.Г. Виноградов полагал, что содержание естественного права постоянно изменяется, однако ею цель постоянна, и «эта цель – справедливость»².

Кризис либерализма в начале XX века породил религиозно-философское направление в русской общественной мысли³.

Весомый вклад в эволюцию идей о правах человека, в их осмысление и общественное признание внесли такие русские философы, как В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев и др. Своими трудами они способствовали возрождению интереса к человеку, его нравственным и правовым проблемам, к отдельным аспектам теории естественного права.

В условиях кризиса правосознания, наступившего в России в конце XIX в., выдающийся русский философ В. С. Соловьев (1853–1900), по словам П. И. Новгородцева, предпринял попытку, достаточно успешную, «отстоять идеальную сущность права», помочь восстановлению «доверия к идее права»⁴.

Соловьев создал собственную оригинальную доктрину вселенской христианской теократии, «цельного общества»⁵.

В его философско-правовых построениях проблемы права, его соотношения с нравственностью, права человека занимали важное место.

В. С. Соловьев был убежден, что без «личной свободы невозможно человеческое достоинство и высшее нравственное развитие»⁶. Будучи убежден, что только в обществе человек может развивать свою свободу и нравственность, Соловьев полагал, что «нравственный интерес, который требует личной свобо-

---

¹ См.: Антология мировой правовой мысли. В пяти томах. Т. V. М., 1999. С. 406.

² См.: Там же. С. 407.

³ См.: Исаев, И. А., Золотухина, Н. М. История политических и правовых учений России XI–XX вв. [Текст] / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. М., 1995. С. 289.

⁴ Новгородцев П. И. Идея права в философии Вл. Соловьева [Текст] / П. И. Новгородцев. М., 1991. С. 526, 536.

⁵ См.: Азаркин, Н. М. Указ. соч. С. 306–307.

⁶ См.: Соловьев, В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики [Текст] / В. С. Соловьев // Хрестоматия по истории политических и правовых учений России (XIX – начало XX вв.). Уфа., 1993. С. 75.

ды, он же тем самым требует, чтобы личная свобода не противоречила условиям существования общества»¹.

Идеи Соловьева оказали значительное воздействие на развитие философии права, в том числе на разработку проблем возрожденного естественного права, обоснование идей свободы личности и правового государства². Хотя, как замечал П. И. Новгородцев, он давал иногда такие определения, которые невольно поражают слух юриста. Например, его формула, «согласно которой государство является собирательно-организованной жалостью»³. По сути, отвлекаясь от ее неюридической формы, она всего лишь свидетельствовала о том, «чего он ожидал и требовал от государства»⁴.

Серьезное влияние на эволюцию либеральных идей о правах человека, их более глубокое осмысление оказало творчество крупнейшего русского философа Н. А. Бердяева (1874–1948). В его учении о свободе определяющее место занимает личность человека. По его мнению, существует принципиальное различие между категориями индивид и личность. Если первая категория отражает биологическую, социальную, природную сущность человека, то вторая – духовную⁵. Он был убежден, что личность – не готовая данность, а цель, идеал человека. Личность, считал Бердяев, иррациональная, она «должна быть исключением, никакой закон не применим к ней»⁶. Поэтому, – утверждал он, – личность есть элемент революционный в глубоком смысле слова»⁷.

Центральное место в философии права Н. А. Бердяева занимает его концепция об абсолютных и неотчуждаемых правах человека, ведущих свое происхождение от Бога, а не от земных начал, включающих природу, общество и государство. По его мнению, лишь от Бога происходит свобода⁸, а принцип

---

¹ См.: Там же. С. 75.

² См.: Нерсесянц, В. С. Философия права. [Текст] / В. С. Нерсесянц, М., 1997. С. 541.

³ См.: Новгородцев, П. И. Идея права в философии Вл. Соловьева. С. 538.

⁴ См.: Там же. С. 538.

⁵ Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 21.

⁶ См.: Там же. С. 22.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Там же. С. 313–314.

«властвования человека над человеком есть порождение греха и Царству Божьему не принадлежит»¹.

Бердяевская апологетика прав человека, понимаемые им как свобода духа, свобода совести, свобода мысли и слова, духовные права в широком смысле слова, находилась в открытом противостоянии с государством. «Никакой идеальной формы государства, – полагал он, – быть не может, все утопии совершенного государства порочны в корне. Возможны лишь относительные улучшения. И они связаны обыкновенно с тем, что государству ставятся границы. Государство в своей демонической воле к могуществу всегда стремится перейти свои границы и стать абсолютной монархией, абсолютной демократией, абсолютным коммунизмом»².

Н. А. Бердяев был убежден, что разрешить вечный конфликт между стремлением человека к обладанию абсолютными, неотчуждаемыми правами и государством, стремящимся эти права ограничить, в земной жизни невозможно. Отсюда его вывод, достаточно пессимистический с социальной точки зрения: «Совершенное общество мыслимо лишь в совершенном космосе, как преобразование мира, как новая земля и новое небо, как Новый Иерусалим, как наступление Царства Божьего, но не как политическое и социальное устройство в условиях нашей земли и нашего времени»³.

Тем не менее, несмотря на анархическое, в чем-то даже еретическое с точки зрения права, содержание концепции Н. А. Бердяева о неотчуждаемых правах личности, его нигилизм в отношении общества и государства, она оказала существенное воздействие на формирование новых подходов в философии и теории права к проблемам человека, его личным правам⁴.

Роль и значение философских представлений о взаимоотношениях между государством и личностью, о значении интеллигенции, как интеллектуальной элиты общества, и ее возможностях в формировании основ правосознания

---

¹ Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1998. С. 173.

² Там же. С. 172–173.

³ Там же. С. 202.

⁴ См. подробно об этом: Нерсесянц, В. С. Философия права [Текст] / В. С. Нерсесянц. М., 1997. С. 552; Исаев, И. А., Золотухина, Н. М. История политических и правовых учений России XI–XX вв. [Текст] / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. М., 1995. С. 323–325, 339–340.

народа были переосмыслены с учетом опыта революции 1905 г. и доведена до российской общественности авторами сборника «Вехи» (1909)¹. Сборник был встречен в штыки всей демократической Россией: от левых радикалов до правых либералов². И лишь потом, после октября 1917 г. наступило прозрение, понимание того, что было сделано авторами «Вех».

Его основное общественное значение, по словам П. Б. Струве состояло в предостережении³. В 1921 г., уже в советской России, полулегально вышел сборник статей авторов-критиков «Вех», которые по-новому оценивали свое отношение и к праву, и к государству, и к народу. Так, П. И. Новгородцев в статье «О путях и задачах русской интеллигенции» констатировал: «Только самые черные дни нашей истории могут сравниться с тем, что мы сейчас переживаем.

В этих условиях всеобщей муки и тоски прозревают и слепые. То, что десять лет назад утверждали немногие, теперь начинают говорить все. Все чаще и чаще слышатся сомнения, тем ли путем мы шли ...»⁴.

Однако времени ни на переосмысление либеральных идей о правах человека, роли и месте государства в их обеспечении, значении философии в их аксиологическом обосновании уже не оставалось. В августе 1922 г. административным решением ГПУ из советской России была выслана большая группа ученых, писателей и деятелей культуры⁵. В том числе и авторов сборника «Из глубины».

Итак, в начале XX вв. российскими либеральными правоведами и философами была существенно развита и дополнена доктрина общественного прогресса, причем центральное место в ней занимала теория либерального понимания прав человека. Она, в основном, базировалась на разработанной во вто-

---

¹ См.: Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909–1910. М., 1991.

² См.: Там же. С. 5–20, 455–462.

³ См.: Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1910. С. 7.

⁴ См.: Там же. С. 212. В этой же статье П. И. Новгородцев делает примечательное признание: «Забота о народе обязательна и священна, но лишь при том условии, что она не создает из народа кумира и что она связывает эту заботу с тем Божьим делом, которому должны одинаково служить и народ и интеллигенция». – См.: Там же. С. 214.

⁵ См.: Костиков, В. В. Не будем проклинать изгнание ... Пути и судьбы русской эмиграции [Текст] / В. В. Костиков. М., 1990. С. 14–23; Бердяев вспоминал о высылке: «Высылалась за границу целая группа писателей, ученых, общественных деятелей, которых признали безнадежными в смысле обращения в коммунистическую веру. Это была очень страшная мера, которая потом уже не повторялась». – См.: Бердяев, Н. А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии) [Текст] / Н. А. Бердяев. М., 1991. С. 241.

рой половине XIX в. основателями русского либерализма К. Д. Кавелиным и Б. Н. Чичериным концепции социально-политического переустройства России на принципах либерализма.

Российские либералы в своих теоретических, а впоследствии и политических программах, предусматривали постепенное внедрение эти принципов в законодательную и политическую практику. У них была создана собственная концепция реализации этих идей. Центральное место в ней занимали философское осмысление и правовое обоснование идей о правах человека, политической свободе, как необходимом условии их осуществления, взаимозависимости прав человека и формы государственного правления, частной собственности как необходимой социальной гарантии правового равенства и т.д.

Особенностью программы являлся ее эволюционный характер, исключая радикальное решение политических и гуманитарных проблем. Наоборот, учитывая реальное положение России (абсолютизм, слабое развитие буржуазных экономических и социальных отношений, низкий культурный уровень населения и т.д.), программа либералов предусматривала постепенное, поэтапное решение задач либерального движения. Сначала ликвидация крепостного права, как основного препятствия для социально-экономического прогресса, затем подготовка, воспитание населения к восприятию, пониманию своих прав, формирование общественного мнения и создание легальных политических партий, в том числе либеральной и лишь затем, с собственного согласия абсолютизма, переход к конституционной монархии (она являлась для многих либералов синонимом правового государства), которая, создав парламент, сделает возможной правовую реализацию идей о правах человека.

Центральным пунктом либеральной доктрины конца XIX – начале XX вв. стало утверждение, в качестве основополагающей, идеи о решающей роли личности в общечеловеческом развитии и истории России нового времени. Ее автором был Б. Н. Чичерин. По оценке В. В. Зеньковского, «Чичерин явил в рус-

ской историософии и политической доктрине чистейший и редкий у нас тип защитника свободы личности»¹.

Чичерин считал, что только признание самоценности личности, позволяет обосновать абсолютное значение нравственных начал человека, его стремление к свободе. Смысл человеческой свободы – в возможности человека «возвышаться к сознанию безусловной своей сущности и тем самым к сознанию своей независимости от чего бы то ни было, кроме самого себя»². Как носитель абсолютного начала человек сам по себе имеет абсолютное значение. И только в силу этого свойства он может быть признан свободным лицом, и именно поэтому с ним недопустимо обращаться как с простым орудием – средством достижения каких бы то ни было целей.

Тезис об абсолютной ценности человека стал философским и правовым фундаментом либеральной концепции прав и свобод личности, ее требования экономической свободы и частной собственности, создания правового государства³.

Однако под влиянием революционных процессов, начавшихся в России в начале XX века, у российских либералов возник соблазн, отказавшись от собственных программ или подвергнув их ревизии, принять более активное участие в политической жизни, а возможно, и прийти к власти.

Тем не менее, историческое развитие показало, что, несмотря на несомненные теоретические достижения, либеральная доктрина оставалась в большей степени достижением научных кругов, нежели реальностью политической жизни. Главная причина состояла, по мнению известного философа и правоведа Е. В. Спекторского в том, что «сложный вопрос об отношении между личностью, обществом и государством слишком упрощается и односторонне решается в пользу личности».⁴ Соглашаясь в целом с достаточно обоснованным мнением авторитетного исследователя проблем российского либерализма, необхо-

---

¹ Зеньковский, В. В. История русской философии. Т. 2. Ч. 1. [Текст] / В. В. Зеньковский. Л., 1991. С. 34.

² Чичерин, Б. Н. Наука и религия [Текст] / Б. Н. Чичерин. М., 1901. С. 24.

³ См.: Новикова, Л., Сиземская И. Идеиные истоки русского либерализма [Текст] / Л. Новикова, И. Сиземская // Общественные науки и современность. М., 1993. № 3. С. 129.

⁴ Спекторский Е. В. Либерализм // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 344.

димо все же заметить, что отечественная история отпустила чрезмерно малый срок для общественного признания и эволюции либеральных идей, и это обстоятельство, на наш взгляд, исключает чрезмерную жесткость их современных оценок.

§ 3. Политическая практика российских либералов (конец XIX – начало XX веков)

Либеральное движение довольно длительное время не стремилось к созданию не только политических, но даже общественных организаций. Это явление объяснялось несколькими причинами.

Во-первых, либералы, начиная с Б. Н. Чичерина, были убеждены, что политические организации, в том числе партии создаются в условиях конституционной монархии, и, в основном, для парламентской деятельности, являются результатом длительного процесса экономического и культурного развития общества, воспитания, подготовки общественного мнения к пониманию значения политической деятельности. По мнению Б. Н. Чичерина, для «свободы нет ничего гибельнее преждевременных попыток к ее водворению»¹. Он был убежден: «Либерализм умеренный и осторожный, старающийся не только заслужить доверие общества, но и поладить с правительством, вернее достигает цели. Действовать явным напором или даже насилием может только партия, уверенная в успехе, чувствующая за собой громадное большинство»². В 60-е годы XIX в. Чичерин неоднократно пытался убедить самодержавие в необходимости продолжения и углубления либеральных реформ³.

Во-вторых, среди либералов в пореформенный период господствовало мнение, что российский абсолютизм сам, по убеждению, а не под общественным и тем более революционным давлением, должен пойти на ограничение

---

¹ См.: Чичерин Б. Н. О народном представительстве [Текст] / Б. Н. Чичерин. М., 1899. С. 535.

² Там же. С. 535.

³ См. подробнее об этом: Зорькин, В. Д. Чичерин [Текст] / В. Д. Зорькин. М., 1984. С. 82–92.

собственной власти, перейти к конституционной монархии¹. Поэтому либералы не стремились к политической конфронтации с властью, оппозиционной борьбе с самодержавием. В этом смысле, по словам В. Д. Зорькина, показательна речь Б. Н. Чичерина в Московской городской думе 26 января 1882 г., куда он был назначен городским головой: «По своему характеру, по своим убеждениям я не человек оппозиции. Я приверженец, охранительных начал в том смысле, что я глубоко и живо чувствую потребность власти и порядка ... Не покидая почвы права, мы должны стараться соблюсти счастливую середину между старыми привычками безусловной покорности и новыми стремлениями к безотчетной оппозиции ... И придет время, когда правительство, видя в нас не элементы брожения, а охрану порядка, почувствует потребность расширить тесный круг местного самоуправления и ввести общественное начало в общий строй русской государственной жизни»². Эти слова основателя русского либерализма подтверждают, что он по-прежнему верил в реформаторский потенциал самодержавной власти, в ее способность к самоограничению во имя общественного прогресса. И лишь в 90-х годах XIX в., убедившись в ошибочности своих представлений о способности абсолютизма к самореформированию, Б. Н. Чичерин констатировал: «А ныне Россия управляется отребьем русского народа, теми, которых раболепство все превозмогло и в которых окончательно заглохло даже то, что в них порядочного было смолоду. При таких условиях ограничение самодержавной власти становится насущной потребностью»³.

Но даже в этих, новых условиях политической реакции, ни Чичерин, ни его последователи, не ставили вопрос о необходимости политической, тем более революционной борьбы за власть.

В-третьих, социальная база либерального движения в конце XIX – начале XX вв. была достаточной узкой. Оно объединяло, в основном, представителей вузовской, главным образом, университетской интеллектуальной элиты, верхушку образованного российского дворянства, часть творческой интеллигенции

---

¹ См.: Чичерин, Б. Н. Конституционный вопрос в России [Текст] / Б. Н. Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 64.

² Цит. по: Зорькин, В. Д. Чичерин [Текст] / В. Д. Зорькин. М., 1984. С. 91–92.

³ Там же. С. 93.

и т.д.¹ По мнению В. Р. Лейкиной-Свирской, либеральные взгляды наиболее широко были распространены среди представителей «юридической интеллигенции»². По ее же подсчетам в России имелось «6 тыс. присяжных поверенных и 5,8 тыс. помощников, то есть 11,8 тыс. дипломированных адвокатов»³. Кроме того, к ним надо, видимо, отнести еще 150 профессоров и доцентов юридических вузов⁴.

Таким образом, необходимо констатировать, что только в конце XIX в. либеральные идеи получили возможность для относительно широкого распространения. В это время сторонники умеренных реформ, конституционного правления, расширения гражданских свобод попытались объединиться на общенациональной политической платформе, заняли, по мнению А. Н. Загородникова, «в интеллектуальной жизни страны место, сопоставимое с тем, что до сих пор принадлежало представителям более крайних правых и левых течений». Он считает: «В новой атмосфере 90-х годов внезапно слились воедино под знаменем «освобождения» и «земского конституционализма» различные силы, образовав, общенациональное политическое движение, нашедшее выражение в создании Союза освобождения, будущей партии кадетов или, как ее еще называли, «партии профессоров»⁵.

Безусловно, что социальная база либерализма не ограничивалась только средой юридической интеллигенции, была гораздо шире и многообразней⁶. Однако, сами либералы, в том числе такие известные правоведы как Б. А. Кистяковский, отрицали влияние идей права, либерализма на русскую интеллигенцию. Он считал, что ни «Чичерин, ни Соловьев не создали чего-либо значительного в области правовых идей», а интеллигенции в целом свойственны

---

¹ См.: Загородников А. Н. Павел Миллюков и западная историография о российском либерализме // П. Миллюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной конференции. М., 2000. С. 454.

² См.: Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 79.

³ См.: Там же. С. 78.

⁴ Там же. С. 96, 97.

⁵ Загородников А. Н. Павел Миллюков и западная историография о российском либерализме. С. 454.

⁶ См., например: Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т.1. М., 1994. С. 6-7; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. С. 21–24.

«притупленность правосознания» и «отсутствие интереса к правовым идеалам»¹.

Учитывая отмеченные обстоятельства, следует признать, что до конца 80-х – середины 90-х годов XIX в. российский либерализм, исходя из принципиальных, идейных соображений, не обладая широкой социальной базой и общественной поддержкой, не стремился ни к созданию собственной политической организации, ни к оформлению либеральных идей в политическую программу². К тому же, внутри либерального движения не существовало и идейного единства.

К началу 90-х годов в либеральном движении существовало, по крайней мере, три направления: классическое, умеренное и радикальное, получившее наименование «неолиберализма»³. Различия между направлениями в либерализме, на наш взгляд, имели не столько теоретический, сколько тактический характер. Представители радикального направления считали, что в новых условиях идея сотрудничества с самодержавием, мирного общественного давления на него с целью его преобразования в конституционную монархию себя изжила. При этом неолибералы во главе со своим политическим лидером П. Н. Милюковым, считали возможным не только революционный переход к конституционализму, но и сотрудничество при этом с российскими социалистами⁴.

В этих условиях, в конце 90-х годов XIX в. либеральное движение пришло к выводу о необходимости создания собственной политической организации.

Еще ранее, в 60-х годах XIX в., о целесообразности организационного оформления либерального движения, создании политической партии писал в

---

¹ См.: Кистяковский, Б. А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 112–113.

² См., например: Новикова, Л. Идейные истоки русского либерализма [Текст] / Л. Новикова, И. Сиземская // Общественные науки и современность. М., 1993. № 3. С. 135.

³ См.: Сиземская, И. Новый либерализм в России [Текст] / И. Сиземская, Л. Новикова. // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 132; Милюков, П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. [Текст] / П. Н. Милюков. М., 1990. С. 265–267.

⁴ В своих мемуарах П. Н. Милюков отмечал, что в начале XX в. он «поставил задачей доказать историческими фактами возможность сближения русских либералов с русскими социалистами для достижения общей цели – политической свободы». С этой целью Милюков даже встречался в 1903 г. с Лениным, находившемся в Лондоне. См.: Милюков, П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т.1. [Текст] / П. Н. Милюков. М., 1990. С. 266, 267.

своей книге «О народном представительстве» (1866) Б. Н. Чичерин. Анализируя условия, которые необходимы для создания в России народного представительства, он выдвинул идею создания прогрессивной или либеральной партии. При этом он полагал, что только такая партия является «движением общественного развития», «стремится расширить свободу, устранить все препятствия к развитию, открыть поприще для всех общественных сил».¹ Осознавая преобразовательный потенциал, заложенный в либеральной партии («она полагает основы для будущего»), Чичерин, вместе с тем видел и ее слабости, состоящие в том, что она не способна объединить общество, выступает против власти и порядка, «для нее свобода составляет исход и конец всего; она считает ее достаточной для всех потребностей»². Поэтому Б. Н. Чичерин, с присущим ему научным подходом к анализу как правовых, так и общественных явлений считал необходимым существование в свободном обществе нескольких, кроме либеральной, партий: охранительной (консервативной), а также примыкающим к ним справа и слева, реакционной и радикальной³. По его мнению, крайние партии «возникают в среде общественного мнения, составляя необходимую принадлежность человеческого развития»⁴.

Таким образом, Б. Н. Чичерин не только считал необходимым создание либеральной партии, без которой немислимо становление и развитие парламентаризма, но и являлся сторонником многопартийной системы, рассматривая ее как политическую гарантию жизнеспособности конституционного строя. Весьма важным было и его предостережение, не оцененное и не замеченное современниками о том, что непримиримые общественные и партийные разногласия ведут к анархии, а из нее «возникает деспотизм, который один в состоянии сдержать общественные стихии, влекущиеся врозь»⁵. Выходом из такой ситуации Чичерин считал независимую от общественных влияний власть (конститу-

---

¹ Чичерин Б. Н. О народном представительстве [Текст] / Б. Н. Чичерин. М., 1899. С. 467–468.

² Там же. С. 468.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 479.

ционную монархию – И.А.), способную сдержать партии и общество в рамках закона.¹

Одной из первых политических организаций российских либералов стала полулегальная группа «Беседа» (1899–1905 гг.). Численность группы не превышала 50-60 человек. В ее рядах объединялись земские деятели, умеренная интеллигенция, ортодоксальные либералы, выступавшие за сохранение монархии (Д. Шипов, М. Стахович, Н. Хомяков) и неолибералы (П. Струве, П. Миллюков)².

Важным шагом к организационно-политическому объединению либерализма стало издание нелегального журнала «Освобождение» (июнь 1902 г. – октябрь 1905 г.). Журнал издавался в Штутгарте тиражом 9–10 тыс. экз.³ Редактором журнала был П. Б. Струве. В его первом номере были определены задачи либералов: «Отличие нашего органа от других заграничных изданий заключается в том, что мы предполагаем объединить те группы русского общества, которые не имеют возможности найти исход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе. Мы желаем выражать исключительно бессословное общественное мнение и на него опираться»⁴.

П. Н. Миллюков, принимавший участие в подготовке программного заявления журнала, настоял на включение в него требований личной свободы, гарантированной судом, равенства всех перед законом, а также, в качестве ближайшей цели – «бессословное народное представительство в постоянно действующем и ежегодно созываемом верховном учреждении с правами высшего контроля законодательства и утверждения бюджета»⁵.

По мнению некоторых исследователей, на русских либералов в это время значительное влияние оказывал пример США, которые для них являлись образцом практического претворения идей либерализма. Так, П.Н. Миллюков пер-

---

¹ Там же. С. 479–480.

² Сиземская И. Новый либерализм в России [Текст] / И. Сиземская, Л. Новикова // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 132; Наше Отечество. Опыт политической истории. Ч. 1. М., 1991. С. 262.

³ Взгляды «освобожденцев» отражали также журнал «Право», газеты «Новая жизнь», «Сын Отечества». – См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1986. С. 575.

⁴ Цит. по: Наше Отечество. Часть 1. С. 253.

⁵ Миллюков, П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. [Текст] / П. Н. Миллюков. М., 1990. С. 248.

вым из русских либералов выступил с лекциями в Америке, сотрудничал с американской прессой. При этом он допускал возможность союза с российскими социалистами. В 1905 г. в России была издана книга В. Вильсона «Государство» с предисловием М. М. Ковалевского. В нем подчеркивалась идея «рациональной власти закона» в рамках конституционной монархии или представительной республики¹.

Летом и осенью 1903 г. либеральное движение оформилось в две новые нелегальные политические организации: «Союз освобождения» (1500–1600 человек) и «Союз земцев-конституционалистов»². Появление двух союзов либеральной ориентации, ставивших сходные цели, но имеющих различные тактические установки, свидетельствовало о кризисе российского либерализма.

«Союз освобождения» разработал и утвердил на своем учредительном съезде (3–5.1.1903) политическую программу³. В ней содержалось требование конституционной монархии, всеобщего избирательного права, а также признавалось право на самоопределение за всеми народами Российской империи. «Для Финляндии, – вспоминал П. И. Милюков, – выставлено требование о возвращении ее государственно-правового положения, нарушенного правительственными преследованиями»⁴.

На третьем съезде «Союза освобождения» (25–27.03.1905, Москва), в условиях начавшейся революции была принята новая программа⁵. Она, по сравнению с первой, была более радикальной. В программе содержалось требование созыва Учредительного собрания «для выработки русской конституции». Причем о конституционной монархии в новой программе уже не упоминалось⁶.

В новой программе достаточно подробно и определенно были сформулированы требования «Союза» в области прав человека. Так, в программе заявля-

---

¹ См. об этом: Загородников А. Н. Павел Милюков и западная историография о российском либерализме. С. 455–456.

² Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 1. М., 1994. С. 6.

³ См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1986. С. 575.

⁴ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 249–250.

⁵ См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1986. С. 575.

⁶ См.: Программа Союза Освобождения // Первый штурм. М., 1990. С. 461–465.

лось: «... мы требуем признания в основном государственном законе прав человека и гражданина»¹. К их числу были отнесены: равенство всех перед законом, отмена сословных, имущественных и этнических ограничений². Провозглашались неприкосновенность личности и жилища, полная свобода передвижения, отмена паспортной системы, свобода совести, печатного слова и отмена цензуры, свобода публичных собраний и союзов³.

Главным условием, гарантирующим соблюдение прав человека и гражданина, авторы программы считали создание народного представительства, избранного путем всеобщих и равных выборов. Этому народному представительству должно принадлежать «право законодательной инициативы», а также право контроля действий исполнительной власти.⁴

Программа предлагала «восстановить основы судебных уставов 1864 г. и дать им окончательное осуществление», а также утвердить принцип равенства всех граждан, включая должностных лиц, перед судом и т.д.⁵

Наконец, программа, своим требованием отмены смертной казни не только привлекала внимание общества к этой проблеме, но и провозглашала важнейшее, базовое право каждого человека на жизнь⁶.

Таким образом, программа «Союза освобождения» определила основные ориентиры в области прав человека, за которые предполагала начать политическую борьбу. Кроме того, что очень важно, она предусматривала создание целой системы их гарантий: политических, законодательных и судебных. В целом программа, с ее требованием выборного народного представительства и очень нечетким упоминанием о подписи главы государства под парламентскими законами, провозглашала курс на создание в России, возможно, конституционной монархии с полным перечнем прав и свобод для ее граждан⁷.

---

¹ См.: Там же. С. 461.

² Там же.

³ Там же. С. 461–462.

⁴ Там же. С. 462.

⁵ См.: Там же. С. 463–464.

⁶ См.: Там же. С. 464.

⁷ См.: Там же. С. 462–463. Неопределенность некоторых формулировок программы «Союза» П. Н. Милюков объяснял разногласиями внутри либерального движения. См.: Милюков, П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. [Текст] / П. Н. Милюков. М., 1990. С. 275.

В течение короткого времени произошло объединение «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов» в единый «Союз союзов» (май 1905 г.), однако каждая из организаций сохранила свою самостоятельность. На четвертом съезде «Союза освобождения» (23.08.1905) было принято решение отказаться от бойкота выборов в Булыгинскую думу, начать легальные действия и образовать конституционно-демократическую партию. На этом «Союз освобождения» прекратил свое существование¹.

Параллельно с «освобожденцами» действовал «Союз земцев-конституционалистов». 22–26 апреля 1905 г. «Союз» подготовил и провел в Москве общеземский съезд своих сторонников². Хотя земцы, в основной своей массе, были приверженцами идей классического либерализма, отвергавшего политическую борьбу, как метод революционного воздействия на власть, считавшего конституционную монархию идеалом государственного устройства, выступавшего за сохранение сословных ограничений, по крайней мере, на ближайшую перспективу, она также не избежала идеологического давления начавшейся революции³. Поэтому в постановлениях съезда совершенно явно видны следы идейных разногласий между сторонниками «старого» классического либерализма и их оппонентами, которые стремились модернизировать его, как им казалось, приспособить к новым революционным условиям. Так, если в вопросе о необходимости наделения всех подданных империи политическими и личными правами разногласий не было, то они имелись в отношении характера и содержания деятельности будущего представительного органа власти (парламента).

В п. 4 резолюции съезда «По вопросу об основаниях желательной организации народного представительства в Российской империи и о порядке введения в жизнь представительных учреждений» отмечалось, что выборы в народное представительство невозможны, пока населению не будут предоставлены

¹ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1986. С. 575.

² См., например: Сиземская, И. Новый либерализм в России [Текст] / И. Сиземская, Л. Новикова // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 132–140. См.: Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 164–168.

³ Там же. С. 135. См. подробнее об этом: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 36–41.

«неприкосновенность личности, свободы слова, печати и собраний и пока не будут повсеместно отменены положения об усиленной охране, а также административная карательная власть земских начальников и сельского и волостного начальства»¹. Большинство депутатов съезда считали, что создаваемое народное представительство должно обладать законодательными полномочиями, а меньшинство во главе с Д. Н. Шиповым настаивало на законодательных функциях будущего народного представительства². Причем группа Шипова отрицательно относилась к принципу всеобщего и прямого избирательного права, предлагая проводить их «на основе реорганизованного представительства в учреждениях местного самоуправления, причем последнее должно быть распространено по возможности на все части Российской империи»³. По существу, Д. Н. Шипов и его сторонники предлагали земскую, многоступенчатую сословную, цензовую систему выборов. Что, в целом, не противоречило теоретическим взглядам русского классического либерализма на проблему политических прав граждан.

Земцы-конституционалисты и «освобожденцы» летом и осенью 1905 г. несколько раз встречались с царем и его министрами по поводу подготовки выборов в Государственную (булыгинскую) думу, принципов ее деятельности и организации выборов⁴. Однако результаты этих встреч оказались ничтожными. Поэтому земцы пошли на беспрецедентный шаг. Ровно через месяц после встречи представителей их организации с Николаем II, земцы 6–8 июля 1905 г. созвали общероссийский съезд, земско-городских деятелей⁵. Совместно с уме-

---

¹ См.: Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 165.

² См.: Там же. С. 165, 167. Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920) земский политический деятель, один из лидеров умеренно-правого крыла либералов. Один из основателей «Союза 17 октября». Монархист, толстовец, сторонник конституционной монархии с народным представительством. В декабре 1919 г. арестован ВЧК по делу «национального центра». Умер в тюрьме. – См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 699–700.

³ Там же. С. 167.

⁴ См. подробнее об этом: Милуков, П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. [Текст] / П. Н. Милуков. М., 1990. С. 324–327; Витте, С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. [Текст] / С. Ю. Витте. М., 1991. С. 550–553.

⁵ См.: Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 256–332.

ренными либералами «Союза освобождения» земцы подготовили и распространили «Проект Основного закона Российской империи»¹.

Проект состоял из шести разделов. Второй раздел имел название «О правах российских граждан». В нем провозглашались: безусловное равенство всех граждан перед законом (ст. 17), свобода совести (ст. 18), неприкосновенность жилища (ст. 25), тайна переписки (ст. 26), свобода передвижения, включая право выезда за границу (ст. 27), свобода слова, печати, собраний и союзов (ст. 28, 30, 31, 32), отмена цензуры (ст. 29)². Проект предусматривал также судебную защиту прав граждан (ст. 19–24)³. Принятие этого проекта в качестве конституции было бы значительным шагом российского общества в сторону создания конституционной монархии, основ правового государства.

Вместе с тем делегаты съезда, особенно радикально настроенные либералы, понимали, что реализовать такой проект конституции невозможно. Так, И. И. Петрункевич, делегат съезда и одновременно участник встречи с Николаем II 6 июня 1905 г., утверждал: «Я придаю большое значение проекту конституции. Важно заменить чем-нибудь проект Булыгина. Но наш проект не ответ на желание верховной власти ... ближайшие события показали, что слова нашей депутации лишь слабо отразились в мыслях царя ... На реформу рассчитывать нечего ... Не надо туманностей. Благодаря правительству, создано положение, которое санкционирует революцию. Революция – факт. Мы должны отклонить ее от кровавых форм. Мы пойдем для этого к народу. Мы заслужим его доверие ... Идти с петициями надо не к царю, а к народу»⁴.

Выступление Петрункевича на съезде выявило тенденцию к его радикализации, выявившуюся в российском либерализме с конца XIX в.

---

¹ См: Там же. С. 315–328. В подготовке проекта конституции принимал участие С. А. Муромцев (прим. авт.).

² Там же. С. 317–318.

³ Там же. С. 317.

⁴ См.: Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 277. Петрункевич Иван Ильич (1844–1928), юрист, земский деятель, один из основателей газеты «Речь» – центрального органа кадетской партии, депутат 1-й Государственной думы. – См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1986. С. 456.

Разногласия в области теории сопровождались политическими и тактическими расхождениями. Так, например, В. А. Маклаков¹, и во время первой русской революции, и после нее, утверждал, что кадеты без всяких на то оснований называли себя либералами, так как нарушили основные принципы русского либерализма: начали конфронтацию с самодержавием вместо того, чтобы его поддерживать, отказались сотрудничать с правительством при проведении реформ, вступили в союз с левыми партиями для давления на абсолютизм ради немедленного достижения политических целей и т.д.²

Обвинения Маклакова имели веские основания. Лидер кадетов П. Н. Милюков признавал: «Революционером может стать при известных обстоятельствах и либерал»³. А идеолог партии А. А. Кизеветтер утверждал, что если в части стратегии партия кадетов верна эволюционизму, то с точки зрения практики она ориентирована на отказ от недооценки применения методов насилия.⁴

Процесс организационного оформления либерального движения оказался довольно длительным. Создание партий для российских либералов было делом новым, достаточно сложным и непростым.

Революция создала в России совершенно новую политическую ситуацию. Ослабление цензуры, появление сотен новых газет и журналов, созыв весной 1906 г. Государственной думы, публичное обсуждение самых острых политических вопросов – все это способствовало стремительной политизации русского общества, создало реальные возможности для образования новых политических партий. Обнародованный в разгар всероссийской стачки царский Манифест от 17 октября 1905 г. обещал даровать россиянам «незыблемые основы

---

¹ Маклаков Василий Александрович (1870–1957), адвокат, секретарь общества «Беседа», член ЦК партии кадетов. Депутат Государственной думы. После Февральской революции 1917 г. выступал за восстановление монархии. – См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1986. С. 335–337.

² См. подробнее об этом: Карпович, М. М. Два этапа русского либерализма. Маклаков и Милюков [Текст] / М. М. Карпович // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 387–404; Сиземская И., Новикова, Л. Новый либерализм в России [Текст] / И. Сиземская, Л. Новикова. // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 133.

³ См.: Там же. С. 133.

⁴ Сиземская, И. Новый либерализм в России [Текст] / И. Сиземская, Л. Новикова // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 133.

гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».

Тютюкин С. В. вполне обоснованно полагает: «Если учесть, что вновь создаваемые партии не должны были проходить официальной регистрации и создавались, по существу, явочным порядком, удовлетворяя личные амбиции своих лидеров и тягу тех или иных социальных слоев и национальных групп к самоидентификации и самовыражению, то легко понять, почему процесс партийного строительства принял в России в 1905–1907 гг. такие необычные формы. По данным энциклопедии “Политические партии России” (1996), в период первой российской революции в стране действовало не менее 100 партий и 25 союзов, организаций и течений консервативной, либеральной и социалистической ориентации, что намного превосходило соответствующие показатели по другим странам»¹.

В этой связи понятно, почему после опубликования царского Манифеста 17 октября 1905 г., своим первым пунктом разрешившим создание союзов, в России были созданы десятки либеральных партий.²

Однако самыми крупными, всероссийскими стали только две: конституционно-демократическая партия (решением второго съезда от 5–11 января 1906 г. к этому названию было добавлено: «Партия Народной Свободы») и «Союз 17 октября»⁴.

Либеральное движение на практике опробовало все возможные в Российской империи формы воздействия на власть с целью донести до нее свои идеи, программные установки: от прямого обращения к царю и публикации своих политических платформ в нелегальной, в том числе зарубежной социалистической печати, до создания общественных полуправовых организаций⁵. Однако полностью обнародовать свои политические программы и познако-

---

¹ Тютюкин, С. В. Политическое пробуждение России на рубеже XIX–XX веков [Текст] / С. В. Тютюкин // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 79.

² См., например: Первый штурм. М., 1990. С. 409–649.

³ Там же. С. 478.

⁴ Организационное оформление партии произошло на 1 съезде 8–12.02.1906 г. в Москве. – См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1986. С. 579.

⁵ См., например: Зорькин, В. Д. Чичерин [Текст] / В. Д. Зорькин. М., 1984. С. 83; Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С. 33–39.

мить с ними русское общество либералы смогли только после 17 октября 1905 г., когда появилась легальная, разрешенная законом, возможность партийной деятельности¹.

Как утверждает А. В. Тыркова-Вильямс, член ЦК партии конституционных демократов: «Свою доктрину партия строила на тогдашней либеральной европейской правовой науке, которая доводила до логического завершения либеральные идеи XVIII и XIX вв. Кадеты горели пафосом либеральным, как левые пафосом социалистическим. Маклаков в своих воспоминаниях с усмешкой называет это «мистикой конституции». Довольно меткая характеристика кадетского романтизма»².

Программа конституционно-демократической партии, принятая учредительным съездом, в своей основе имела программный документ «Союза освобождения»³. Она состояла из восьми разделов, первый из которых именовался «Основные права граждан».

Выступая перед делегатами учредительного съезда, П. Н. Милюков утверждал, что «наша программа – наиболее левая из всех, какие предъявляются аналогичными нам политическими группами западной Европы». С такой оценкой можно согласиться, если лидер партии подразумевал первый раздел программы, посвященный основным правам граждан.

Необходимо также отметить, что программа партии не подразделялась, как, например, у социал-демократов, на две части: минимум и максимум. Разъясняя причины этого, член ЦК партии кадетов и один из ее основателей, П. И. Новгородцев утверждал: «Партия Народной Свободы, стоящая на почве современной науки и современной философии... не может иметь программу-максимум как начертание конечного идеала, потому, что с научной точки зрения это невозможно. Идеал конечного земного рая, который завершает суще-

---

¹ О правовых основах российской многопартийности в начале XX в. см.: Пономарев Е.Г. Политико-правовые основы многопартийности в Российской империи и особенности перехода к однопартийной системе (Историко-правовой анализ) [Текст]: Автореф. дис ... докт. юрид. наук / Е. Г. Пономарев. Нижний Новгород, 2000. С. 16–17.

² Тыркова-Вильямс, А. В. На путях к свободе [Текст] / А.В.Тыркова-Вильямс. Лондон, 1990. С. 388.

³ См.: Спирин, Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) [Текст] / Л. М. Спирин. М., 1977. С. 109.

ствование человечества в пределах его истории каким-то блаженным веком, где все противоречия сглажены и устранены, где люди наслаждаются полным счастьем – да ведь это полное противоречие тому, о чем нам говорит современная философия, и современная наука. Это прежде всего стоит в противоречии с эволюционизмом современной мысли, с идеей о бесконечном развитии всего существующего»¹.

По мнению авторитетного правоведа, задача либеральной партии состояла не в том, чтобы создавать несбыточные и нереализуемые программы, а в том, чтобы обозначить реальные возможности решения существующих социальных проблем. «Мы не тешим себя мыслью о возможности гармонического существования, писал он, – о возможности полного устранения всех жизненных противоречий. Мы исходим из другого убеждения, что самое главное в общественном прогрессе – обозначение условий беспрепятственного и бесконечного развития»².

С этой точки зрения программа партии кадетов не только была самой левой, радикальной среди европейских либеральных партий, но и самой научной, поскольку не стремилась определить строгие социально-экономические рамки будущего.

Программа декларировала (ст. 1), что все граждане России равны перед законом, независимо от конфессиональной, национальной, половой и сословной принадлежности. Провозглашалась свобода совести и вероисповедания (ст. 2). Программа содержала требование отделения церкви от государства и запрета на преследование за религиозные убеждения, свободы отправления религиозных обрядов, распространения вероучений, «если только совершаемые при этом действия не заключают в себе каких-либо общих проступков, предусмотренных уголовными законами»³.

---

¹ Новгородцев П. И. Идеалы партии Народной Свободы // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 288.

² Новгородцев П. И. Идеалы партии Народной Свободы. С. 289.

³ См.: Первый штурм. М., 1990. С. 466.

Основное внимание программа уделяла политическим правам и свободам. В их числе провозглашались: свобода мысли и слова, печати, собраний, союзов, петиций, отмены цензуры (ст. 3–6)¹.

Особое значение программа придавала таким личным правам, как неприкосновенность личности и жилища, свобода передвижения, включая свободу выезда за границу и отмену паспортной системы. Предполагалось, что все права граждан «должны быть введены в основной закон Российской империи и обеспечены судебной защитой»².

Программа в соответствии с либеральной традицией придавала серьезное значение судебной защите прав и свобод граждан. В ней был предусмотрен специальный раздел, посвященный суду.

Предлагалось упразднить «все отступления от судебных уставов 20 ноября 1864 года, устанавливающих отделение судебной власти от административной (несменяемость, независимость и гласность суда и равенство всех перед судом)»³. Были также намечены меры, позволяющие создать действительную независимость суда, а в перспективе сформировать судебную власть⁴.

В ст. 28 содержалось требование отмены смертной казни «безусловно и навсегда»⁵. Тем самым программа, хотя и косвенно, признавала важнейшее из прав человека – право на жизнь.

Программа конституционных демократов предполагала, что партия будет бороться не только за соблюдение и гарантированное обеспечение личных и политических прав граждан, но и выдвигала ряд экономических требований (V–VII разделы программы), а также предложений по совершенствованию народного просвещения⁶. В частности ст. 58 содержала революционное и в то же время жизненно необходимое для России начала XX в. требование всеобщего, бесплатного и обязательного обучения в начальной школе⁷.

---

¹ См.: Там же.

² См.: Там же. С. 466–467.

³ См.: Там же. С. 469–470.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же. С. 470.

⁶ См.: Там же. С. 470–472.

⁷ См.: Там же. С. 472.

В целом программа конституционных демократов была направлена на создание в России буржуазного общества с развитой экономикой, где гражданам гарантируются основные права и свободы. Вместе с тем, исходя из политических собраний (программа создавалась во время октябрьской политической забастовки, парализовавшей страну) ее авторы обошли вопрос о форме государственного устройства и тем самым о политических гарантиях основных прав граждан¹.

Однако многие юристы, входившие в кадетскую партию или разделявшие ее программные принципы, считали, что Манифест 17 октября 1905 г. предрешил переход России от абсолютной монархии к конституционной. Так, известный государствовед Н. И. Лазаревский считал, что после издания Манифеста и созыва первой Государственной думы абсолютизм, как форма власти, перестал существовать. Он писал: « Так как понятие неограниченности есть понятие абсолютное, не допускающее степеней, то власть, ограниченная в каком-либо отношении (в делах законодательства), уже не может признаваться вообще неограниченной». Подобную точку зрения разделяли Б. Э. Нольде, Ф. Ф. Кокошкин, Н. И. Палиенко и другие русские юристы².

Являясь сторонниками унитарного государства, конституционные демократы, не признавали принцип права наций на самоопределение, оградившись равноправием наций и культурной автономией. Право на административную автономию признавалось только за Польшей и Финляндией³. Позднее, в советской исторической науке, партию конституционных демократов обвиняли в стремлении насадить в России буржуазный строй, «что было прогрессивным по сравнению с самодержавным государством и одновременно реакционным по отношению к задачам, которые предстояло решить революции, ибо программа

---

¹ См.: Там же. С. 468.

² См.: Лузин В. В. К вопросу о форме правления в России в начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1994. № 1. С. 72.

³ См.: Там же. С. 468–469.

затемняла сознание народа конституционными иллюзиями, отвлекала его от революционных методов борьбы»¹.

На правом крыле российского либерального движения находилась партия «Союз 17 октября», созданная на I-ом съезде 8-12 февраля 1906 г. в Москве. Позднее к «Союзу 17 октября» присоединились Торгово-промышленная партия, Партия правового порядка, Конституционно-монархический правовой союз и др.²

В основу партийной программы было положено воззвание «Союза 17 октября». В нем имелся раздел «Обеспечение гражданских прав». К ним октябристы относили свободу вероисповеданий, слова, печати, собраний и союзов, свободу передвижения, выбора места жительства и рода занятий³.

Новым, по сравнению с кадетской программой, было провозглашение октябристами прав, расширяющих экономическую независимость граждан: обеспечение свободы труда, промышленности, торговли, свободы приобретения собственности и распоряжения ею⁴. Декларировались и такие личные права, как «неприкосновенность личности, жилища, переписки, собственности граждан»⁵.

Все гражданские права должны были получить правовую, судебную защиту.

В духе классического русского либерализма программа предлагала решить вопрос о форме государственного правления. Российская империя должна стать конституционной монархией. Однако народное представительство не получало законодательной власти, а лишь законосовещательную, как то и предлагалось в Манифесте 17 октября 1905 г.⁶ Фактически октябристы в своей программе отразили ситуацию, сложившуюся в стране.

Серьезное значение имело распространение принципа правового равенства на крестьянство. С этой целью программа предлагала отменить исключи-

---

¹ Спирин, Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) [Текст] / Л. М. Спирин. М., 1977. С. 112.

² См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1986. С. 579.

³ См.: Первый штурм. М., 1990. С. 482.

⁴ См: Там же.

⁵ См: Там же.

⁶ Первый штурм. М., 1990. С. 481–482.

тельные законоположения, принижающие податные сословия, административную опеку и признать мирское землевладение институтом гражданского права.¹

В целом программа октябристов выступала за обычный либеральный набор личных прав и свобод. Однако приверженность партии к сохранению самодержавия, хотя и именуемого конституционной монархией, делала возможность их реализации проблематичной.

Наряду с конституционно-демократической партией и «Союзом 17 октября», основными, наиболее крупными и влиятельными либеральными партиями, в Российской империи существовало значительное число более мелких. Они возникли сразу же после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г., как правило, с целью более четкого определения политической позиции их лидеров, не желавших примыкать ни к правому, ни к левому крылу либерального движения, а также, для более полного и сознательного выражения профессиональных, экономических или этнических интересов. Отмеченные особенности отражались, прежде всего, в названиях подобных партий и лишь потом, в программных документах. Перечислим лишь некоторые из них: партия мирного обновления, партия правового порядка, партия свободомыслящих, конституционно-монархическая партия рабочих, союз мирного обновления, умеренно-прогрессивная партия, партия демократических реформ, торгово-промышленная партия, Украинская демократическая партия и т.д.²

Большинство мелких либеральных партийных организаций создавалось в том числе и для участия в предвыборной компании в Государственную думу, а затем либо входили в состав двух основных партий (кадетов или октябристов), либо распались и прекращали свое существование³.

Одной из таких «предвыборных» партий можно считать партию демократических реформ (она имела и второе название – «Партия Народного Благоден-

---

¹ См.: Там же. С. 483.

² См.: Первый штурм. М., 1990. С. 190–629. В этом сборнике опубликованы программы большинства либеральных партий России (Прим. авт.).

³ См. подробнее об этом: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1986. С. 418–419, 424–426, 428–430.

ствия»). В ее состав входили известные петербургские ученые, профессора К. П. Боклевский, А. Г. Гусаков, И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский и др.¹

В программе партии имелся раздел «Права граждан». В нем выдвигались требования обеспечения основных личных прав граждан, а также их гарантий при помощи судебной защиты². В программе, более подробно по сравнению с другими либеральными партиями, оговаривались права в области образования. Так, декларируя, вслед за кадетами, необходимость всеобщего, бесплатного и обязательного начального обучения, программа настаивала на отмене сословно-конфессиональных ограничений при поступлении в школу, а также на праве женщин получать образование в высших учебных заведениях³.

Депутатами партии в 1-й Думе стали М. М. Ковалевский, В. Д. Кузьмин-Караваев, В. К. Федоровский⁴. Ни в I-й, ни во II-й Думе партия не имела самостоятельной фракции. Сотрудничала с конституционными демократами. В 1906 г. партия объединилась с умеренно-прогрессивной партией под общим названием партия народного обновления. К концу 1907 г. партия перестала существовать⁵.

Для всех либеральных партий большое значение имели выборы в первую Государственную думу. Помимо политизации населения страны, они выявили глубокое противоречие между теоретическими принципами либерализма и реальностями российской действительности. Получив большинство депутатских мест в I-й Думе, партия кадетов не смогла ни разработать долговременную политическую стратегию, направленную на достижение своих программных целей, ни закрепить свои позиции, распространить свое влияние среди избирателей. Милюков считал, что причиной этому стало противоречие между высокими социальными ожиданиями масс и законодательным ограничением принципа народного представительства. Дальнейшая поляризация политических сил при-

---

¹ Спирин, Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) [Текст] / Л. М. Спирин. М., 1977. С. 550–555.

² См: Там же. С. 556.

³ Спирин, Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) [Текст] / Л. М. Спирин. М., 1977. С. 557.

⁴ Первый штурм. М., 1990. С. 555.

⁵ См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1986. С. 418–419.

вела к ослаблению социальной базы либеральных партий. «Либеральная стратегия преобразования страны, – полагает А. Н. Медушевский, – имела в этих условиях ограниченные шансы реализации: она все больше зависела не столько от социальной поддержки на выборах, сколько от политических коалиций с другими партиями, с одной стороны, и изменением политики правительства – с другой... Значение либерализма в этих условиях состоит прежде всего в объективном анализе ситуации, разработке научной концепции разрешения кризиса, разъяснении невозможности простых решений сложных проблем»¹. Неолибералам так и не удалось разрешить поставленные политической практикой проблемы, существующие внутривнутрипартийные разногласия².

Хотя исследование политической деятельности либеральных партий Российской империи выходит за рамки исследования, необходимо отметить, что она, как правило, ограничивалась стенами Государственной думы и выступлениями в прессе. Попытка, пожалуй, единственная, вступить в открытую конфронтацию с властью после роспуска I-й Думы с прямым обращением к народу (Выборгское воззвание 10 июля 1906 г.), окончилась для конституционных демократов неудачей³.

До Февральской революции 1917 г. либеральные партии активно участвовали в работе Государственной думы, сотрудничали с правительством по большинству обсуждаемых вопросов, особенно во время Первой мировой войны⁴.

Партия октябристов свою работу вне Думы прекратила к 1915 г.⁵ Конституционно-демократическая партия также к началу 1917 г. утратила свое влияние в массовом общественном движении⁶.

---

¹ Медушевский, А. Н. Неолиберальная концепция конституционных кризисов в России [Текст] / А. Н. Медушевский // П. Н. Милуков: историк, политик, дипломат. Материалы международной конференции. М., 2000. С. 109–110.

² См.: Там же. С. 110–112.

³ См. подробнее об этом: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 97; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 60–61.

⁴ См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1986. С. 579–580.

⁵ См.: Там же. С. 267–273.

⁶ См.: Думова, Н. Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции [Текст] / Н. Г. Думова. М., 1988. С. 74–93.

Итак, в начале XX в. неолибералы предприняли попытку реализации своих теоретических и политических установок: были созданы политические организации, разработаны программы, принималось активное участие в выборах и иных политических мероприятиях. Неолибералы предложили свою концепцию разрешения социальных конфликтов правовым путем, оставаясь приверженцами базовым принципам классического либерализма, в частности, идеям гражданского общества и правового государства. Основой ее содержания стала идея о конституционной революции, осуществляемой под давлением широких социальных слоев. В качестве наиболее приемлемой формы правления фигурировала парламентская монархия, способная создать единое и сильное государство, разрешать социальные конфликты правовым путем. Однако реализовать свою концепцию неолибералам так и не удалось, как по причинам отсутствия внутрипартийного единства, сокращению социальной базы, так и в силу чрезмерной радикализации общественных настроений в 1917 г.

Заключение

Изучение политико-правовой доктрины российского либерализма во второй половине XIX – начале XX века, ее содержания и особенностей формирования, их политических программ и практики, изучение и анализ опубликованных работ, позволяют сделать определенные выводы.

Во второй половине XIX века в России была сформирована политико-правовая доктрина российского либерализма. У истоков ее создания находились такие выдающиеся правоведы, К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин.

Российский либерализм и его политико-правовая доктрина существенно отличались от европейских образцов. Их сравнительный анализ показывает, что практически по всем основным пунктам российская разновидность либерализма отличалась от классического европейского либерализма. Начиная от отношения к монархии и заканчивая отношением к собственности, она не соответствовала европейским канонам. По сути, единственным объединяющим пунктом, да и то с оговорками, с учетом российской специфики являлось отношение к проблеме прав человека и свободе, как важнейшим либеральным ценностям. Такой подход к классическим либеральным ценностям не был случайным, а являлся отражением длительного процесса осмысления российской действительности. В частности, понимания того обстоятельства, что в России в условиях абсолютизма без революционного преобразования общества, которое отечественные либералы принципиально отвергали, другой реально достижимой цели, кроме обеспечения личных прав, попросту не было. К тому же многовековая история страны с крепостным правом, всевластием самодержавия, засильем бюрократизма и грубым нарушением прав личности, вполне объясняли выбор либералами в качестве главного приоритета права личности, обеспечение условий ее свободного развития.

Однако различия с европейским либерализмом, давшие повод говорить даже о том, что его российская разновидность либерализмом не является, на самом деле свидетельствовали о научной и политической прозорливости ранних либералов в России. Их стремление отказаться от простого копирования, клиширования европейских эталонов, было основано на строгом учете исторических, политических и социальных особенностей России. Было понимание, что в стране вчера освободившейся от крепостничества, с абсолютной монархией и повальным правовым нигилизмом, нельзя, невозможно создать европейский политический и правовой порядок. В выявлении, понимании, осмыслении и учете этих тенденций в развитии страны состоит огромная научная заслуга ранних российских либералов.

Российский либерализм по определению не мог быть европейским. Однако те элементы, те составные части, которые составили ядро его политико-правовой доктрины, являлись либеральными и по содержанию и по целям.

Вместе с тем, российский либерализм, в отличие от европейского, канонического, формировался своим особым путем. Особенности формирования были вызваны, прежде всего, тем, что условия не только для массового распространения, но и тем более формирования либеральных идей, их философского осмысления в России сложились гораздо позднее, чем в Европе. Да и сама российская действительность с экономической, социальной и гуманитарной точек зрения существенно отличалась от европейской.

Поэтому зачастую либеральные идеи представлялись явлением чужеродным, занесенными на российскую почву, совершенно для них неподготовленную. Изучение процесса и особенностей их распространения показало, что, действительно, огромную роль в этом процессе сыграло как само самодержавие, так и высшая придворная аристократия, служилая образованная бюрократия. Именно высшие слои российского общества, его политическая элита, внесли наиболее существенный вклад в распространение либерализма в общественном сознании, превращению его в часть, пусть не самую важную, менталитета.

В условиях, когда любая политическая деятельность, право на инакомыслие принадлежали исключительно самодержавной власти, ее вклад в распространение либерализма, поистине неоценим. Начиная с Петра I и заканчивая Николаем II, российское самодержавие являлось главным и наиболее успешным пропагандистом либеральных идей в России.

Однако, несмотря на отрицательное отношение в русском обществе ко всему, что исходит от власти, что ею навязывается и распространяется, либерализм был положительно воспринят достаточно широкими слоями образованной России, ее дворянством, интеллигенцией, бюрократией, военными.

Тем не менее, либерализм, несмотря на его популярность у образованной части русского общества, так и не стал в силу исторической специфики национальной истории и социального менталитета, программой и ориентиром общественных преобразований. Помимо присущих либерализму внутренних, родовых особенностей и недостатков, его распространению помещали такие национальные особенности российской действительности, как правовой нигилизм, поразивший русское общество, революционное нетерпение масс, желавших изменений немедленно, без учета жизненных реалий. Однако уже с конца XVIII века либерализм стал неотъемлемой частью российской интеллектуальной и политической жизни.

Важной особенностью распространения либеральных идей являлось активное участие в этом процессе университетской профессуры. Российские университеты в XIX веке стали наиболее активными распространителями и пропагандистами либеральных идей. Из вузовской среды вышли наиболее известные теоретики российской разновидности либерализма, а также политические деятели, такие как К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, П. Н. Милюков, Б. А. Кистяковский, Н. М. Коркунов и др.

Их трудами и создано то философское, правовое и политическое мировоззрение, получившее наименование политико-правовой доктрины российского либерализма. При всем ее отличии от европейских образцов она являлась и либеральной, и правовой, и доктриной. Ее самое существенное отличие от ев-

ропейских образцов состояло в том, что, признавая либеральные ценности и идеи, считая их базовыми, основополагающими, российские либералы понимали, что ни власть, ни страны не готовы к созданию либерального общества. Поэтому, разрабатывая либерализм в теории, российские либералы на практике придерживались тактики эволюционного изменения общества, отрицая любые насильственные, революционные действия. Однако эволюционные изменения должны быть контролируемы, насколько это было возможно в самодержавной России, и осуществляться по либеральному плану с ведома и под руководством самодержавной власти.

Определенная политическая несочетаемость, теоретическая несогласованность российской либеральной доктрины с европейскими либеральными принципами вполне очевидна. Однако в российских условиях иначе не могло быть, поскольку иная тактика и теория привели бы российских либералов в лагерь радикальной оппозиции, что противоречило их политическим принципам. Быть в центре, как показала российская практика, оказалась не только непосильной, но и невыполнимой задачей. Пока шли теоретические поиски и исследования, формирование политических программ и партий удавалось находиться в политическом центре. Когда же в стране стала возможной практическая политика, начались революции, с центризмом было покончено, и российский либерализм в короткое время утратил свой политический авторитет и влияние.

Формирование политико-правовой доктрины российского либерализма прошло несколько основных этапов. В ходе исследования удалось выявить три таких этапа. На каждом из них происходили понимание и конкретизация целей и задач либеральной доктрины, разработка ее основополагающих принципов.

Если для первого этапа были характерны поиски путей либерализации страны и осознание неприменимости европейского классического либерализма для России, понимание необходимости создания собственной разновидности отечественного либерализма, то на втором этапе началось интенсивное создание и развитие российской доктрины либерализма, как учения, отстаивающего свободу человеческой личности, эволюционный путь развития государства и

сохранения самодержавной власти. На третьем, завершающем этапе формирования политико-правовой доктрины, либералам стало ясно, что их идеи неприемлемы для общества. Идеологию либерализма отказались воспринять не только самодержавная власть, но и большая часть российского общества. Либералы же были по-прежнему убеждены в правильности предлагаемой ими обществу доктрины, считали ее реализацию спасением России от революции, средством сохранения национального государства и самобытности. Возникшее в конце XIX – начале XX вв. противоречие так и не удалось преодолеть.

Особенностью формирования российской политико-правовой доктрины являлось то, что длительное время (практически до начала XX вв. и революции 1905 г.) она развивалась главным образом как теория, либеральное учение по форме и не распространялась за пределы небольших групп единомышленников, кружков, научных и студенческих аудиторий. Причем никаких попыток, за исключением небольшого периода в конце XIX в., расширить сферу воздействия либеральных идей на общество не предпринималось. В том числе и потому, что либералы слишком большие надежды возлагали на реформаторский потенциал самодержавия, правительства и российского дворянства. Время показало несостоятельность подобных надежд.

В конце XIX – начале XX вв. российские либералы предприняли попытки по политическому оформлению своей доктрины, приданию ей практического характера. Однако это оказалось совсем непростым делом. И не только потому, что опыта создания конкретных политических программ у них не было. Отсутствовал необходимый опыт по созданию политических движений и партий и, как выяснилось, социальная база либерализма в России находилась в стадии формирования. Выяснился достаточно неприятный для отечественных либералов, но реально существующий факт: быть либералом невыгодно не только для представителей служилой бюрократии, но и для буржуазии, составлявшей по их представлениям ядро, социальную базу либерализма. Однако по-прежнему только студенчество, часть университетской профессуры, интеллигенции раз-

деляли либеральные идеи. И это обстоятельство не смогли изменить даже революции, потрясшие страну в начале XX века.

В известном смысле либерально-правовая доктрина оказалась преждевременной, неостребованной. Теория опередила практику, естественное развитие социально-экономических процессов в стране. Сказалась давно известная неразвитость России в экономической и интеллектуальной сфере.

Российские либералы, отчетливо сознавая специфику развития страны, пытались преодолеть существующие противоречия, расширить свою социальную базу при составлении партийных программ для созданных в начале XX в. либеральных партий.

В ходе первой русской революции либералы создали множество политических партий. Организационно большинство из них оформились после опубликования самодержавного манифеста от 17 октября 1905 г. Наиболее крупными из них были партия конституционных демократов (кадеты) и «Союз 17 октября» (октябристы). Партии в своих программах и политической деятельности пытались отражать интересы российской буржуазии и либерально настроенной интеллигенции, провозглашая при этом себя выразителями интересов всего народа. Политическая деятельность либеральных партий происходила в рамках царского законодательства.

Попытки либералов решать провозглашенные в программах задачи, оказались малоэффективными. Государственная дума, различные союзы и объединения, не позволяли решать экономические, социальные и политические проблемы, стоящие перед страной в начале XX века.

В ходе первой мировой войны произошла радикализация политических идей и программ либералов, что, с одной стороны, свидетельствовало об их отказе от своей доктрины, а с другой – признании ее несостоятельности для России во время переживаемых ею военных и социальных катаклизмов.

В начале двадцатого столетия начался процесс утраты доверия к либеральной доктрине. Он приобрел достаточно широкий размах и выразился в потере либералами своей и без того достаточно узкой социальной базы.

Тем не менее, следует признать, что либеральная доктрина российского либерализма волею обстоятельств задвинутая на периферию отечественной правовой и политической мысли, не утратила своей привлекательности и притягательности. В новых условиях она продолжала не только существовать, но и совершенствоваться. Продолжался процесс осмысления допущенных ошибок и углубления ее содержания, адаптации к изменившимся политическим условиям.

В конце XX века вновь предпринималась попытка, не совсем удачная, либерализации России. Проблема, однако, заключалась в том, что к либеральной доктрине в нашей стране, как правило, прибегают во времена кризисов, общественной нестабильности, как к лекарству от социальных потрясений. Вместо того чтобы стремиться к превращению либерализма, его правовых и политических идей в неотъемлемую и неотчуждаемую часть менталитета, осуществлению его социализации. Поэтому до сих пор либерализм, его политико-правовая доктрина вызывают неприятие, негативное отношение у большинства населения страны. Причем до такой степени, что позволяет вспомнить крылатую фразу французского социолога С. Бугле: «Умер и погребен». Социологические исследования общественного мнения также показывают отсутствие в современной России широкого общественного слоя, поддерживающего идеологию либерализма.

Однако проблема состоит не в том, что либерализм непригоден для России, а в отсутствии по-прежнему объективных предпосылок для внедрения в общественное сознание либеральной модели социально-экономического развития страны и построения на ее основе правового государства. Кроме того, представляется необходимым формирование правового сознания и соответствующих ему ценностных ориентаций у социальных групп, включенных в преобразовательные процессы.

Практика показала, что мало провозгласить себя либералом, создать политическую программу, осуществить либеральные, или провозглашенные таковыми, преобразования, необходимо еще и убедить большинство населения

страны в правильности и эффективности этих идей. Что возможно только одним путем: правильным учетом общественных интересов. В связи с этим становится совершенно очевидной теоретическая правота ранних русских либералов, убежденных в том, что без государства, его позитивного воздействия на все общественные процессы никакие, в том числе либеральные, преобразования в России невозможны. Поэтому задача заключается в либерализации государства и оптимизации его отношений с обществом.

Библиографический список

1. Официальные документы и нормативные акты

1. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. За пятьдесят лет. Часть первая. Устав гражданского судопроизводства, дополненный законоуложением 1866 г. Об охранительном судопроизводстве 1866 г. – Пг., 1914. – 786 с.

2. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений на коих они основаны. Часть вторая. Устав уголовного судопроизводства. – СПб., 1866. – 504 с.

3. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений на коих они основаны, изданные государственною канцелярией. Часть третья. Учреждение судебных установлений. – СПб., 1867. – 567 с.

4. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений на коих они основаны, изданные государственною канцелярией. Часть четвертая. О наказаниях, налагаемых мировыми судьями. – СПб., 1867. – 200 с.

5. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений на коих они основаны, изданные государственною канцелярией. Часть пятая. Мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 11 октября 1865 г. – СПб., 1867. – 178 с.

6. Об усовершенствовании государственного порядка. Высочайший манифест от 17 октября 1905 года // Государственная дума в России. В документах и материалах. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – С. 90–91.

7. Об изменении положения о выборах в Государственную думу. Именной высочайший указ правительствующему Сенату от 11 декабря 1905 года // Государственная дума в России. В документах и материалах. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – С. 94–102.

8. О переустройстве учреждения Государственной думы. Именной высочайший указ правительствующему Сенату от 20 февраля 1906 года // Государственная дума в России. В документах и материалах. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – С. 104–114.

9. Учреждение Государственной думы. Введено высочайшим указом от 20 февраля 1906 года // Государственная дума в России. В документах и материалах. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – С. 115–123.

10. Государственная дума в России. В документах и материалах. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 646 с.

11. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг.. В 6 т. Т. 1. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1994. – 527 с.

12. Положение о выборах в Государственную думу // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. документов. – М.: Гардарики, 2001. – С. 163–208.

13. Основные положения законопроекта о свободе совести (12 мая 1906 г.) // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. док. – М.: Гардарики, 2001. – С. 300–301.

14. Проект закона о печати (4 июля 1906 г.) // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. документов. – М.: Гардарики, 2001. – С. 302–308.

15. Проект закона о собраниях (30 мая 1906 г.) // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. документов. – М.: Гардарики, 2001. – С. 309–313.

16. Проект закона о союзах (1 июня 1906 г.) // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. документов. – М.: Гардарики, 2001. – С. 314–318.

17. Закон о неприкосновенности личности (15 мая 1906 г.) // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. документов. – М.: Гардарики, 2001. – С. 320–323.

18. Закон об отмене смертной казни (18 мая 1906 г.) // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. документов. – М.: Гардарики, 2001. – С. 328–338.

19. Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. документов. – М.: Гардарики, 2001. – 489 с.

20. Законопроект о преобразовании местного суда // Русский конституционализм в период думской монархии: Сб. документов. – М.: Гардарики, 2003. – С. 214–229.

21. Законодательные предложения партии Народной Свободы // Русский конституционализм в период думской монархии: Сб. документов. – М.: Гардарики, 2003. – С. 422–490.

22. Русский конституционализм в период думской монархии: Сб. документов. – М.: Гардарики, 2003. – 492 с.

II. Работы российских либеральных правоведов, философов и политиков

1. Антология мировой правовой мысли. В пяти томах. Т. V. Россия, конец XIX–XX в. – М.: Мысль, 1999. – 814 с.

2. Бердяев, Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: Сварог, 1997. – 537с.

3. Бердяев, Н. А. О назначении человека [Текст] / Н. А. Бердяев; Сост. Л. И. Греков, А. П. Поляков; П. П. Гайденок и др. – М.: Республика, 1993. – 383 с.

4. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии [Текст] / Н. А. Бердяев // Царство Духа и царство Кесаря. – М.: Республика, 1995. – 375 с.

5. Бердяев, Н. А. Философия свободы [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: «АСТ», 2002. – 733 с.
6. Гессен, В. М. О правовом государстве [Текст] / В. М. Гессен // Антология мировой правовой мысли. В пяти томах. Т.V. Россия конец XIX–XX в. – М.: Мысль, 1999. – С. 288–292.
7. Кавелин, К. Д. Письмо к издателю [Текст] / К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – С. 21–37.
8. Кавелин, К. Д. Злобы дня [Текст] / К. Д. Кавелин // Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М.: Изд-во Правда, 1989. – С. 489–540.
9. Ковалевский, М. М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности (глава из истории прогресса) [Текст] / М. М. Ковалевский // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. – М.: Мол. гвардия, 1991. – С. 269–293.
10. Ковалевский, М. М. Русская конституция [Текст] / М. М. Ковалевский // Антология мировой правовой мысли. В пяти томах. Т.V. Россия, конец XIX–XX в. – М.: Мысль, 1999. – С. 292–298.
11. Ковалевский, М. М. Учение о личных правах [Текст] / М. М. Ковалевский // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – С. 168–314.
12. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права [Текст] / Н. М. Ковалевский. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 430 с.
13. Котляревский, С. А. Предпосылки демократии [Текст] / С. А. Ковалевский // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – С. 215–239.
14. Миллюков, П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т.1. [Текст] / П. Н. Миллюков. – М.: Современник, 1990. – С. 265–267.
15. Новгородцев, П. И. Б. Н. Чичерин [Текст] / П. И. Новгородцев // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 575–579.
16. Новгородцев, П. И. Об общественном идеале [Текст] / П. И. Новгородцев. – М.: Изд-во Пресса, 1991. – 639 с.

17. Новгородцев, П. И. Восстановление святынь (Посвящается памяти В. Д. Набокова) [Текст] / П. И. Новгородцев. – М.: Изд-во Пресса, 1991. – С. 559–580.
18. Новгородцев, П. И. Демократия на распутьи [Текст] / П. И. Новгородцев // Об общественном идеале. – М.: Изд-во Пресса, 1991. – С. 540–558.
19. Новгородцев, П. И. Идеалы партии Народной Свободы [Текст] / П. И. Новгородцев // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – С. 284–309.
20. Новгородцев, П. И. Идея права в философии Вл. Соловьева [Текст] / П. И. Новгородцев. – М.: Изд-во Пресса, 1991. – С. 525–539.
21. Новгородцев, П. И. Историческая школа юристов [Текст] / П. И. Новгородцев. – СПб.: Лань, 1999. – 192 с.
22. Новгородцев, П. И. Кризис современного правосознания [Текст] / П. И. Новгородцев. – М., 1909. – 393 с.
23. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. I. [Текст] / Л. И. Петражицкий. – СПб., 1907. – 656 с.
24. Соловьев, В. С. Определение права в его связи с нравственностью [Текст] / В. С. Соловьев // Власть и право: Из истории русской правовой мысли. – Л.: Лениздат, 1990. – С. 100–114.
25. Соловьев, В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики [Текст] / В. С. Соловьев // Хрестоматия по истории политических и правовых учений России (XIX – начало XX вв.). – Уфа: Уфимская высшая школа МВД РФ, 1993. – С. 75–78.
26. Струве, П. Б. О мере и границах либерального консерватизма [Текст] / П. Б. Струве // Полис. – 1993. – № 4. – С. 131–134.
27. Струве, П. Б. Социальный либерализм [Текст] / П. Б. Струве // Избранные сочинения. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 412–413.
28. Струве, П. Б. Б. Н. Чичерин и его место в русской образованности и общественности [Текст] / П. Б. Струве // О свободе. Антология мировой либе-

ральной мысли (I половина XX века). – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 580–590.

29. Трубецкой, Е. Н. Энциклопедия права [Текст] / Е. Н. Трубецкой. – СПб.: Изд-во юрид. ин-та, 1998. – 183 с.

30. Чичерин, Б. Н. Задачи нового царствования [Текст] / Б. Н. Чичерин // Тайный правитель России К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки 1866–1895. – М.: Русская книга, 2001. – 624 с.

31. Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки. Ч. II. Социология [Текст] / Б. Н. Чичерин. – М., 1896. – 433 с.

32. Чичерин, Б. Н. О народном представительстве [Текст] / Б. Н. Чичерин. – М., 1899. – 810 с.

33. Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки. Часть 1. [Текст] / Б. Н. Чичерин // История русской правовой мысли. Биографии, документы, публикации. – М.: Изд-во Остожье, 1998. – С. 26–97.

34. Чичерин, Б.Н. Общее государственное право [Текст] / Б.Н.Чичерин. – М.: Зерцало, 2006. – 536 с.

35. Чичерин, Б.Н. Различные виды либерализма [Текст] / Б.Н.Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – С. 38–51.

36. Чичерин, Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия [Текст] / Б.Н.Чичерин // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 503–574.

37. Чичерин, Б.Н. Конституционный вопрос в России [Текст] / Б. Н. Чичерин // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – С. 52–76.

38. Чичерин, Б.Н. Собственность и государство [Текст] / Б. Н. Чичерин. – СПб.: Изд-во РХГА, 2005. – 824 с.

III. Монографии и статьи

39. Абрамов, М. А. Судьбы либерализма в Европе и России: Взгляд Т. Масарика [Текст] / М. А. Абрамов, Э. Г. Лаврик // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 114–118.

40. Авдеева, Л. Р. Право и его философы в России: Б.А. Кистяковский [Текст] / Л. Р. Авдеева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – М., 1990. – № 3. – С. 38–47.
41. Аврелий, М. А. Размышления [Текст] / М. А. Аврелий. – Л.: Наука, 1995. – 246 с.
42. Аврех, А. Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития [Текст] / А. Я. Аврех // Вопросы истории. – 1989. – № 2. – С. 17–31.
43. Азаркин, Н. М. Этатистический либерализм эпохи великих реформ [Текст] / Н. М. Азаркин // Право и политика. – 2000. – № 9. – С. 6–14.
44. Аксенов, Г. П. Личность как основа либеральной идеи [Текст] / Г. П. Аксенов // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 217–225.
45. Алафаев, А. А. Полемика между либералами и народниками о путях развития России на рубеже 70–80-х годов XIX века [Текст] / А. А. Алафаев // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. – М., 1999. – С. 271–278.
46. Алафаев, А. А. Константин Дмитриевич Кавелин [Текст] / А. А. Алафаев, С. С. Секиринский // Российские либералы: Сб. статей. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 53–84.
47. Аленина, Л. М. Культурно-историческая роль права и государства в философии Г. Когена и П. И. Новгородцева [Текст] / Л. М. Аленина // Философия и жизненный мир человека. – Саратов: Изд-во СГУ, 2003. – 367 с.
48. Алиева, А. Л. Вопросы нравственности и права в религиозной философии Вл. Соловьева [Текст] / А. Л. Алиева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – М., 1999. – № 5. – С. 70–86.
49. Ананьич, Б. В., Ганелин, Р. Ш. М. П. Драгоманов и П. Н. Милюков о самоуправлении и федерализме [Текст] / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин // Рус-

ская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. – СПб.: Европейский дом, 1997. – 242 с.

50. Антонов, М. В., Поляков, А. В. Гурвич и русская постклассическая правовая мысль конца XIX – начала XX века [Текст] / М. В. Антонов, А. В. Поляков // Правоведение. – № 4. – 1985. – С. 131–164.

51. Аронсон, Г. Русский либерализм и революция [Текст] / Г. Аронсон // Свободная мысль. – 1992. – № 7. – С. 72–80.

52. Багдасаров, В. Ю. Права человека в Российской империи. Вопросы истории отечественной правовой мысли [Текст] / В. Ю. Багдасаров. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1996. – 122 с.

53. Березовая, Л. Г. Идея личности в русском либерализме: «камень веры» или «камень преткновения»? [Текст] / Л. Г. Березовая // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 140.

54. Будницкий, О. В. Василий Алексеевич Маклаков [Текст] / О. В. Будницкий // Российские либералы: Сб. статей. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 492–529.

55. Будницкий, О. В. Маклаков и Милюков: два взгляда на российский либерализм [Текст] / О. В. Будницкий // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 416–427.

56. Валицкий, А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века [Текст] / А. Валицкий // Вопросы философии. – 1991. – № 8. – С. 25–39.

57. Валлерстайн, И. После либерализма [Текст] / И. Валлерстайн. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.

58. Васильев, Б. В. Проблема общественного идеала философии права русского неолиберализма [Текст] / Б. В. Васильев // Философские науки. – № 8. – 2004. – С. 46–57.

59. Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 462 с.
60. Гнатюк, О. Л. Либерализм в России: основные этапы, идеи, особенности и перспективы [Текст] / О. Л. Гнатюк // Правоведение. – 1995. – № 6. – С. 86-95.
61. Гуревич, П. В. Лев Иосифович Петражицкий [Текст] / П. В. Гуревич // Правоведение. – 1971. – № 5. – С. 130–132.
62. Думова, Н. Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции [Текст] / Н. Г. Думова. – М.: Наука, 1988. – 246 с.
63. Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.) [Текст] / Н. Г. Думова. – М.: Наука, 1983. – 416 с.
64. Дякин, В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917) [Текст] / В. С. Дякин. – Л.: Наука, 1967. – 373 с.
65. Загородников, А. Н. Павел Милюков и западная историография о российском либерализме [Текст] / А. Н. Загородников // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 449–461.
66. Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России [Текст] / П. А. Зайончковский. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. – 292 с.
67. Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов. – М.: Ин-т государства и права АН СССР, 1986. – 153 с.
68. Зевелев, А.И., Свириденко, Ю.П., Павлов, Д.Б., Степанский, А.Д. Теоретико-методологические, историографические и археографические аспекты [Текст] / А. И. Зевелев, Ю. П. Свириденко, Д. Б. Павлов, А. Д. Степанский // Политические партии России: история и современность. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 5–66.
69. Зеньковский, В. В. История русской философии. В 2-х томах. Т. 1. [Текст] / В. В. Зеньковский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 544 с.

70. Зорькин, В. Д. Взгляды Б. Н. Чичерина на конституционную монархию [Текст] / В. Д. Зорькин // Вестник Московского университета. – 1969. – № 1. – С. 23.

71. Зорькин, В. Д. Из истории буржуазно-либеральной мысли России второй половины XIX – начала XX в. (Б. Н. Чичерин) [Текст] / В. Д. Зорькин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 172 с.

72. Зорькин, В. Д. Чичерин [Текст] / В. Д. Зорькин. – М.: Юрид. лит., 1984. – 112 с.

73. Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 298 с.

74. Из истории развития политико-правовых идей. – М.: Ин-т государства и права АН СССР, 1984. – 141 с.

75. История русской правовой мысли. Биографии. Документы. Публикации. – М.: Изд-во Остожье, 1998. – 603 с.

76. Итенберг, Б. С. Некоторые вопросы изучения русского либерализма XIX века [Текст] / Б. С. Итенберг // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 491–501.

77. Капустин, Б. Г. Начало российского либерализма как проблема политической философии [Текст] / Б. Г. Капустин // Полис. – 1994. – № 5. – С. 23–37.

78. Капустин, Б. Г. Три рассуждения о либерализме и либерализмах [Текст] / Б. Г. Капустин // Полис. – 1994. – № 3. – С. 15.

79. Капустин, Б. Г. Либеральные ценности в сознании россиян [Текст] / Б. Г. Капустин, И. М. Клямкин // Полис. – 1994. – № 1. – С. 68–92.

80. Карпович, М. М. Два этапа русского либерализма. Маклаков и Милюков [Текст] / М. М. Карпович // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – С. 387–407.

81. Киреева, Р. А. Государственная школа: историческая концепция К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина [Текст] / Р. А. Киреева. – М.: ОГИ, 2004. – 512 с.

82. Китаев, В. А. От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века) [Текст] / В. А. Китаев. – М.: Мысль, 1972. – 288 с.

83. Куприц, Н. Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.) [Текст] / Н. Я. Куприц. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 168 с.

84. Лаппо-Данилевский, А. С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени Смуты и до эпохи преобразований [Текст] / А. С. Лаппо-Данилевский // Полис. – 1994. – № 1. – С.180–181.

85. Левин, Ш. М. Очерки истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX века [Текст] / Ш. М. Левин. – Л.: Наука, 1974. – 442 с.

86. Левина, М. И. Первая российская декларация прав и свобод: мечты и реальность. (Историко-правовой аспект) [Текст] / М. И. Левина // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 139–140.

87. Лейкина-Свирская, В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах [Текст] / В. Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1981. – 284 с.

88. Ленин, В. И. Что делать? [Текст] / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 6. – С. 1–192.

89. Ленин В. И. Памяти Герцена [Текст] / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 255–274.

90. Леонтович, В. В. История либерализма в России. 1762–1914 [Текст] / В. В. Леонтович. – М.: Русский путь-Полиграфресурсы, 1995. – 549 с.

91. Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.

92. Локк, Дж. Два трактата о правлении [Текст] / Дж. Локк // Сочинения: В 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.

93. Лузин, В. В. К вопросу о форме правления в России в начале XX в. [Текст] / В. В. Лузин // Вестник Московского университета. Серия «Право». – 1994. – № 1. – С. 72.

94. Макушин, А. В., Трибунский П. А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904) [Текст] / А. В. Макушин. – Рязань, 2001. – 439 с.
95. Масарик, Т.Г. Либерализм (Из книги «Россия и Европа») [Текст] / Т.Г.Масарик // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 201–219.
96. Монтескье, Ш. Избранные произведения [Текст] / Ш. Монтескье. – М.: Госполитиздат, 1955. – 799 с.
97. Медушевский, А. Н. Неолиберальная концепция конституционных кризисов в России [Текст] / А. Н. Медушевский // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 95–101.
98. Медушевский, А. Н. Сергей Андреевич Муромцев// Российские либералы: Сб. статей [Текст] / А. Н. Медушевский. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 259–315.
99. Нарезный, А. И. П. Н. Милюков об истоках либерализма в России [Текст] / А. И. Нарезный // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 243–251.
100. Наше Отечество. Опыт политической истории. Часть 1. – М.: ТЕРРА, 1991. – 390 с.
101. Непролетарские партии России: Урок истории. – М.: Мысль, 1984. – 566 с.
102. Нерсисянц, В. С. Право и закон. Из истории правовых учений [Текст] / В. С. Нерсисянц. – М.: Наука, 1983. – 366 с.
103. Новикова, Л. Идеиные истоки русского либерализма [Текст] / Л. Новикова, И. Сиземская // Общественные науки и современность. – 1993. – № 3. – С. 124–135.
104. Новикова, Л. И. Три модели развития России [Текст] / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – М.: ИФРАН, 2000. – 272 с.
105. Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – 480 с.

106. О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 696 с.
107. Осипов, И. Д. Философия русского либерализма (XIX – начала XX в.) [Текст] / И. Д. Осипов. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – 192 с.
108. Победоносцев, К. П. Великая ложь нашего времени [Текст] / К. П. Победоносцев // Сочинения. – СПб., 1996. – С. 284.
109. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 699–700.
110. Поппер, К. Р. предположения и опровержения: Рост научного знания [Текст] / К. Р. Поппер. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 638 с.
111. Приленский, В. И. опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов [Текст] / В. И. Приленский. – М.: ИФРАН, 1995. – 312 с.
112. Пустарников, В. Ф. Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX – начала XX в.: различия и сходства [Текст] / В. Ф. Пустарников // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 11–27.
113. Рассел, Б. История западной философии [Текст] / Б. Рассел. – Ростов на/Д.: Изд-во «Феникс», 1998. – 992 с.
114. Рассел, Б. Мудрость Запада. Историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами [Текст] / Б. Рассел. – М.: Изд-во Республика, 1998. – 479 с.
115. Рейснер, М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология [Текст] / М. А. Рейснер. – СПб., 1908. – 240 с.
116. Рормозер, Г. Кризис либерализма [Текст] / Г. Рормозер. – М.: ИФРАН, 1996. – 298 с.
117. Российские либералы: Сб. статей / Под ред. Б. С. Итенберга и В. В. Шелохаева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 576 с.

118. Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 567 с.

119. Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II. Воспоминания Б. Н. Чичерина. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 254 с.

120. Рябова, Т. И. П. Б. Струве и идеал «Великой России» // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции [Текст] / Т. И. Рябова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 346–359.

121. Секиринский, С. С. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.) [Текст] / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. – М.: Памятники исторической мысли, 1995. – 286 с.

122. Сиземская, И. Новый либерализм в России // Общественные науки и современность [Текст] / И. Сиземская, Л. Новикова. 1993. – № 5. – С. 132–140.

123. Сиземская, И. Н. «Новый либерализм»: учение о правах человека и государственной власти [Текст] / И. Сиземская // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 209–216.

124. Спирин, Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). – М.: Мысль, 1977. – 366 с.

125. Спекторский, Е. В. Либерализм [Текст] / Е. В. Спекторский // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – С. 331–348.

126. Твардовская, В. А. Александр Дмитриевич Градовский [Текст] / В. А. Твардовская // Российские либералы: Сб. статей. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 123.

127. Тимофеев, Д. В. Конструирование либерально-консервативной системы ценностей в России в первой четверти XIX века как социокультурный феномен [Текст] / Д. В. Тимофеев // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 162–169.

128. Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с франц. [Текст] / Алексис де Токвиль. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.

129. Томсинов, В. А. Борис Николаевич Чичерин (1828–1904). Биографический очерк [Текст] / В. А. Томсинов // Чичерин Б. Н. Общее государственное право. – М.: Зерцало, 2006. – С. VII–XXX.

130. Тыркова-Вильямс, А. На путях к свободе [Текст] / А. Тыркова-Вильямс. – М.: Московская школа политических исследований, 1997. – С. 390.

131. Хайлова, Н. Б. Максим Максимович Ковалевский Н. Б. Хайлова // Российские либералы: Сб. статей. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 362.

132. Франк, С. Л. De profundis [Текст] / С. Л. Франк // Из глубины: сборник статей о русской революции. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 251–269.

133. Чаадаев, П. Я. Статьи и письма [Текст] / П. Я. Чаадаев. – М.: Современник, 1989. – 623 с.

134. Чернуха, В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. [Текст] / В. Г. Чернуха. – Л.: Наука, 1978. – 248 с.

135. Шапиро, И. введение в типологию либерализма [Текст] / И. Шапиро // Полис. – 1994. – № 3. – С.7.

136. Шацилло, К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация. Программы. Тактика [Текст] / К. Ф. Шацилло. – М.: Наука, 1985. – 347 с.

137. Шелохаев, В. В. Кадеты [Текст] / В. В. Шелохаев // Политические партии России: история и современность. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 151–168.

138. Шелохаев, С. В. Теоретические представления русских либералов-консерваторов начала XX века (Дмитрий Николаевич Шипов) [Текст] / С. В. Шелохаев // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 317–326.

IV. Учебная и справочная литература

139. Азаркин, Н. М. История юридической мысли России: курс лекций [Текст] / Н. М. Азаркин. – М.: Юрид. лит., 1999. – 528 с.
140. Азаркин, Н. М. Всеобщая история юриспруденции: курс лекций [Текст] / Н. М. Азаркин. – М.: Юрид. лит., 2003. – 608 с.
141. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: «Норинт», 2002. – 1536 с.
142. Исаев, И. А. История политических и правовых учений России IX–XX вв. [Текст] / И. А. Исаев, А. М. Золотухина. – М.: Юристъ, 1995. – 378 с.
143. История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. доктора юридических наук, профессора О. Э. Лейста. – М.: Зерцало, 2000. – 688 с.
144. Корнилов, А. А. Курс русской истории XIX века [Текст] / А. А. Корнилов. – М.: Высш. школа, 1993. – 443 с.
145. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов [Текст] / С. И. Ожегов. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.
146. Покровский, В. С. История русской политической мысли (конспект лекций). Выпуск третий [Текст] / В. С. Покровский. – М.: Госюриздат, 1952. – 76 с.
147. Политическая мысль в России: Словарь персоналий (XI в. – 1917 г.). – М.: Книжный дом «Университет», 2001. – 288 с.
148. Политология: Учебник / Под ред. М. А. Василика. – М.: Гардарики, 2005. – 588 с.
149. Политология: Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – 431 с.
150. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1982. – 608 с.
151. Философский словарь Владимира Соловьева. – Ростов н/Д.: Изд-во Феникс, 2000. – 464 с.
152. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

У. Диссертации и авторефераты

153. Абубакирова, М. И. Система нравственного идеализма П. И. Новгородцева [Текст]: Автореф. дис. ... кандидата наук / М. И. Абубакирова. – М., 1999. – 24 с.

154. Виноградов, В. В. Становление конституционализма в монархической России [Текст]: Автореф. дис... канд. юрид. наук / В. В. Виноградов. – Волгоград, 2002. – 22 с.

155. Гольцблат, А. А. Развитие идеи правового государства в России (1905–1917 гг.) [Текст]: Автореф. дис... канд. юрид. наук / А. А. Гольцблат. – М., 1994. – 22 с.

156. Захаров, А. В. Государственно-правовые воззрения Б. Н. Чичерина [Текст]: Автореф. дис... канд. юрид. наук / А. В. Захаров. – Белгород, 2002. – 22 с.

157. Иванников, И. А. Проблема эволюции формы российского государства в истории русской политико-правовой мысли второй половины XIX – середины XX веков [Текст]: Автореф. дис. ... доктора юрид. наук / И. А. Иванников. – Саратов, 2000. – 43 с.

158. Комнатная, Ю. А. Политико-правовые воззрения М. М. Ковалевского [Текст]: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. А. Комнатная. – Саратов, 2002. – 25 с.

159. Корнев, В. Н. Буржуазно-либеральная правовая мысль России. 1905–1917 гг. [Текст]: (Критический анализ основных аспектов). Автореф. дис... канд. юрид. наук / В. Н. Корнев. – М., 1988. – 24 с.

160. Липень, С. В. Идея «свободного права» в юридической науке дореволюционной России [Текст]: Автореф. дис... канд. юрид. наук / С. В. Липень. – М., 1994. – 22 с.

161. Нарезный, А. И. Проблема государственного устройства России в консервативно-либеральной мысли второй половины XIX века [Текст]: Автореф. дисс... докт. ист. наук / А. И. Нарезный. – Ростов н/Д, 1999. – 55 с.

162. Никищенкова, М. А. Идея правового государства в русской либерально-правовой мысли конца XIX – начала XX вв. (Историко-правовой и теоретико-методологический аспекты) [Текст]: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Казань, 2002. – 25 с.

163. Пономарев, Е. Г. Политико-правовые основы многопартийности в Российской империи и особенности перехода к однопартийной системе (Историко-правовой анализ) [Текст]: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Нижний Новгород / Е. Г. Пономарев. – 2000. – С. 16–17.

164. Попова, А. В. Политико-правовые взгляды П. Н. Милюкова [Текст]: Автореф. дис... канд. юрид. наук / А. В. Попова. – М., 2004. – 21 с.

165. Самигулин, М. В. Конституционно-правовая мысль дореволюционной России (1730–1883 гг.): историко-правовое исследование [Текст]: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Самигулин. – Волгоград, 2007. – 21 с.

166. Федотова, Г. А. Политическое учение Ковалевского. Автореф. дис... канд. юрид. наук / Г. А. Федотова. – М., 1973. – 24 с.

167. Чупрова, Н. А. Идея правового государства в русской политической мысли начала XX столетия [Текст]: Автореф. дис... канд. юрид. наук / Н. А. Чупрова. – М., 1995. – 21 с.

168. Яхина, А. Р. Учение П. И. Новгородцева о праве и государстве [Текст]: Автореф. дис... канд. юрид. наук / А. Р. Яхина. – Волгоград, 2007. – 24 с.

Епифанов Александр Егорович

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИБЕРАЛИЗМА
(вторая половина XIX – начало XX вв.)**

Учебное пособие

Электронное издание

Издательство Волгоградского института управления –
филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10